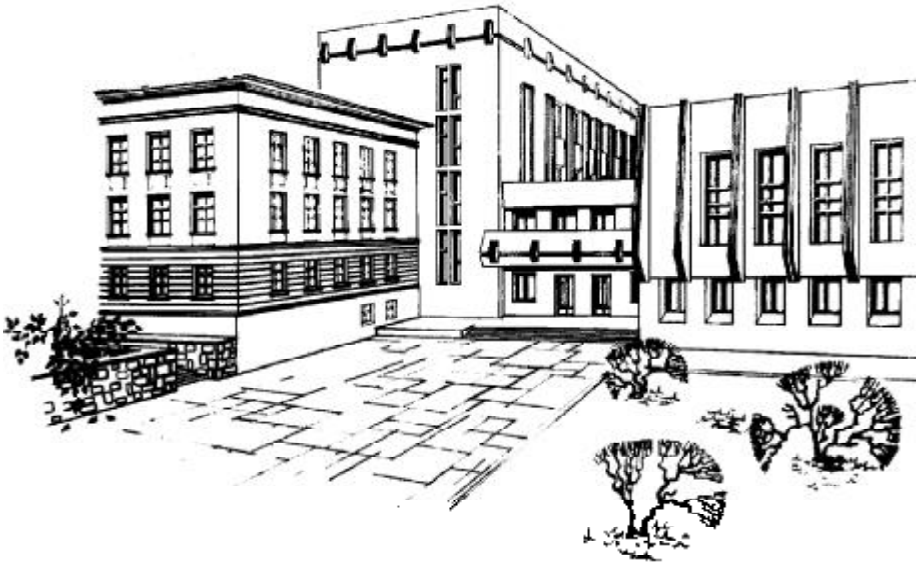
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВЕСТНИК

СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ВЫПУСК 16



МАГАДАН 2011

УДК 378
ББК 74.58
В 387

Вестник Северо-Восточного государственного университета издается по решению Ученого совета СМУ (с 29.06.2007 г. — СВГУ) от 24 июня 2002 года.

Редакционная коллегия:

Главный редактор:
Широков А.И. — д-р ист. наук, профессор.

Заместители главного редактора:
Леонова О.А. — д-р пед. наук, профессор;
Корсун Р.П. — канд. пед. наук, доцент.

Члены редколлегии:
Акулич О.В. — канд. экон. наук, доцент;
Борходоев В.Я. — д-р техн. наук, доцент;
Гиберт К.Я. — канд. физ.-мат. наук, доцент;
Гоголева Т.Ю. — канд. ист. наук, доцент;
Голобокова Г.М. — д-р экон. наук, профессор;
Горбачёв А.Л. — д-р биол. наук, ст. научный сотрудник;
Горячев Н.А. — д-р геол.-минерал. наук, профессор, член-корр. РАН;
Доржеева В.В. — канд. ист. наук, доцент;
Кокорев Е.М. — д-р филос. наук, профессор, чл.-кор. РАО.
Клыпа О.В. — канд. психол. наук, доцент;
Козенко К.П. — директор издательства учебной литературы и учебно-методических пособий для студентов СВГУ;
Корепанова Д.А. — зав. науч.-библиогр. отделом научно-технической библиотеки СВГУ;
Пинковский В.И. — д-р филол. наук, доцент;
Поспелова А.И. — д-р филос. наук, профессор;
Присяжной В.Б. — канд. техн. наук, доцент;
Самойлова А.Н. — канд. экон. наук, доцент;
Сахибгоряев В.Х. — д-р филос. наук;
Серкин В.П. — д-р психол. наук, профессор;
Сироткин А.В. — канд. техн. наук, доцент;
Соколянский А.А. — канд. филол. наук, доцент;
Соловенчук Л.Л. — д-р биол. наук, академик АЕ;
Чайковский Р.Р. — д-р филол. наук, профессор;
Якубович А.Н. — д-р техн. наук;
Якубович И.А. — д-р техн. наук, доцент.

Ответственный секретарь:
Шкатова Е.А. — канд. пед. наук, доцент.

В 387 **Вестник** Северо-Восточного государственного университета. — № 16. — Магадан : Изд-во СВГУ, 2011. — 171 с.

УДК 378
ББК 74.58

Перевод на английский язык осуществлен кандидатом филологических наук, старшим преподавателем кафедры английского языка Северо-Восточного государственного университета Е.С. Шерстневой.

© Северо-Восточный государственный университет, 2011
© Оформление макета обложки А. Пилипенко, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПСИХОЛОГИЯ

Бондарчук Н.В. Психологическое содержание трудовой деятельности 10

Калита В.В., Гайдай А.С. Эффект Барнума: исследование восприятия испытуемыми личностных описаний с различной социальной желательностью в зависимости от типа применяемой методики 12

Овсянникова В.В. Эмпирический анализ индивидуальных различий в эмоциональном зрительном поиске 19

Серкин В.П. Проблема эргономического проектирования профессионального образа жизни специалистов, работающих в режиме вахтового, сезонного, полевого и сменного графика 23

Стрелков Ю.К. Временная форма процессов и профессионального опыта 31

Якунина Ю.Е. Оценка представителей разнотипных профессий потребителями труда 46

ПЕДАГОГИКА

Давыдова Л.С. Теория решения изобретательских задач – технология творчества 54

Тукиш В.А. Духовное наследие Иннокентия (Вениаминова) как социокультурное явление 61

ЛИНГВИСТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вороневская Н.В. Сонет как жанр: некоторые исторические и теоретические аспекты 68

Евсюкова О.Н. Место слова *личность* в категории одушевленности/неодушевленности 73

Пинковский В.И. Картель как жанр французской поэзии XVI–XVIII веков 79

Райзман М.И. Лирическое начало в прозе А. Бирюкова 83

Семёнов А.И. Из истории названий кораблей охотской флотилии («Алексей, божий человек») 89

CONTENS

PSYCHOLOGY

Bondarchuk N.V. Psychological contents of labor activity 10

Kalita V.V., Gajdaj A.S. Effect of Barnum: research of perception by examinees of personal descriptions with various social desirability depending on type of an applied technique 12

Ovsyannikova V.V. The empirical analysis of individual distinctions in emotional visual search 19

Serkin V.P. Problem of ergonomic designing of a professional way of life of the specialists in a mode shift team, the seasonal, field and replaceable time-table 23

Strelkov U.K. Temporal form of processes and expertize 31

Yakunina U.E. Assessment of representatives of different types of professions by consumers of their labor 46

PEDAGOGICS

Davydova L.S. The development theory inventive problems – technology of creation 54

Tukish V.V. Cultural heritage by Innokenty (Veniaminov) as social and cultural notion 61

LINGUISTICS, STUDY OF LITERATURE

Voronevskaya N.V. Sonnet as a genre: some historical and theoretical aspects 68

Yevsukova O.N. The place word of *person* in the category of animation/inanimation 73

Pinkovsky V.I. Cartel as a genre of French poetry of XVI–XVIII centuries 79

Raizman M.I. Lyric source in prose by A. Biryukov 83

Semenov A.I. From the history of the names of the ships of the okhotsk flotilla («Alexey bozhiy chelovek») 89

Юрина М.А. Путевые повести Н. Балаева в контексте традиций лирико-документальной прозы Северо-Востока России 95

Jurina M.A. N. Balaev's travelling stories in the context of the Russian North-East lyric-documentary prose traditions 95

СОЦИОЛОГИЯ

SOCIOLOGY

Вторушина А.В. Потребление продуктов питания в контексте социологической теории: к попытке систематизации основных концепций 98

Vtorushina A.V. Food consumption in a context of the sociological theory: the attempt of a basic conceptions' sistematization 98

БИОЛОГИЯ. ЭКОЛОГИЯ

BIOLOGY. ECOLOGY

Прикоки О.В., Смирнов А.А. Многолетняя изменчивость размерного состава и соотношения полов нерестового североохотоморского минтая 104

Prikoki O.V., Smirnov A.A. Long-term variability of dimensional structure and parities of floors of the spawning pollack of northern part of Okhotsk Sea 104

Пугачев А.А., Тихменев Е.А. Почвенно-растительные комплексы государственного природного заповедника «Магаданский» 108

Pugachev A.A., Tikhmenev E.A. Soil-vegetation complexes of the Magadan state natural reserv 108

Пустовойт С.П., Юсупов Р.Р. О временной стабильности и популяционно-генетической структуры желтопёрой камбалы Limanda aspera, Тауйской губы, Охотского моря 113

Pustovoit S.P., Yusupov R.R. About temporal stability of population-genetic structure of population of yellowfin sole, Limanda aspera, from Taui Bay, the Sea of Okhotsk 113

ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ

ECONOMICS. MANAGMENT

Асотова Т.А. Здоровый образ жизни как условие устойчивого развития экономики государства 118

Asotova T.A. Healthy way o f life as means for stable development of the state economics .. 118

Голикова Л.А. Статистические методы исследования жизненного цикла рыбной отрасли Магаданской области 123

Golikova L.A. The statistical methods of the study of the life cycle to fish branch Magadan region 123

Присяжный М.Ю. Экономико-географическое положение как ресурс особого рода при развитии хозяйства слабоосвоенных территорий (на примере Якутии) 129

Prisyazhniy M. Yu. Economic-geographical position as a special kind resource in the economy development of poorly developed territories (for example Yakutia) 129

СТРОИТЕЛЬСТВО. ТРАНСПОРТ

CONSTRUCTION. TRANSPORT

Рассоха В.И., Исайчев В.Т. Повышение точности работы системы регулирования схождения управляемых колес автотранспортных средств в движении 136

Rassokha V.I., Isaychev V.T. Increasing the accuracy of operation of the system for continuous regulation of driving wheels of vehicle in motion 136

НАУЧНЫЕ ВСТРЕЧИ. КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ

XII Межвузовская научно-практическая конференция студенческой и учащейся молодежи 140

Информация о проведении Всероссийской научно-практической (заочной) конференции с международным участием «Проблемы и перспективы развития автотранспортного комплекса» 29–30 ноября 2010 г. 141

Рефераты статей, опубликованных в выпуске 142

Труды преподавателей Северо-Восточного государственного университета, опубликованные в 2011 г. 150

Список аспирантов и сотрудников, защитивших диссертации в 2011 году 156

Порядок предоставления и правила оформления статей в «Вестник Северо-Восточного государственного университета» 157

Наши авторы 170

SEMINARSSCIENTIFIC MEETINGS, CONFERENCES AND SEMINARS

XII Interuniversity Research Conference of Students and Young Scholars 140

Information about holding of the All-Russian scientific and practical (long-distance) conference with ability for international participation «Problems and prospects of development of the autotransport complex» November 20–30, 2010 141

Abstracts of articles published in the edition 142

North-Eastern State University teachers' works published in 2011 year 150

List of post-graduate students and employees who upheld their theses in 2011 year 156

Submitting procedure and parameters of articles to the «Vestnik of North-Eastern State University» 157

Our authors 170

К 20-летию кафедры психологии Северо-Восточного государственного университета

ПСИХОЛОГИЯ

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ СОТРУДНИКАМИ КАФЕДРЫ ПСИХОЛОГИИ СВГУ с 1997 по 2011 г.

1997 год

Кандидатская диссертация

Калита Виталий Владимирович	Тема:	Экологичность сознания профессионала

1999 год

Кандидатские диссертации

Белобородов Александр Геннадьевич	Тема:	Образ права как смысловой уровень правосознания и его особенности у преступников
Кузнецова Снежана Анатольевна	Тема:	Пространственно-временные и личностные аспекты жизненного пути северян

2000 год

Кандидатская диссертация

Кузнецов Игорь Юрьевич	Тема:	Психологические особенности профессионального самоопределения личности в разнотипных профессиях

2001 год

Кандидатская диссертация

Губарев Андрей Николаевич	Тема:	Психологические особенности труда резчика по кости

2004 год

Кандидатские диссертации

Бахтина Наталья Николаевна	Тема:	Психологические особенности профессиональной деятельности инспекторов рыбоохраны
Чарина Елена Вячеславовна	Тема:	Отношения в системе «Наставник – молодой специалист» в процессе профессионализации
Якунина Юлия Евгеньевна	Тема:	Субъективные критерии эффективности профессиональной деятельности в профессиях типа «Человек–человек»

2005 **год**

Докторская диссертация

Серкин Владимир Павлович	Тема:	Структура и функции образа мира в практической деятельности

2006 **год**

Кандидатская диссертация

Гаранина Оксана Алексеевна	Тема:	Особенности организации времени в жизни специалистов, работающих в режиме сменного графика

2007

Кандидатская диссертация

Бондарчук Наталья Васильевна	Тема:	Психологическое содержание старательского труда

2009

Кандидатская диссертация

Асланян Виктория Юрьевна	Тема:	Психологическое воздействие служителей деструктивных религиозных культов как предмет профессиональной оценки экспертами-психологами

2011

Кандидатская диссертация

Склейнис Виктор Александрович	Тема:	Специфика развития образа мира в разнотипных профессиях

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н.В. Бондарчук

Теоретический анализ подходов к пониманию и изучению трудовой деятельности как к динамической системе активных взаимодействий субъекта с внешним миром, в ходе которых действующий субъект целенаправленно и сознательно отражает и преобразует объективную действительность [1–4; 9–11; 14; 16 и др.], позволяет сделать следующий вывод: трудовая деятельность человека предполагает его вовлечение в субъектно-объектные и субъектно-субъектные связи. В результате активного отражения субъектно-объектных и субъектно-субъектных связей, возникающих в трудовой деятельности, у человека формируется и развивается психический образ действительности и, соответственно, субъективная позиция и отношение к этим системам субъектно-субъектных и субъектно-объектных взаимосвязей.

Отношение человека является атрибутом любой связи человека, то есть находит конкретное воплощение в любых контактах, взаимодействиях человека с человеком, материальными и идеальными вещами и явлениями. Субъективное отношение включает в себя и отношение человека к себе, и отношение к другим, и к миру в целом. Субъективная система отношений человека к действительности направляет его активность, оказывает влияние на исполнение и результаты совместной деятельности.

Другими словами, психологическое понимание трудовой деятельности основано на взаимосвязи категорий деятельности и психического отражения, что позволяет рассматривать в деятельности тот аспект, который связан с изучением различных форм, видов и уровней субъективного отражения объективной действительности действующим человеком. При этом психическое отражение, понимаемое как субъективный образ объективной действительности, дает возможность психологического анализа, прежде всего, субъективного плана деятельности.

При таком определении трудовой деятельности задачей ее психологического изучения является раскрытие того, как в процессе этой деятельности осуществляется субъективное отражение действительности (как происходит появление психического образа) и каков механизм психической регуляции деятельности (как происходит реализация опосредованных психическим образом отношений субъекта в предметной действительности).

Реализация данной задачи психологического исследования трудовой деятельности осуществляется именно через анализ субъектно-объектных и субъектно-субъектных взаимосвязей, всегда актуализирующихся в конкретной трудовой деятельности.

Изучение индивидуального субъекта трудовой деятельности с позиций субъектно-деятельностного и системно-деятельностного подходов [1–4; 7–11; 14; 16 и др.] предполагает рассмотрение как характеристик человека, специфичных для конкретного труда, так и характеристик профессии как трудового поста в их взаимосвязи. Другими словами, можно говорить об анализе субъектно-объектных взаимосвязей при изучении субъекта труда.

Анализ субъектно-объектных взаимосвязей позволяет рассматривать различные уровни организации заданной объективно социальной и технической реальности в неразрывной связи с признаками (характеристиками) субъекта труда. При этом субъект труда выступает в неразрывном единстве личностных, профессионально-психологических, психофизиологических и индивидуально-типологических качеств. Выделенные из нормативно-технологической структуры профессии компоненты объекта труда выступают как нормативно-ориентирующие субъекта труда признаки. Эти признаки являются основанием для обозначения целей его деятельности, психологических действий, которые должны им реализовываться в деятельности, и актуализируемых при этом психических и психофизиологических процессов, протекание которых обеспечивается специфическими профессионально важными качествами. Причем необходим анализ операционно-технологической структуры именно тех этапов профессионального труда, в которых сконцентрирована основ-

ная сущность и сложность данной профессии и от которых в большей степени зависит результат деятельности человека.

Это позволяет раскрыть особенности отражения субъектом труда объективной реальности и определить степень адекватности этого отражения, то есть определить характер и соотношение личностных и предметных взаимодействий и в результате выстроить психологическую структуру деятельности субъекта труда. Данный анализ позволяет выйти на уровень отношений субъекта к предметному миру. Эти отношения детерминируются, с одной стороны, объективными параметрами предметной действительности, а с другой – образом, субъективно отраженной человеком действительности.

При изучении индивидуального субъекта труда важно понимать, что он в большинстве случаев трудится совместно с другими людьми, образуя с ними разнообразные общности, которые представлены в виде коллективных (групповых) субъектов труда [1; 4–6; 12; 13; 15]. К.А. Абульханова-Славская отмечает, что особенностью деятельности как человеческой формы активности является то, что ее субъектом всегда бывает некоторая совокупность непосредственно кооперированных или опосредованно связанных общественными отношениями индивидов. Она пишет: «Вне этих связей любая активность единичного индивида деятельностью не становится» [1, с. 18].

При этом, становясь субъектом совместной деятельности, человек приобретает качества (свойства), формирование и развитие которых обусловлено его включением в совместную деятельность в конкретном трудовом коллективе. Взаимодействие индивидов на основе общественной организации их деятельности создает качественно иного субъекта, «понять» которого возможно через анализ тех связей, отношений, в которые он включен, будучи элементом коллективного субъекта.

Таким образом, рассмотрение индивидуального субъекта труда в отрыве от группы, в которой разворачивается деятельность данного субъекта, в которой субъекты являются взаимосвязанными и взаимозависимыми, делает психологический анализ трудовой деятельности неполным. Анализ коллективного субъекта позволяет выходить на уровень индивидуального субъекта в его субъектно-объектных и субъектно-субъектных взаимосвязях.

Так, человек, являясь, элементом коллективного субъекта, реализующего совместную деятельность, вовлекается в различные субъектно-субъектные связи, которые реализуются во взаимодействии, межличностных отношениях, общении. С одной стороны, эти субъектно-субъектные взаимосвязи детерминируются предметным содержанием, характером, формой организации совместной деятельности. С другой стороны, вовлекаясь в совместную деятельность, человек как активный субъект деятельности занимает определенную субъективную позицию, вырабатывает определенное отношение к этой совместной деятельности и тем субъектно-субъектным взаимосвязям, которые ее характеризуют. В свою очередь, это субъективное отношение оказывает влияние и на сам процесс деятельности, на ее результат, и на взаимоотношения людей в совместной деятельности.

Таким образом, взаимоотношения людей в совместной деятельности (субъектно-субъектные взаимосвязи), реализуемые через межличностные отношения, взаимодействие, общение детерминируются, с одной стороны, содержанием и организацией этой совместной деятельности, а с другой – совокупностью отношений человека к этой совместной деятельности.

Анализ субъектно-субъектных взаимосвязей предполагает изучение взаимоотношений между людьми в совместной деятельности, которые также, с одной стороны, детерминируются внешне (содержанием предметной деятельности, задачей, инструкцией, формой организации), а с другой – внутренне (субъективным отношением человека к этой деятельности). Данные взаимосвязи включают в себя не только отношения человека с другим человеком, но и отношение к самому себе (самоотношение). Субъектно-субъектные отношения позволяют раскрыть, с одной стороны, особенности общения, и особенности и качества деятельности (субъективные параметры деятельности) – с другой.

В субъектно-объектных и субъектно-субъектных взаимосвязях человек как индивидуальность соотносит себя: со специфическими внешними условиями; с трудовыми, профессиональными, технологическими системами; с социальными структурами, процессами, другими субъектами; с социумом, совокупностью условий жизни. Анализ этих взаимосвязей позволяет раскрыть характер

отношения субъекта труда к своей деятельности, к предметам и орудиям труда, к людям, с которыми он работает; степень осознанности социальной ценности выполняемой им работы; меру удовлетворенности своим трудом и производственными условиями; степень инициативности и активности субъекта труда.

Таким образом, анализ субъектно-объектных и субъектно-субъектных взаимосвязей позволяет понять, как в сознании субъекта преломляется действительность (предметный мир, другие люди) и как отраженный в сознании субъективный образ этой действительности влияет на реализацию отношений с действительностью (предметной деятельностью, которая является совместной) [7; 8].

На наш взгляд, ***психологическое содержание трудовой деятельности*** раскрывается через анализ субъектно-объектных и субъектно-субъектных взаимосвязей и представлено отраженным в сознании субъекта труда образом действительности, отношением к действительности, состояниями и индивидуально-психологическими особенностями, которые наряду с предметным содержанием и условиями деятельности, направляют и регулируют трудовую деятельность субъекта. Изучение психологического содержания трудовой деятельности предполагает анализ объективных и субъективных параметров деятельности в их взаимосвязи.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. – М. : Наука, 1980. – 335 с.
2. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – СПб. : Питер, 2001. – 288 с.
3. Барабанщиков В.А. Системная организация и развитие психики // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24. – № 1. – С. 29–46.
4. Брушлинский А.В. Психология субъекта: индивида и группы // Психологический журнал. – 2002. – Т. 23. – № 1. – С. 71–80.
5. Донцов А.И. К анализу деятельности как системообразующего признака коллектива // Социально-психологические проблемы в условиях развитого социалистического общества. – М., 1977. – С. 8–9.
6. Журавлев А.Л. Социальная психология личности малых групп: некоторые итоги исследования // Психологический журнал. – 1993. – № 4. – С. 40–47.
7. Иванова Е.М. Психология профессиональной деятельности. – М. : ПЕР СЭ, 2006. – 382 с.
8. Климов Е.А. Введение в психологию труда. – М. : Изд-во МГУ, 1988. – 199 с.
9. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – Изд. 2-е. – М. : Политиздат, 1975. – 304 с.
10. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М. : Наука, 1999. – 350 с.
11. Моросанова В.И. Категория субъекта: методология и исследования // Вопросы психологии. – 2003. – № 2. – С. 140–144.
12. Обозов Н.Н. Психические процессы и функции в условиях индивидуальной и совместной деятельности / под ред. Б. Ф. Ломова // Проблема общения в психологии. – М. : Наука, 1981. – С. 24–44.
13. Петровский А.В. Деятельностный подход в социально-психологическом исследовании // Вестник МГУ. Сер. 14, Психология. – 1978. – № 4. – С. 3–10.
14. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб. : Питер, 2002. – 720 с. – (Серия «Мастера психологии»).
15. Уманский Л.И. Методы экспериментального исследования социально-психологических феноменов / под ред. Е.В. Шороховой // Методология и методы социальной психологии. – М., 1977. – С. 54–71.
16. Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. – М. : Наука, 1982. – 185 с.

R

УДК 159.9

ЭФФЕКТ БАРНУМА: ИССЛЕДОВАНИЕ ВОСПРИЯТИЯ ИСПЫТУЕМЫМИ ЛИЧНОСТНЫХ ОПИСАНИЙ С РАЗЛИЧНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬЮ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТИПА ПРИМЕНЯЕМОЙ МЕТОДИКИ

В.В. Калита, А.С. Гайдай

Хотя за рубежом во второй половине двадцатого века были проведены десятки исследований восприятия испытуемыми психологических портретов, в России эта тема, насколько нам известно, практически не разрабатывалась. Это подтверждает факт отсутствия переводов иностранной литературы по данной теме на русский язык.

Предположительно, результаты исследований на российской выборке будут отличаться от результатов зарубежных исследований.

Подавляющее большинство исследований в данной области было проведено американскими психологами. Описываемое здесь исследование строилось с использованием методов, применявшихся такими авторами, как Б. Форер, Р. Снайдер, Р. Шенкель и др., в исследованиях так называемого эффекта Барнума [3; 5; 6].

В основе всех исследований в данной области лежит понятие «эффекта Барнума», который традиционно определяют следующим образом. «Эффект Барнума (эффект Форера, эффект субъективного подтверждения) — общее наблюдение, что люди высоко оценивают точность таких описаний их личности, которые, как они предполагают, созданы индивидуально для них, но которые на самом деле неопределённы и достаточно обобщены, чтобы их можно было с таким же успехом применить и ко многим другим людям [1]. Эффектом Барнума многие ученые частично объясняют феномен широкой популярности астрологических гороскопов, хиромантии и других псевдонаук.

Приведем небольшой пример для прояснения причин внимания исследователей к этому, на первый взгляд, не слишком интересному феномену. Представьте, что испытуемому предлагают оценить, насколько точно его описывают следующие утверждения: «Вы носите одежду, по ночам обычно спите, а днем бодрствуете. Время от времени вы склонны есть и пить, а еще вы дышите. Вы общаетесь с другими людьми. Передвигаетесь, скорее всего, на задних конечностях». Как, на ваш взгляд, будет оценено это описание? По нашему мнению, оно не будет воспринято всерьез. Описание, конечно, правдивое, в том смысле, что оно подойдет практически любому человеку. Но оно слишком широкое и бесполезное для описания конкретного человека. И будет воспринято скорее как шутка. Интересно здесь то, что если на место явных черт внешнего облика поставить утверждения о неких предполагаемых чертах личности, особенностях характера и душевных интенциях, то вероятность высокой оценки точности такого описания резко возрастает. Так, если в психологическом портрете написать вместо тезиса «время от времени вы испытываете жажду», скажем, «иногда вы расстраиваетесь», то, при условии что испытуемый будет считать это описание имеющим отношение к своей личности, второй вариант будет воспринят им с большим доверием. Хотя чувство жажды и перемены в настроении свойственны всем людям в одинаковой степени.

Впервые изучаемый эффект был описан Бертрамом Форером в 1948 г. [3]. Этому предшествовала научная дискуссия среди американских психологов, предметом которой была распространенная в то время практика оценки диагностических характеристик психологических тестов путем предъявления результатов обработки клиентам. Клиентов просили оценить, насколько предъявляемый им результат обработки данных пройденной ими психологической методики соответствует их самовосприятию. Другими словами, клиенты должны были оценивать точность предъявляемых психологических портретов через сравнение их с имеющимися «знаниями о себе». Также и психолог-исследователь оценивал результаты использования той или иной методики, сравнивая ее со своими собственными выводами из наблюдения и бесед с клиентом. При этом рядом авторов подчеркивалось, что результаты интерпретации данных психологических методик не позволяют отличать людей друг от друга. То есть в таких результатах нельзя было найти упоминания о каких-то уникальных или редких чертах, а лишь об общих характеристиках и чертах, присущих большинству людей. Исследователи сомневались в пользе психодиагностических методик, результаты которых едва ли отличались один от другого, независимо от личности испытуемого.

Уже упомянутое исследование Б. Форера со всей ясностью продемонстрировало обоснованность этих сомнений. В своем исследовании Форер предлагал испытуемым-студентам заполнить небольшой личностный опросник. Испытуемым при этом сообщалось, что вскоре они получат свои психологические портреты, которые будут написаны якобы на основании заполнения этого опросника. Но это было не более чем прикрытие – впоследствии все испытуемые получили одно и то же личностное описание, составленное Б. Форером из утверждений, позаимствованных из некой книги по астрологии. Средняя оценка испытуемыми точности описания составила 4,26 балла из 5 возможных, что, на наш взгляд, довольно неплохо, учитывая происхождение этого описания. Вот описание, использованное Б. Форером:

«Вы очень нуждаетесь в том, чтобы другие люди любили и восхищались вами. Вы довольно самокритичны. У вас есть много скрытых возможностей, которые вы так и не использовали себе во благо. Хотя у вас есть некоторые личные слабости, вы, в общем, способны их нивелировать. Дисциплинированный и уверенный с виду, на самом деле вы склонны волноваться и чувствовать неуверенность. Временами вас охватывают серьезные сомнения, приняли ли вы правильное решение или сделали ли правильный поступок. Вы предпочитаете некоторое разнообразие, рамки и ограничения вызывают у вас недовольство. Также вы гордитесь тем, что мыслите независимо; вы не принимаете чужих утверждений на веру без достаточных доказательств. Вы поняли, что быть слишком откровенным с другими людьми – не слишком мудро. Иногда вы экстравертны, приветливы и общительны, иногда же – интровертны, осторожны и сдержанны. Некоторые из ваших стремлений довольно нереалистичны. Одна из ваших главных жизненных целей – стабильность» [3].

Подобные обобщенные описания мы будем называть тривиальными. Если присмотреться к этому описанию, то станет ясно, что оно, как и приведенное ранее, описывает некоторого среднего, обобщенного человека. И описывается этот «обобщенный человек», наверное, неплохо, вот только психологи, использовавшие в работе с клиентами психодиагностический инструментарий, дававший подобные описания, работали не со среднестатистическим человеком, а с реальными людьми. Но реальные люди отчего-то имели склонность очень хорошо относиться к расплывчатым описаниям психологических характеристик. В том числе и поэтому методики, дававшие обобщенные описания, продолжали использоваться и высоко ценились.

За описанным экспериментом Б. Форера последовало множество воспроизводящих и дополняющих исследований. Были предприняты многочисленные попытки определить факторы, влияющие на описываемый эффект. Среди основных изучаемых факторов: желательность описания, авторитет исследователя, тип методики – «прикрытия» (т. е. той методики, с которой работали испытуемые перед получением психологических портретов – личностный опросник, проективный тест и т. п.) и др.

В настоящем исследовании мы не ставили перед собой цель оценить эффективность тех или иных методов работы психолога с клиентом, а лишь пытались прояснить некоторые аспекты обсуждаемой проблемы, вызвавшей интерес многих исследователей к работе Б. Форера: нас интересовал в первую очередь сам факт принятия испытуемыми тривиальных описаний. Нами были изучены такие факторы, предположительно влияющие на проявление эффекта Барнума, как желательность психологического портрета и тип используемой методики.

Планирование эксперимента

Первая переменная, учитываемая в экспериментальной модели – желательность психологического портрета.

В основе исследований этой переменной лежит предположение, что описание, состоящее из социально желательных утверждений, говорящих, к примеру, о хороших способностях или о высоких морально-волевых качествах испытуемого, будет оцениваться иначе, нежели описание, состоящее из утверждений о «глупости» и «никчемности» испытуемого. Предполагается, что социально желательное описание будет оцениваться как более точное. На первый взгляд все очевидно – лесть вызывает приятные ощущения и потому принимается более благосклонно, нежели критика, раздражающая и вызывающая протест. И действительно, большинство исследований данной переменной подтверждают это предположение. Большинство, но не все. Так, исследование, проведенное Р. Снайдером и Р. Шенкелем, дало не столь однозначные результаты [5]. Они предположили, что социальная желательность психологического портрета может относиться к воспринимаемой точности таким образом, что снижение социальной желательности повлечет за собой снижение «общей правдивости психологического портрета» («base-rate truthfulness»). Общая правдивость – обозначение частоты встречаемости обсуждаемого явления в генеральной совокупности. То есть названные авторы предположили, что социально желательные психологические портреты встречают большее одобрение испытуемых и более высокую оценку точности, в сравнении с социально нежелательными описаниями, потому что они (социально желательные описания) дей-

ствительно представляют собой более точную оценку личности большинства людей. Короче, люди в целом хорошие и замечательные, а значит, социально желательные описания действительно описывают их лучше. Отсюда и более высокие оценки таких описаний.

Далее была предпринята попытка проверить это предположение экспериментально, и вот как это было сделано. Авторы получили оценку общей правдивости используемых в исследовании утверждений. В качестве оценщиков выступали студенты. Затем, в основной части исследования, уже других испытуемых просили оценить точность предъявляемых им описаний. Последующий анализ не обнаружил значимых различий в воспринимаемой точности социально желательных и нежелательных тривиальных описаний, даже при условии что правдивые (т. е. подходящие для большинства) утверждения находились только в социально желательном описании. С учетом того, что схожих исследований не последовало, сделать какие-то однозначные выводы в данном случае затруднительно.

Именно эта неоднозначность и побудила нас включить социальную желательность в наше исследование как одну из переменных.

Второй переменной был выбран тип методики, предъявляемой испытуемым до описания. В зарубежных исследованиях этой переменной было выяснено, что испытуемые лучше оценивают результат проективных методик, как предполагается, из-за их «таинственности» для испытуемых [6].

Кроме того, тривиальные описания, как выяснилось, оцениваются испытуемыми настолько хорошо, что когда они принимались за результаты даже очевидно нелепых, шутливых тестов (в которых испытуемые отвечали «да» или «нет» на такие утверждения, как: «я думаю, что бобры слишком много работают» или «я всегда беспокоюсь, завидев уши Линкольна» и т. д.), им все равно давались высокие оценки точности [2]. Здесь возникает вопрос – проявится ли различие в оценках испытуемыми психологических портретов, предъявляемых после использования разных методик, если эти психологические портреты будут носить различную социальную желательность?

Таким образом, для проверки озвученных выше гипотез был спланирован двухфакторный эксперимент. В настоящем эксперименте предполагалось сравнить оценки личностных описаний испытуемых, которые будут предъявляться после прохождения ими либо личностного опросника, либо нумерологической методики (независимая переменная № 1) и сопоставить результаты в ситуации предъявления социально нейтрального, социально отрицательного и социально положительного описания (независимая переменная № 2).

Разработка вспомогательного инструментария

Цель исследования – изучение восприятия испытуемыми личностных описаний с положительной, нейтральной и отрицательной социальной желательностью в зависимости от типа использованной методики.

Для проведения основного исследования были разработаны следующие авторские вспомогательные методики и стимульный материал.

1. Методика оценки желательности, состоящая из трех используемых личностных описаний, разбитых на отдельные утверждения, которые испытуемые должны были оценивать как комплименты в свой адрес, «+» если такой комплимент испытуемому нравится и «–» если такой комплимент испытуемому не нравится.

2. Личностный опросник, содержащий список утверждений относительно поведения и характера испытуемого, которые тот должен опровергать или подтверждать, соответственно, ставить «–» или «+».

3. Паранаучная методика, результаты которой испытуемый никак не смог бы предугадать. Мы решили использовать нумерологическую «методику», в которой испытуемый, в ходе выполнения некоторых арифметических операций с использованием даты своего рождения, получал какое-либо число; именно это число указывалось испытуемому как основание для анализа его личности.

4. Три варианта тривиальных описаний личности, отличающихся по степени социальной желательности: социально отрицательное, социально нейтральное и социально положительное описания.

В качестве социально положительного описания было используемо классическое описание, впервые примененное Б. Форером [3].

Что касается двух других (социально отрицательное и социально нейтральное) описаний, то нам не удалось обнаружить примеры этих типов описаний в других исследованиях, поэтому мы использовали опросник CPI (Californian psychological inventory), а точнее – интерпретационные данные этого опросника [4]. Интерпретационные данные были разделены на две категории: в одну попали высокие показатели по доминантности, самопринятию и социализации (dominance, self-acceptance и socialization соответственно) для мужчин и женщин, а в другую – низкие показатели по тем же шкалам. Таким образом, мы получили два типа недостающих (социально отрицательное и социально нейтральное) описания.

Перед непосредственным использованием трех составленных стимульных описаний в основном эксперименте предварительно было выяснено, имеются ли различия в восприятии испытуемыми этих трех описаний.

Для этого мы разбили все три описания на отдельные фразы, получив, таким образом, 44 утверждения о характере. После этого мы предложили 12 испытуемым оценить каждое из утверждений, отметив его знаком «+» или знаком «–», при этом в инструкции для испытуемых подчеркивалось, что они должны были расценивать утверждения как комплименты в свой адрес, а плюс или минус ставить в соответствии со своей эмоциональной реакцией на этот комплимент. Например, при оценке фразы «вы очень терпеливы», испытуемый ставил «+», если ему нравилось такое утверждение относительно своей личности и «–», если ему это утверждение не нравилось.

Полученные результаты были обработаны с использованием критерия X^2 Пирсона. Были подтверждены значимые различия в оценках трех описаний: «отрицательное описание» характеризовалось преобладанием отрицательно оцененных утверждений, «положительное описание» – преобладанием положительных оценок, а в «нейтральном описании» доля положительно и отрицательно оцененных утверждений была примерно одинакова.

Процедура исследования

В исследовании были задействованы две группы испытуемых по 26 человек, каждой из которых была предложена к заполнению своя методика: одной – личностный опросник, а другой – нумерологическая методика. Все испытуемые являлись студентами очной формы обучения факультетов психологии вузов города Владивостока.

Обеим группам испытуемых было объявлено, что им предлагают «поучаствовать в исследовании новой методики, результаты использования которой они должны будут оценить». Так как в качестве испытуемых планировалось использовать студентов, то исследование было решено проводить в аудитории во время занятий.

Первой группе предъявлялся психологический тест – перечень из 48 утверждений, на которые надо было отвечать «Да» или «Нет». То есть для испытуемых создавалась видимость участия в исследовании с использованием научного инструментария.

Для второй группы в качестве когнитивного плацебо, защищавшего экспериментальную гипотезу, выступала псевдонумерологическая методика.

Через неделю после предъявления испытуемым двух типов методик (личностного опросника в группе № 1 и нумерологического теста в группе № 2) каждому участнику был предоставлен индивидуальный психологический портрет. В качестве такого психологического портрета выступали три варианта тривиальных описаний (каждый испытуемый получал только одно описание): а) с положительной, б) нейтральной и в) отрицательной социальной желательностью, – под видом итогов обработки данных из выполненных ими методик. Испытуемым было предложено прочесть предложенное описание и оценить его по трем шкалам – точность, информативность и приятность. Оценка производилась по пятибалльной шкале, на которой «1» соответствует наименьшей оценке, «3» нейтральной оценке, «5» наивысшей оценке.

Собрав листы с оцененными описаниями, был проведен дебрифинг – процедура выведения испытуемых из ситуации исследования. Конкретно мы раскрывали истинные цели эксперимента – в данном случае исследование влияния типа используемой методики и степени социальной желательности тривиального психологического портрета на восприятие испытуемыми точности, информативности и желательности этого описания.

Результаты были обработаны при помощи статистического критерия X^2 Пирсона путем сравнения всех возможных комбинаций двухфакторного эксперимента. При этом была сформулирована гипотеза: оценки точности, информативности и желательности будут значимо различаться между группой, проходившей личностный опросник, и группой, выполнявшей нумерологические вычисления.

Эту гипотезу можно конкретизировать для каждого из типов используемых нами описаний – положительного, нейтрального и отрицательного. Так, мы предполагали, что оценки точности, информативности и приятности будут наиболее высокими у положительных описаний. У нейтральных описаний оценки будут несколько ниже, и у отрицательных описаний оценки будут самыми низкими.

Анализ и интерпретация результатов

Сводные результаты исследования приведены в таблице.

Оценки испытуемыми точности, информативности и приятности разных типов описаний в зависимости от предъявляемых ранее методик

Группа № 1			Группа № 2		
Личностный опросник			Нумерологическая методика		
Точность					
=	–	+	=	–	+
35	32	34	30	25	33
Информативность					
=	–	+	=	–	+
29	22	21	22	26	21
Приятность					
=	–	+	=	–	+
40	38	37	37	29	37

Примечание: «=» – нейтральное описание; «+» – положительное описание; «–» – отрицательное описание.

Из таблицы видно, что, к примеру, точность положительного описания (33) оценивалась в целом выше, чем точность отрицательного описания (25), имеются в виду данные второй группы.

Анализ результатов проведенного эксперимента позволяет утверждать, что точность, информативность и приятность описания результата психологического опросника оцениваются выше, нежели результаты паранаучной методики. Будь эта разница более существенной, мы могли бы сделать однозначный вывод о склонности испытуемых скептически рассматривать парапсихологические методики. Однако названные результаты не различаются значимо. Что касается сравнения суммарных оценок для каждого из описаний, то и здесь значимых различий выявлено не было.

Изучая восприятие испытуемыми положительных, нейтральных и отрицательных описаний в зависимости от типа предварительной процедуры, мы отталкивались от ранее проведенных исследований так называемого эффекта Барнума. Как отмечалось выше, несмотря на то, что таких исследований было проведено относительно много, не все аспекты данного эффекта были прояснены. В частности, не была установлена зависимость оценки испытуемыми точности описания от социально положительного или отрицательного характера этого описания. То есть испытуемые оценивали точность «плохих» описаний так же высоко, как и точность «хороших». Это несколько противоречит житейской точке зрения о том, что лесть обычно принимается лучше критики, а потому мы решили изучить это явление.

Нами для экспериментальной проверки были использованы три разных описания, социальную желательность которых нам пришлось устанавливать самостоятельно.

В итоге не было обнаружено значимых различий в оценке испытуемыми точности, информативности и принятия использованных нами трех типов описаний. И хотя отрицательное описание было оценено несколько ниже, разница слишком мала, чтобы принимать ее во внимание.

На результаты исследования мог оказать влияние тот факт, что некоторые испытуемые все же подглядывали в описания своих соседей по партам, что делало возможным обнаружение идентичности описаний. Однако описания раздавались так, что сидящие рядом испытуемые не могли получить идентичных образцов, так что число испытуемых, которые могли что-то заподозрить, было невелико, и мы предполагаем, что влияние этого аспекта можно не принимать во внимание.

Несколько неожиданные результаты (мы предполагали, что отрицательное описание будет оценено испытуемыми хуже, нежели нейтральное и положительное) были интерпретированы нами следующим образом.

Возможно, «отрицательное описание» было «недостаточно отрицательным». С другой стороны, мы не хотели составлять отрицательное описание сплошь из утверждений, негативно описывающих испытуемого. Негативно описание, используемое в настоящем эксперименте, было составлено таким образом, чтобы при значительной доле негативно воспринимаемых утверждений содержать в себе небольшую долю и положительно воспринимаемых утверждений.

Другой аспект нашей работы заключался в разведении двух групп по типу предварительной процедуры – одной группе давалась видимость личностного опросника (список вопросов, которые надо было подтвердить или опровергнуть), а другой – паранаучная методика (инструкция для вычислений с использованием испытуемыми чисел из дат своего рождения). Мы предполагали, что научная методика будет оценена лучше паранаучной. Но и по второй переменной не было найдено значимых различий: нами не было обнаружено каких-либо отличий в оценке испытуемыми точности, информативности и желательности положительных, отрицательных и нейтральных описаний при использовании двух типов предварительных процедур (с использованием научной и паранаучной методик).

Необходимо отметить, что полученные результаты подтвердили высказывание Р. Снайдера о том, что тип предварительной процедуры не влияет на восприятие испытуемыми личностных описаний: независимо от предшествующих процедур тривиальные описания принимаются испытуемыми очень хорошо.

Результаты нашего исследования подтверждают эффект Барнума: было продемонстрировано, что испытуемые склонны соглашаться с тривиальными описаниями своей личности, вне зависимости от характера данных описаний и типа предварительной процедуры.

По результатам проведенного эксперимента был сформулирован вывод: ни характер социальной желательности описаний, ни тип предварительных процедур – используемых методик не влияют на восприятие испытуемыми своих тривиальных портретов.

Несомненно, представленное исследование носит локальный (условно – демонстрационный) характер и требует дальнейшей верификации на более широкой репрезентативной выборке.

Библиографический список

1. Корсини Р. Психологическая энциклопедия / Р. Корсини, А. Ауэрбах // Национальная психологическая энциклопедия (НЭС): URL: http://vocabulary.ru/dictionary/3/word/%DD%F4%F4%E5%EA%F2+%C1%E0%F0%ED%F3%EC%E0/ (2010, 20 апр.).

2. Collins R.W., Dmitruk V.M., Ranney J.T. Personal validation: Some empirical and ethical considerations // J. Consult. Clin. Psychol. – 1977. – Vol. 45 (1). – P. 70–77.

3. Forer B.R. The fallacy of personal validation: a classroom demonstration of gullibility // J. Abnorm. Soc. Psychol. – 1949. – Vol. 44 (1). – P. 118–123.

4. Harris M.E. Students perception of the clinically relevant dimensions of actual trivial, and inaccurate personality feedback // URL: http://etd.lib.ttu.edu/theses/available/etd03252009312950025409 78/unrestricted/31295002540978.pdf (2010, 25 апр.).

5. Snyder C.R. and Shenkel R.J. Effects of «favorability,» modality, and relevance on acceptance of general personality interpretations prior to and after receiving diagnostic feedback // J. Consult.Clin.Psychol. – 1976. – Vol. 44 (1). – P. 34–41.

6. Snyder C.R. Acceptance of personality interpretations as a function of assessment procedures // J. Consult. Clin. Psychol. – 1974. – Vol. 42 (1). – P. 150.

R

УДК 159.9

ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ЭМОЦИОНАЛЬНОМ ЗРИТЕЛЬНОМ ПОИСКЕ

В.В. Овсянникова

В исследованиях внимания парадигма зрительного поиска отражает известные каждому ситуации, в которых возникает необходимость обнаружить один объект среди других, фоновых объектов (например, ручку на столе среди других предметов). В классической экспериментальной задаче зрительного поиска один стимул предъявляется среди других стимулов, которые выступают в качестве дистракторов. Задача испытуемого заключается в том, чтобы как можно быстрее обнаружить целевой стимул в этом наборе – например, найти квадрат среди ромбов. Успешность обнаружения целевого объекта в контексте отвлекающих стимулов измеряется с помощью показателей времени реакции и точности ответа [10].

Позднее использование в качестве стимулов изображений лица с положительно или отрицательно окрашенной экспрессией положило начало интенсивному изучению особенностей эмоционального зрительного поиска [8, с. 5]. На сегодняшний день есть работы, посвященные не только исследованию общих механизмов этого процесса, но и направленные на анализ индивидуальных различий в его эффективности. Нужно отметить, что в исследованиях индивидуальных различий в зрительном поиске рассматривается довольно ограниченный перечень психологических характеристик. В основном это «клинические» особенности человека, которые могут способствовать (или препятствовать) более успешной переработке эмоциональной информации определенного типа. Например, показано, что люди с социальной фобией более эффективно обнаруживали при зрительном поиске экспрессию гнева по сравнению с выполнением поиска контрольной группой без такой фобии [7]. В серии своих исследований А. Оман с соавторами изучали вопрос о том, вызывают ли автоматическое смещение внимания объекты, которые являются угрожающими для человека. Другими словами, влияет ли наличие фобии к определенной категории объектов (например, боязнь змей или пауков) на эффективность их поиска среди не вызывающих страх объектов (цветы). Результаты показали, что при зрительном поиске преимущество получают стимулы, которые сигнализируют об угрозе [9]. Когнитивные характеристики испытуемых, в том числе те, которые могут быть релевантны успешности эмоционального зрительного поиска, еще не выступали предметом исследований в этой области. В данной работе проводится анализ различий в выполнении зрительного поиска в связи с психометрическим интеллектом и эмоциональным интеллектом. Понимание эмоционального интеллекта как способности (а не как смешанного конструкта) предполагает наличие его умеренных связей с эффективностью решения задачи поиска на эмоциональном материале. Связь показателей зрительного поиска с психометрическим интеллектом покажет, что основу зрительного поиска составляют когнитивные процессы переработки информации.

В литературе представлено мало данных о том, есть ли преимущества в зрительном поиске у испытуемых того или иного пола. Широко распространено представление о большей успешности женщин по сравнению с мужчинами в сфере эмоциональной компетентности. Согласно результатам эмпирических исследований, это преимущество не является универсальным и зачастую связано с определенным типом эмоциональных способностей (например, пониманием эмоций, но не управлением ими) или успешностью обращения с определенными типами эмоций (например, положительными, но не отрицательными) [3].

Таким образом, цель данного исследования заключается в анализе различий в эффективности зрительного поиска лиц с эмоциональной экспрессией у людей с разным уровнем эмоционального интеллекта. Кроме этого сравнивается успешность выполнения задачи зрительного поиска у испытуемых разного пола.

Методика исследования

Методика эмоционального зрительного поиска была специально разработана для целей исследования. Материалом методики выступили фотографии лиц анфас с экспрес-

сией разной валентности (положительная, отрицательная, нейтральная). Фото были отобраны с помощью экспертов из базы «NimStim stimulus set» [11]. Фотографии предъявлялись в матрицах 2×2; в половине проб матрицы включали целевой стимул – т. е. отличающееся по экспрессии лицо, в половине проб все лица имели одинаковое выражение. Расстояние между фотографиями в матрице составляет 5 мм, общая высота матрицы 12,5 см, ширина – 10,5 см. Целевой стимул предъявлялся с одинаковой частотой во всех позициях в матрице. Всего испытуемому было показано 134 матрицы, в том числе 6 в тренировочной серии.

Процедура состояла из одной тренировочной и четырех основных серий (6 проб и по 32 пробы, соответственно). Задача испытуемого – как можно быстрее и точнее дать ответ о том, есть ли в матрице из четырех лиц такое лицо, которое отличается по экспрессии от трех других. Основные серии различаются тем, какую валентность имеет целевой стимул в матрице и какую валентность имеют лица – дистракторы:

1. Поиск негативно окрашенной экспрессии на фоне положительно окрашенной экспрессии.

2. Поиск негативно окрашенной экспрессии на фоне нейтральной экспрессии.

3. Поиск положительно окрашенной экспрессии на фоне негативно окрашенной экспрессии.

4. Поиск положительно окрашенной экспрессии на фоне нейтральной экспрессии.

Предъявление инструкций, стимулов, а также фиксация ответов испытуемых выполнялись при помощи программного обеспечения для проведения экспериментов E-Prime 2.0. Испытуемый располагался лицом к экрану ноутбука (диагональ 15,4″). Каждая проба начиналась с показа точки фиксации в виде символа «+», предъявляемой на 1000 мсек. на белом экране. За ней следовал белый экран, в центре которого расположена матрица из четырех фотографий. Матрица оставалась на экране до ответа испытуемого. Ответ осуществлялся путем нажатия клавиш «1» или «0» на клавиатуре.

В методике зрительного поиска вычислялись следующие показатели:

1. Скорость поиска целевой экспрессии в четырех сериях. Вычислялась медиана времени реакции испытуемого в пробах, в которых он дал правильный ответ. Пробы с неверным ответом исключались из анализа.

2. Точность поиска целевой экспрессии в четырех сериях. Подсчитывалось количество правильных ответов, которые испытуемый дал в каждой серии (в процентах).

Для измерения эмоционального интеллекта использовались методики разных типов. Видеотест эмоционального интеллекта [2] представляет собой тестовую методику для измерения успешности распознавания эмоций персонажей в наборе видеосюжетов. Показатель точности распознания эмоций вычислялся как степень соответствия оценок участника эталонной экспертной оценке. Таким образом, данная методика позволяет оценить один из компонентов эмоционального интеллекта, а именно успешность распознавания эмоций других людей. Опросник «ЭмИн» основан на самоотчете человека о своих способностях в понимании и управлении эмоциями. Пять субшкал опросника формируют четыре итоговые шкалы [1]. Психометрический интеллект измерялся с помощью Продвинутых прогрессивных матриц Равена (с 40-минутным ограничением времени) [4].

Выборка

В исследовании приняли участие 313 человек (из них 62 % женского пола) – учащиеся 8–10-х классов девяти московских школ. Возраст испытуемых составил от 13 до 17 лет (средний возраст 15,3, стандартное отклонение 0,93).

На первом этапе обработки из полного массива данных зрительного поиска из-за большого количества ошибок (больше 25 %) по показателю точности были исключены ответы двух испытуемых. По показателю времени реакции исключены данные 13 испытуемых (так как время реакции вышло за пределы значения трех стандартных отклонений от среднего). Таким образом, в окончательную обработку включены данные 298 человек.

Результаты. Обсуждение результатов

Были вычислены коэффициенты корреляций (непараметрический коэффициент Спирмена) между значениями точности и времени реакции в четырех сериях методики зрительного поиска, общим баллом по тесту Равена и шкалами опросника ЭмИн. Получена положительная связь между временем реакции поиска отрицательной экспрессии на фоне нейтральной экспрессии и шкалой Внутриличностного эмоционального

интеллекта в опроснике ЭмИн (r = 0,177; p = 0,026). Связь показывает, что чем лучше человек понимает и управляет своими эмоциями, тем больше времени занимает у него распознавание экспрессии гнева среди лиц с нейтральным выражением. Отрицательная корреляция времени реакции при поиске положительной экспрессии, когда контекстом является отрицательная экспрессия, с баллом по тесту Равена (r = –0,218; p = 0,023) говорит о том, что чем выше уровень интеллекта, тем выше скорость распознавания радостного лица в контексте гневных лиц. Данная связь отражает когнитивный характер процессов переработки информации при выполнении зрительного поиска лиц.

По показателю точности распознавания эмоций в Видеотесте методом крайних групп были выделены подгруппы испытуемых с высоким и низким уровнем этой способности. Оказалось, что участники обеих подгрупп выполняли задачу зрительного поиска с одинаковой точностью. При сравнении скорости поиска в двух подгруппах были обнаружены статистически значимые различия в выполнении двух серий методики зрительного поиска, в которых и целевой стимул, и дистракторы эмоционально окрашены (не нейтральны). Обнаружение гневных лиц среди радостных, так же как и наоборот, радостной экспрессии на фоне гневной, осуществлялось быстрее людьми с более высоким уровнем способности к распознаванию эмоций по сравнению с теми, кто получил более низкие результаты по показателю точности в Видеотесте. Средние значения времени реакции, значения критерия Манна-Уитни и уровень его значимости представлены в табл. 1.

Значения в табл. 1 показывают, что чем выше уровень способности понимать эмоции других людей, тем быстрее человек идентифицирует целевую экспрессию в условиях, когда она предъявляется на фоне другой экспрессии, отличной от нейтральной.

Нужно отметить, при большом количестве потенциально возможных связей между показателями методики эмоционального зрительного поиска и методик, измеряющих эмоциональный интеллект, получено немного значимых корреляций. Все полученные связи невысокие, находятся в диапазоне 0,1 – 0,3. Важно, что получены корреляции между показателями методики на распознавание эмоций тестового типа, которая не предполагает ограничения времени, и показателями распознавания экспрессии в зрительном поиске. Для высокого уровня точности распознавания эмоций имеет значение скорость переработки эмоциональной информации в условиях зрительного поиска.

Также результаты показали наличие связей скорости зрительного поиска с разными аспектами эмоционального интеллекта, а именно с успешностью выполнения тестовой задачи на эмоциональном материале, а также с самооценкой человека компетентности в понимании и управлении эмоциями. Эти данные согласуются с результатами исследований, в которых используется процессуальный подход к эмоциональному интеллекту. Показано, что есть положительные связи между успешностью выполнения задачи на скоростное опознание отрицательной и нейтральной экспрессии с общим баллом теста MSCEIT (r = 0,23; p < 0,01), а также со шкалой межличностного эмоционального интеллекта в опроснике Шутте (r = 0,27; p < 0,05) [6].

Таблица 1

Скорость зрительного поиска при разном уровне способности к распознаванию эмоций

Показатель, серия	Низкий уровень способности к распознаванию эмоций	Высокий уровень способности к распознаванию эмоций	U (p)
Время реакции поиска отрицательной экспрессии на фоне положительной	1124,26 мс	1053,72 мс	1958,0 (,041)
Время реакции поиска положительной экспрессии на фоне отрицательной	1159,55 мс	1084,52 мс	1870,0 (,033)

Результаты анализа различий в эффективности эмоционального зрительного поиска в подгруппах испытуемых женского и мужского пола представлены в табл. 2 (показаны описательная статистика выполнения поиска в разных сериях, значения критерия Манна-Уитни для показателей точности и времени реакции).

По показателю точности обнаружения целевого стимула во всех сериях методики зрительного поиска были получены статистически достоверные различия между группами испытуемых разного пола. Девушки точнее выполняли поиск отличающегося лица среди других лиц в наборе независимо от типа экспрессии целевого стимула и дистракторов – как в случае положительно окрашенных лиц, так и в случае отрицательно окрашенной экспрессии. По показателю времени реакции при выполнении зрительного поиска различий между сравниваемыми группами не выявлено. Эти результаты соответствуют полученным в других исследованиях данным о большей успешности женщин в обращении с эмоциональными феноменами [3].

В целом результаты исследования показали, что переработка эмоциональной информации (в данном случае информации об эмоциональной экспрессии) может быть более или менее эффективной в зависимости от индивидуальных особенностей участников исследования.

Таблица 2

Эффективность зрительного поиска у испытуемых разного пола

№	Показатель / серия	Девушки (N = 184)	Юноши (N = 114)	U (p)
		Среднее значение (станд. отклон.)		
1	Время реакции / поиск отрицательной экспрессии на фоне положительной	1105,57 (213,57)	1121,20 (215,19)	9982,50 (,484)
2	Время реакции / поиск отрицательной экспрессии на фоне нейтральной	1183,29 (231,45)	1183,24 (235,13)	10399,00 (,902)
3	Время реакции / поиск положительной экспрессии на фоне отрицательной	1129,81 (234,12)	1125,10 (210,55)	10314,00 (,810)
4	Время реакции / поиск положительной экспрессии на фоне нейтральной	1107,53 (207,51)	1103,68 (187,94)	10379,50 (,881)
1	Точность / поиск отрицательной экспрессии на фоне положительной	,921 (,08)	,903 (,08)	8974,00 (,034)
2	Точность / поиск отрицательной экспрессии на фоне нейтральной	,927 (,07)	,894 (,09)	8194,00 (,001)
3	Точность / поиск положительной экспрессии на фоне отрицательной	,931 (,06)	,900 (,10)	8527,50 (,006)
4	Точность / поиск положительной экспрессии на фоне нейтральной	,929 (,08)	,910 (,09)	9078,00 (,048)

Библиографический список

1. Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭмИн // Психологическая диагностика. – 2006. – № 4. – С. 3–22.

2. Люсин Д.В. Новые методики измерения эмоционального интеллекта / Д.В. Люсин, В.В. Овсянникова // Юбилейная конференция: 125 лет Московскому психологическому обществу: тезисы докладов (Москва, 26–28 марта 2010 г.) – М., 2010. – С. 12–13.

3. Невербальное общение. Полное руководство / под ред. М. Непп, Д. Холл – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006.

4. Равен Дж.К. Руководство к прогрессивным матрицам Равена и словарным шкалам. Разд. 4. Продвинутые Прогрессивные Матрицы / ДЖ. К. Равен, Дж.Х. Курт, Дж. Равен. – М. : Когито-Центр, 1997.

5. Beck M.R., Lohrenz M.C., Trafton J.G. Measuring Search Efficiency in Complex Visual Search Tasks: Global and Local Clutter // Journal of Experimental Psychology : Applied. – 2010. – Vol. 16. – № 3. – P. 238–250.

6. Farrelly D., Austin E.J. Ability EI as an intelligence? Associations of the MSCEIT with performance on emotion processing and social tasks and with cognitive ability // Cognition and Emotion. – 2007. – Vol. 21 (5). – P. 1043–1063.

7. Gilboa-Schechtman E., Foa E.B., Amir N. Attentional biases for facial expression in social phobia: The face-in-the-crowd paradigm // Cognition & Emotion. – 1999. – Vol. 13. – P. 305–318.

8. Hansen C.H., Hansen R.D. Finding the Face in the Crowd: An Anger Superiority Effect // Journal of Personality and Social Psychology. – 1988. – Vol. 54. – №. 6. – P. 917–924.

9. _hman A., Flykt A., Esteves F. Emotion Drives Attention: Detecting the Snake in the Grass // Journal of Experimental Psychology: General. – 2001. – Vol. 130. – № 3. – P. 466–478.

10. Treisman A., Gelade G. A feature integration theory of attention // Cognitive Psychology. – 1980. – Vol. 12. – P. 97–136.

11. Tottenham N., Tanaka J.W., Leon A.C., McCarry T., Nurse M., Hare T.A., Marcus D.J., Westerlund A., Casey B.J., Nelson C. The NimStim set of facial expressions: Judgments from untrained research participants // Psychiatry Research. – 168 (2009). – P. 242–249.

R

УДК 159.9

ПРОБЛЕМА ЭРГОНОМИЧЕСКОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ СПЕЦИАЛИСТОВ, РАБОТАЮЩИХ В РЕЖИМЕ ВАХТОВОГО, СЕЗОННОГО, ПОЛЕВОГО И СМЕННОГО ГРАФИКА

В.П. Серкин

Традиционным объектом эргономики является система «человек (группа) – машина (техническое средство) – среда», а предметом – соответствующая деятельность человека [11]. Однако существует большое количество профессий, при освоении которых без развития целостного профессионального образа жизни профессиональная деятельность и профессиональный путь специалистов (моряки, геологи, старатели, сотрудники силовых структур, рыбаки, нефтяники, летчики, космонавты, диспетчеры, проводники, машинисты поездов дальнего следования, персонал «скорой помощи», дежурные врачи, «вахтовики» и др.) невозможны [15; 16]. В связи с этим возникает проблема проектирования и организации не только профессиональной деятельности, но и целостного профессионального образа жизни.

Например, в современной старательской артели в Магаданской области (200–300 человек) при реализации технологического процесса добычи золота задействованы профессионалы более чем по 30 специальностям. После юридического оформления процесс начинается с геологической разведки и оценки участков, получения кредитов для обеспечения промсезона, а заканчивается съемкой золотого концентрата с промприбора и охраняемой доставкой его на аффинажный завод. В зимний период снабженцы заключают договоры на поставку горюче-смазочных материалов из Находки и продуктов питания из Краснодара, а в летний период в артели работают теплицы и свинарники, так как дешевле ряд свежих продуктов производить на месте, чем доставлять с многими перевалками за тысячи километров. Независимо от профессии все сотрудники артели – от руководителя до бульдозериста, от мониторщика до главного механика – работают в сложных климатических и бытовых условиях, весь сезон (например, 130 дней) без выходных, весь световой день, в отрыве от коммуникаций и источников информации, в ситуации неизвестности относительно оплаты труда, которая определяется конечным количеством сданного артелью золота [3]. Психическое и физиологическое состояние человека, безопасность (травмоопасность) его и окружающих, производительность труда и сохранность оборудования, отношения с окружающими зависят не только от организации его производственной деятельности, но и от организации всего образа жизни сотрудников в период сезона (и зимнего межсезонья).

Можно привести множество других примеров о значимости организации профессионального образа жизни на рыболовных судах и в воинских частях, в бригадах поездов и экипажах самолетов, в бригадах сменного графика (сменах) и научно-педагогических коллективах. Вышеприведенных примеров достаточно, чтобы показать, что предметом изучения и проектирования (а значит – и предметом эргономики) должна являться не только профессиональная деятельность, но и целостный профессиональный образ жизни. Собственно, так давно уже и происходит

при проектировании космической и подводной техники и других сложных систем «человек-машина» (СЧМ), просто настало время вербализовать включение такого проектирования в предмет эргономики и системно им (проектированием профессионального образа жизни) заниматься.

Категория «образ жизни» в философии и экономике определяется через общественно-исторический и культурный уклады жизни. В рамках одних и тех же общественных укладов существуют разнообразные индивидуальные образы жизни человека в разные периоды его жизни и различных людей в одно и то же время. Специфичность индивидуальных образов жизни обусловлена профессиональной деятельностью (например, образ жизни охотника и учителя), возрастом, наличием детей, интересами и т. д. Разнообразие индивидуальных образов жизни позволяет разрабатывать понятие «образ жизни» как психологическое, учитывая аспект субъективности как актуальной активности личности, динамику изменения образа жизни (Петров – ребенок и взрослый, в студенчестве и на пенсии и т. д.), разнообразие образов жизни людей в рамках одного и того же уклада, периода, страны или района (рыбака и врача, политика и отшельника).

Образ мира, являясь идеальным, сам из себя (вне системы деятельностей) не формируется и не раскрывается. Из принципа единства сознания и деятельности понятно, что для системного описания структур, динамики и генеза образа мира требуется разработка релевантного по интегральности понятия, для описания актуальной активности субъекта, в процессе которой образ мира развивается и изменяется. Таким понятием является понятие «образ жизни» в его психологическом наполнении. Образ мира и образ жизни субъекта образуют систему, в которой оба полюса детерминируют друг друга и детерминируются друг другом. Их отношения не изоморфны. В общетеоретическом плане для поиска закономерностей отображения образа мира и образа жизни друг в друга (конструкт отображения «структура – структура», пока не развитый в современной психологии) необходимо развивать концепцию интериоризации до уровня описания процесса интериоризации не одной деятельности, а всей системы деятельностей субъекта.

Соответственно, определим вводимое понятие [15; 16]:

индивидуальный образ жизни – система деятельностей (как интегративной характеристики активности), которую человек актуально реализует как субъект индивидуальной деятельности или в которую «включен» (субъектом которых является общество, группа) в течение определенного жизненного периода. Структура образа жизни детерминируется и образом мира, и планом реальных взаимодействий и, в свою очередь, детерминирует развитие образа мира.

Ввести определение для описания всей совокупности реализуемых в какой-то период жизни человека деятельностей (образ жизни) требует от нас и логика развития теории деятельности: придерживаясь точки зрения А.Н. Леонтьева [7] о существовании иерархии мотивов, мы должны обсуждать и вопрос об иерархическом строении активности человека (то есть обо всей совокупности деятельностей), детерминируемой этой иерархией. Сам А.Н. Леонтьев понимал жизнь именно как совокупность различных деятельностей [5]. Кроме того, сам категориальный строй теории деятельности включает два ряда пар понятий: идеальное – проявленное в материальном плане (мотив – деятельность, цель –действие, внутренние условия – операции, значение – предмет). Логика развития категориального строя теории деятельности показывает, что вслед за понятием идеального плана «образ мира» было введено равное ему по уровню парное понятие проявленного плана – «образ жизни» в его психологическом наполнении.

Образ жизни изменяется вместе с изменением (развитием, переструктурированием) иерархии мотивов личности, с изменением и развитием иерархии смыслов субъекта и смысла жизни [7; 8]. Возможно, что именно с изменением иерархии мотивов связано для личности осознание какого-либо периода жизни как психологического прошлого (если иерархия уже изменилась) или психологического настоящего (если иерархия пока неизменна) независимо от внешнего событийного ряда. Такое понятие «образ жизни» должно явиться порождающим понятием и для целого ряда исследовательских задач по проблематике принятия решения, так как

реальное жизненное (бытийное) решение всегда принимается человеком не на основе одного–двух ведущих мотивов, а на основе всей совокупности актуально реализуемых деятельностей.

Образ жизни, хотя и не наблюдается непосредственно (в данный момент), однако доступен описанию со стороны внешнего наблюдателя (как, например, такт деятельности), то есть представлен и в идеальном, и в реальном планах. Соответственно, и единица анализа образа жизни должна быть представлена в этих двух планах. Такой единицей анализа, на наш взгляд, является целенаправленное действие.

Для описания структуры образа жизни мы воспользовались схемой макроструктуры деятельности А.Н. Леонтьева [7] и схемой системно-структурного строения мыследеятельности [20], введенными для решения сходной задачи (описать структуру развивающейся деятельности во взаимодействии в реальном плане). Также была использована не авторизированная, но разделяемая большинством отечественных психологов схема выделения планов деятельности (внешняя – внутренняя). Применение этих схем с учетом принципиальных требований к методу системного моделирования [2] позволило смоделировать следующую схему структуры образа жизни как системы иерархизированных мотивацией деятельностей человека, выделяя в ней три уровня активности:

1. Уровень внутренней деятельности (субъективность пространства и времени).

2. Уровень коммуникации (конвенциональность пространства и времени).

3. Уровень практической деятельности (конструирование пространства и времени).

На уровне внутренней деятельности представления о пространстве и времени определяются моей субъективностью. Пространство и время субъективно сжимаются и даже инверсируются: я могу думать за секунды о событиях, происходящих часами и годами, могу произвольно изменять временной порядок событий и расположение предметов, их размеры, структуру и другие свойства. На уровне коммуникации пространство и время становятся конвенциальными (согласованными с другими): чтобы встретиться с человеком, мы должны согласовать и время, и место; чтобы понимать друг друга или совместно действовать, мы должны синхронизировать наши ритмы [18]. На уровне практической деятельности ритмы и свойства реальных предметов становятся решающими: чтобы действовать практически, я должен соотнести свое время, свои психические процессы, свои эффекторы (тело и инструментарий) с «сопротивлением реальности», со свойствами предметной реальности.

Описание специфики образа жизни и поиск детерминант взаимовлияния образа жизни и образа мира (конкретизация принципа единства сознания и деятельности) являются «ключом» к описанию конкретной содержательной специфики индивидуальных образов мира. Комплиментарность (соответствие) структур образа мира и образа жизни обеспечивается их адекватностью окружающим условиям жизни, а рассогласование, возможно, является психологическим механизмом различных когнитивных, личностных, операциональных и профессиональных затруднений.

На ранних этапах развития общества образ жизни целых сообществ был профессионально специфичным. Например, охотничьи племена продвигались по маршрутам миграции дичи, скотоводческие – по маршрутам выпаса скота. Даже жилища (юрты, яранги и пр.) были специально приспособлены для таких постоянных переездов. Весь общественный уклад, распределение обязанностей, иерархия отношений во многом были детерминированы требованиями основной профессиональной деятельности. Соответственно складывался и детерминируемый образом жизни образ мира, который, в свою очередь, начинал влиять на образ жизни. Вся космогония, представление о мире, о календарных циклах, злых и добрых духах неразрывно были связаны с циклами сельскохозяйственной, охотничьей или скотоводческой деятельности.

Казалось бы, что детерминированность специфичности образа жизни специфичностью профессиональной деятельности снижается с развитием городов, с развитием новых общественно-экономических формаций, однако уже в XIX в. в знаменитом «Капитале» К. Маркса [9] прямо указывается на подчиненность системы общественных отношений системе производственных. Например, в исследованиях С.В. Пивоваровой [14] и В.А. Склейниса [17] показано, что весьма

профессионально детерминированными являются образ жизни и образ мира учителей. Причем, чем больше стаж профессиональной деятельности, тем более сходными по группе являются и ценностные ориентации, и семантические оценки, и поведенческие проявления. Аналогичным образом выявлены специфические проявления образа мира и образа жизни специалистов, работающих в режиме сменного графика [4], преподавателей высшей школы [10; 17], геологов [19], работников старательской артели [13] и специалистов, работающих вахтовым методом [6; 16].

Специфичность профессионального образа жизни должна быть принята не только специалистом, но и его близкими, так как соответствующая специфика организации семейной жизни часто воспринимается членами семьи не как объективные условия профессиональной деятельности, а как субъективные особенности личности специалиста.

Постановка проблемы описания профессионального образа жизни [15;16] открывает путь к следующим новым направлениям разработок в психологии труда:

1. Профориентационное: сегодня система профориентационной работы направлена на содержание профессиональной деятельности. В связи с тем, что существует профессионально специфичный образ жизни, оптант обязательно должен быть ознакомлен с его (образа жизни) особенностями. Следует также отметить, вопреки сложившейся установке, что очень часто оптант выбирает именно особый образ жизни, а не просто профессиональную деятельность.

2. Профадаптационное: следует учитывать, что зачастую трудности освоения профессии и профессионального роста связаны не только с содержанием профессиональной деятельности и отношениями с коллегами, но являются трудностями приспособления к профессионально специфичному образу жизни.

3. Семейное консультирование: профессионально специфичный образ жизни (геолога, моряка, летчика, военнослужащего, авиадиспетчера, машиниста поезда дальнего следования и др.) должен быть освоен не только самим профессионалом, но и членами его семьи.

4. Исследовательское: задачей является описание не только профессиональной деятельности, но и всего профессионально специфичного образа жизни.

5. Проектировочное: задачей является проектирование не только профессиональной деятельности, профессиональной среды и ее условий, но и проектирование профессионально специфичного образа жизни, его среды и условий.

Влияние трудовой деятельности в длительно изолированных от других людей коллективах (вахтовики, старатели, геологи, моряки, рыбаки, рыбинспекторы и др.) в буквальном смысле не ограничивается рабочим временем. Весь быт, основные темы общения в нерабочее время, специфика общения, специфика организации социальных взаимодействий – все подчинено требованиям организации трудовой деятельности.

Существенным для понимания структуры и динамики общения в длительно изолированных от прямого общения с другими профессиональных группах является тот факт, что межличностные отношения становятся опосредствованными и опосредованными профессиональными. В таких группах тезис А.В. Петровского [12] о совместной деятельности как психологической образующей коллектива остается и вполне современным, и является особенно наглядным. Это проявляется даже в семейных отношениях. Так, например, в работах В.В. Колесниковой [6] описаны изменения семейной жизни в тех семьях, в которых муж и жена вместе работают вахтовым, сезонным или экспедиционным методом: 1) супруги лучше понимают особенности и требования профессиональной деятельности друг друга; 2) редко возникают конфликты, обусловленные графиком работы (но все опрошенные хотели бы сменить график); 3) ответы на вопросы анкеты показывают только материальную мотивацию профессиональной деятельности; 4) существуют проблемы воспитания, общения с ребенком (больше воспитывают бабушки-дедушки, другие родственники или ребенка приходится отдавать в интернат); 5) происходит значительное «психологическое уставание» супругов от постоянного общения и дома, и на работе; 6) происходит перенос производственных отношений в сферу семьи, семейных – в сферу профессиональной деятельности.

Феномены «экспедиционного бешенства» широко известны, но описаны они скорее в художественной, чем в научной литературе. Причины этого вполне понятны: невозможность «объективного» наблюдения и описания. Менее известна и описана феноменология постепенного нарастания напряжения и соответствующих постоянных конфликтов в ограниченных по составу профессиональных группах, а также феноменология весьма специфической адаптации к образу жизни в таких условиях. Например, автору удалось побеседовать с членами экипажей рыболовецких сейнеров, которые в период долгого сезона (путины) вовсе не стремились побывать в городе и не сходили на берег во время недолгих заходов в порты. Для них, по выражению сотрудника Морского государственного университета имени адм. Невельского В.В. Павловского, «моя тюрьма становится моей броней».

В период сбора материалов для кандидатской диссертации «Психологическое описание старательского труда» [3] ее автор, Н.В. Бондарчук, проработала сезон в старательской артели в должности тепличницы. Такое включенное наблюдение и беседы, результаты которых в последующие сезоны были дополнены с помощью стандартизированных методик, позволили описать настроения, чувства и состояния профессионалов и их динамику: межличностные отношения в старательской артели в период рабочего сезона характеризуются напряженностью, конфликтностью, недоверием, подозрительностью, зависимостью друг от друга (в труде, в быту), деловитостью в ущерб межличностным отношениям. Для работников характерны: негативное отношение к старательскому труду, к своему образу жизни, к старателю; неудовлетворенность своей жизнью; низкий уровень интернальности; направленность на дело и на себя. Психическое состояние работников старательской артели в период рабочего сезона характеризуется как: эмоционально напряженное (тревога), утомленное (чувство усталости), эмоционально *возбужденное* (агрессивность, раздражение); нарастанием чувств усталости, напряженности, безнадежности и апатии. В свою очередь, эти состояния и динамика отношений ведут к нарастанию агрессивности, количества конфликтов, «беспричинных» уходов с работы и отъездов, травматизма, аварий и поломок техники и инструмента.

В работах С.В. Шуньковой [19] описаны особенности образа мира и образа жизни геологов: 1) высокая напряженность деятельности в период полевого сезона, связанная с ограниченностью сроков, зависимостью от погоды, техники, совместных действий, повышенной опасностью; 2) высокий ранг ценностей, связанных с профессиональной деятельностью и общением; 3) особые временные циклы профессиональной деятельности, общения, всех семейных отношений, адаптации к «полю», реадаптации, социальный десинхроноз; 4) большой разрыв в системах ценностных ориентаций геологов и рабочих партий, геологов и студентов-геологов, обусловливающий текучесть кадров рабочих и нежелание выпускников работать по специальности. Специалисты, проработавшие «в поле» много лет, считают свой профессиональный образ жизни особой ценностью, во многом обусловливающей привлекательность профессии. В то же время для многих находящихся на практике студентов-геологов полевой образ жизни является скорее отталкивающим, чем привлекательным. Нарастание состояний психической напряженности и количества конфликтных ситуаций в течение сезона является для студентов еще одним негативным фактором формирования их мнения о профессии и профессиональной деятельности.

Специалисты стремятся выполнить профессиональные задачи, а наемные рабочие по указанию специалиста просто пробивают шурфы, роют траншеи, отбирают и носят пробы и аппаратуру. Таким образом, указания специалистов часто воспринимаются рабочими как бессмысленные, затрудняющие их жизнь при той же оплате труда. Это ведет к недобросовестному выполнению работ и напряженности в отношениях. С нарастанием усталости и накоплением эффектов групповой изоляции такая профессиональная стратификация может приводить к прямому отказу от выполнения работ, уходам из геологической партии, конфликтам и даже прямым столкновениям с использованием инструментов и оружия.

В работах О.А. Гараниной [4] описаны психологические особенности профессиональной деятельности специалистов, работаю-

щих в режиме сменного графика: 1) такие специалисты организуют время жизни, опираясь на специфическую временную концепцию; 2) временные параметры профессионально специфичного образа жизни интериоризуются; 3) временная концепция таких специалистов отличается от общесоциальной; 4) наблюдается социальный десинхроноз (несовпадение с временем жизни значимых людей); 5) наблюдается преобладание кратковременных целей над долговременными; 6) наблюдается преобладание стихийных и личностных способов совладания с временной ситуацией над совместно-преобразующими; 7) наблюдается понижение уровня интернальности специалистов.

В работах Н.Н. Бахтиной [1] описаны исследования психологических особенностей деятельности инспекторов рыбоохраны: 1) особые условия деятельности, временной график деятельности, командность действий; 2) основная единица анализа и рефлексивного обсуждения профессиональной деятельности – ситуация противостояния инспектора и нарушителя; 3) основная задача инспектора в ситуации задержания – получение психологического превосходства; 4) существуют два основных статуса нарушителя: (частное лицо и должностные лица, группы), с которыми инспектору приходится вести себя по-разному; 5) существует особая система координат деятельности: пространство, расстановка сил, диспозиция; 6) в период путины – ненормированный рабочий день (обычно весь световой день, иногда – ночная работа); 7) особое распределение функций и ролей в момент задержания; 8) выявлены профессионально-специфические группы характеристик специалиста: а) отношения с другими сотрудниками, б) характеристики участия в совместной деятельности; в) специфика отношения к людям на водоеме («каждый, кто не инспектор – нарушитель или намеревающийся заняться браконьерством»).

Профессиональная специфика образа мира и образа жизни специалиста, работающего вахтовым, сезонным или экспедиционным методом, самым непосредственным образом отражается на образе жизни семьи и семейных отношениях [15; 16]. Наиболее нарушены следующие функции семьи: 1) первичный социальный контроль (отсутствует в период работы); 2) формирование культурных и социальных навыков (нет образцов, нет системы постоянных требований); 3) хозяйственно-бытовая (почти полное отвыкание специалиста в период работы); 4) удовлетворение потребности в любви (отсутствует); 5) психотерапевтическая функция (поддержка при личном общении, участие, обсуждение решений); 6) социальная ответственность (частично нивелирована); 7) воспитательная (привязанности, отраженная субъектность); 8) сексуально-эротическая (нерегулярность, отвыкание, поиск партнеров «на стороне»); 9) защитная (почти полностью отсутствует в период работы специалиста).

Защитная функция семьи до сих пор остается не рассмотренной в известных автору публикациях, однако ярко проявляется при взаимодействиях человека с различными социальными структурами, другими семьями и людьми (например, пьяный сосед в подъезде гораздо реже пристает к замужним женщинам, чем к одиноким). В публицистике и в художественной литературе описаны факты «приписывания» сотрудниками силовых структур преступлений невинным людям для улучшения отчетности по раскрываемости, факты противоправного принуждения со стороны преступников к подписанию различных документов и даже убийств для получения квартир и др. В качестве «жертв» таких действий, как правило, выбираются одинокие люди. Очевидно, что в ситуациях социального и коммунального взаимодействия, выходящих за рамки обыденности, женщины и дети чувствуют себя более защищенными, если «глава семейства» находится рядом. Это чувство защищенности редко осознается при нормальной реализации защитной функции семьи, но становится хорошо осознанной и вербализуемой проблемой при ее (защитной функции) нарушениях.

Также неисследованной психофизиологической проблемой сезонного (вахтового) образа жизни является проблема влияния частой и резкой смены типа климата (в Магадане – с приморского на резко континентальный и обратно) для вахтовиков, старателей и полевиков. Здесь рекомендации медиков и психологов могут быть диаметрально противоположны. С медицинской точки зрения геоклиматические условия должны изменяться не слишком часто, чтобы организм успевал адаптироваться. Следовательно, вахты

и пересменки должны быть максимально длинными (пока не начнет сказываться утомление). С психологической точки зрения, наоборот, для сохранения комплекса семейных функций общаться нужно достаточно часто. Вахтовый метод и работа старательскими артелями обусловлены экономическими интересами работодателя – при разработке ресурсов не затрачиваются средства на создание и сохранение инфраструктуры. С общественной и государственной точек зрения такая «экономия», ведущая к нарушению комплекса функций семьи, выглядит довольно сомнительно.

Одним из эффективных средств совместного описания индивидуального образа мира и образа жизни является выявление индивидуальных хронотопов субъекта. Как утверждает В.В. Петухов [13], нарисованные испытуемыми планы или рисунки местности вовсе не являются только когнитивными картами. В рисунок (план) всегда включено субъективное отношение, так как на местности решаются профессиональные, личностные и другие задачи субъекта. Очевидной является профессиональная специфика хронотопов субъекта (например, представление о карте одного и того же района для таксиста и дворника, для участкового милиционера и участкового врача). Возможно, что для выявления субъективного наполнения хронотопов следует создать методики «рисунок местности» и «рисунок дня» (или «рабочего цикла»), аналогичные методике «рисунок семьи».

Такие хронотопы могут стать центральной частью моделей образов мира, дополняемых исследованием, оценкой и описанием «преломления» в хронотопах образов жизни и образов мира следующих, также достаточно очевидных параметров описания образов жизни:

1-я группа – характеристики среды (непосредственное влияние): а) характеристики физической среды (геоклиматические); б) характеристики деятельностной и бытовой среды (условия жизни, условия профессиональной деятельности, досуга, тип хозяйства, уровень дохода и т. п.); в) характеристики информационной среды (источники информации, их доступность, достоверность, значимость и т. п.); г) индивидуально-физиологические характеристики (наследственность, экологические условия, питание, профзаболевания, болезни, удовлетворение базальных потребностей и т. п.).

2-я группа – факторы (опосредованное влияние): а) культурно-исторические факторы (исторический период, язык, религия, культура, образование и опыт, специфика конкретной политической и экономической ситуации и т. п.); б) социально-психологические факторы (группы общения, влияния, специфика внутригрупповых отношений, профессиональных, семейных и личных отношений, доминирование, этика и т. п.); в) индивидуально-психологические факторы (структура и направленность личности, строение мотивационной сферы, интересы, установки, способности, волевые качества, темперамент, характер и т. п.).

Выделенные ниже одиннадцать параметров описания профессионального образа жизни особенно ярко проявляются в вышеперечисленных профессиях, но присущи в той или иной мере большинству профессионалов:

1. Специфические временные циклы профессиональной деятельности. Эти циклы могут быть сезонными, как у старателей, рыбаков, сельхозработников, геологов и других «полевиков», дорожников, строителей и многих других; вахтовыми как у нефтяников, моряков, летчиков и других профессионалов. Вместе с «основными» профессиями этими же циклами руководствуются и те профессионалы, которые обеспечивают деятельность вышеперечисленных: повара и шоферы, электрики и контролеры, и др.

2. Специфические временные циклы других форм активности. Понятно, что геолог планирует закончить ремонт квартиры до начала нового полевого сезона, старатель планирует поездку с семьей на отдых не на лето, а на зиму. Профессиональная занятость влияет на все остальные сферы жизни профессионалов и его близких: это циклы общения с близкими, циклы супружеской жизни, поездок и досуга, учебы и хозяйственных забот.

3. Специфика профессионального общения в ограниченной (по количеству) долгое время общности.

4. Специфика межличностного общения в группе, формальной и неформальной структуры группы.

5. Круг общения в свободное от профессиональной деятельности время и темы общения.

6. Развитие профессионально важных качеств или профессиональных деформаций личности и их влияние на образ жизни.

7. Принятые в профессиональном сообществе стереотипы поведения, общения, качества и уровня жизни.

8. Референтная для профессионала группа, ее система ценностей.

9. Ряд современных профессий обусловливает переживание десинхроноза (как у летчиков или сопровождающих (людей, грузы, почту)) при далеких трансмеридиальных перелетах, переживание смены климатических поясов (как, например, у вахтовиков, регулярно переезжающих с побережья на континент и обратно; у старателей, летающих с Украины на Колыму и обратно; у нефтяников, летающих на вахту с юга на север) и переживание смены культурной и языковой среды (моряки, летчики, коммерсанты, переводчики и др.). Такие перемены обусловливают и изменения индивидуального образа жизни (например, собственный, независимый от светового дня режим сна; не принятые в данном регионе режимы питания или формы досуга и др.).

10. В работе О.А. Гараниной [4] введено понятие социального десинхроноза, обозначающее несовпадение времени жизни специалиста, работающего в режиме сменного графика, со временем жизни значимых людей. Проявления социального десинхроноза наблюдаются у всех специалистов, работающих вахтовым методом и с сезонным графиком работы. Социальный десинхроноз часто переживается субъективно тяжелее физиологического.

11. Адаптация и реадаптация в период начала и окончания сезона или вахты к уровню физических нагрузок, новой группе общения, новым условиям жизни.

Библиографический список

1. Бахтина Н.Н. Психологические особенности профессиональной деятельности инспекторов рыбоохраны : дис. ... канд. психол. наук. – Москва : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. – 150 с.

2. Барабанщиков В.А. Системная организация и развитие психики // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24. – № 1. – С. 29–46.

3. Бондарчук Н.В. Психологическое содержание старательского труда : дис. ... канд. психол. наук. – Магадан : СВГУ, 2007. – 218 с.

4. Гаранина О.А. Особенности организации времени жизни специалистов, работающих в режиме сменного графика : автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2006. – 25 с.

5. Иванников В.А. Подходы к анализу деятельности // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н. Леонтьева / под ред. А.Е. Войскунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. – М. : Смысл, 1999. – С. 38–47.

6. Колесникова В.В. Влияние профессиональной деятельности на образ жизни и образ мира специалистов, работающих вахтовым методом // Ученые записки кафедры психологии Северо-Восточного Государственного университета. – Магадан : Изд. СВГУ, 2007. – Вып. 6. – С. 39–44.

7. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. В 2 т. – М. : Педагогика, 1983.

8. Леонтьев Д.А. Психология смысла : природа, строение и динамика смысловой реальности. – М. : Смысл, 1999. – 487 с.

9. Маркс К. Капитал. Т.1. Критика экономической теории. – М. : Изд-во политической литературы, 1988. – 891 с.

10. Москаленко Е.В. Образ жизни и образ мира учителей средней школы и преподавателей вуза: семантическое оценивание и опрос // Ученые записки кафедры психологии Северо-Восточного Государственного университета. – Магадан : Изд. СВГУ, 2007. – Вып. 6. – С. 76–85.

11. Мунипов В.П. Эргономика: человекоориентированное проектирование техники, программных средств и среды : учебник / В.П. Мунипов, В.П. Зинченко. – М. : Логос, 2001. – 356 с.

12. Психологическая теория коллектива / под ред. А.В. Петровского. – М. : Педагогика, 1979. – 240 с.

13. Петухов В.В. Образ мира и психологическое изучение мышления // Вестник Московского Университета. Сер. 14, Психология. – 1984. – № 4. – С. 13–21.

14. Пивоварова С.В. Перспективы изучения профессионального образа мира и образа жизни специалистов, занимающихся педагогической деятельностью // Ученые записки кафедры психологии Северо-Восточного Государственного университета. – Магадан : Изд. СВГУ, 2007. – Вып. 6. – С. 98–104.

15. Серкин В.П. Методы психосемантики. – М. : Аспект-Пресс, 2004. – 213 с.

16. Серкин В.П. Образ мира и образ жизни. – Магадан : Изд. СМУ, 2005.

17. Склейнис В.А. Специфика развития образа мира в разнотипных профессиях : автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Магадан : Изд-во. СВГУ, 2011. – 264

с.

18. Стрелков Ю.К. Время и теория деятельности А.Н. Леонтьева // Ученые записки кафедры психологии СМУ. – Магадан : Кордис, 2003. – Вып. 4. – С. 96–113.

19. Шунькова С.В. Проблемы психологического изучения профессиональной деятельности геологов // Ученые записки кафедры психологии Северо-Восточного Государственного университета. Магадан : Изд. СВГУ, 2007. – Вып. 6. – С. 158–164.

20. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М. : Школа культурной политики, 1995. – 800 с.

R

УДК 159.9

ВРЕМЕННА́Я ФОРМА ПРОЦЕССОВ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОПЫТА*

Ю.К. Стрелков

Заданная Е.М. Климовым [13; 14] тема «Развитие и функционирование человека как субъекта труда» в течение долгого времени определяла генеральную линию исследований кафедры психологии труда и инженерной психологии факультета психологии МГУ. Значителен его вклад в определение предмета современной психологии труда в сложных системах. Под влиянием его установки на рассмотрение целостного субъекта труда отечественная психология труда перешла от экспериментальной и инженерной к гуманитарной парадигме [29]. Это удалось осуществить благодаря пониманию возможности построения прикладной психологии на основе философии жизненного порыва, феноменологической философии и экзистенциализма. Продолжением этой линии являются развиваемые нами представления о временной форме профессионального опыта.

Исходя из текстов А. Бергсона [3], мы уже пытались оттенить психологический смысл длительности, но, по-видимому, его нельзя раскрыть, не обратившись к рассмотрению временного синтеза. По Бергсону, длительность – «форма, которую принимает последовательность наших состояний сознания, когда наше я просто живет», «взаимопроникновение, общность, внутренняя организация», «ткань психической жизни». Все здесь напоминает о синтезе – ткань, общность, последовательность. За длительностью стоят сознание, память и свобода [9]. Но важно не забыть о процессе, который длится, в который включен человек.

Выделив в качестве первого процесса деятельность, мы сразу же понимаем, что это всего лишь один из множества процессов, подобных множеству проток, на которые разделяется река в дельте, и потому рассмотрение не может ограничиться только одним процессом. Рассматривая труд операторов транспортных систем, мы предвидим необходимость синтеза многомерной временной формы множества процессов.

Что такое время? Мера движения? Характеристика процесса? Форма процесса?

Обычно о времени говорят так, словно оно – особая субстанция. При этом подчеркивают, что это только форма, априорное условие возможности. Разве можно схватить форму саму по себе, отдельно от содержания?

Время – средство, которое позволяет говорить о процессе. Но из текстов Ф. Жюльена [11] мы видим, что о процессе можно говорить без понятия времени.

С помощью понятия времени мы иначе говорим о процессе, поскольку мы к процессу добавляем слова о времени, положения о его собственных свойствах – осмысленность приуроченность, продолжительность, публичность. Мы ищем, чему приписать столь мощные свойства, получается – жизни. Но и здесь возникает трудность, поскольку время не совпадает с жизнью. Особенно отчетливо об этом свидетельствуют тексты Хайдеггера [32] и Мерло-Понти [20], которые подчеркивают, что время – поток, экстаз, синтез.

Китайцы о процессе рассуждают скромно, но точнее [11]. Быть может, время затуманивает наш разговор, не позволяет ясно выражаться? Возможно, сбивает с толку противоречивость самого времени, разнообразие, охватываемое уже только одним набо-

* Здесь и далее по тексту в слове *временная* ударение ставится на последнем слоге.

ром временных терминов. Мы говорим о восприятии временных интервалов – пустых пауз или длительностей звуков, и о синхронизации деятельности с процессами в окружающем мире.

С временем что-то не так. Китайцы не говорят так много о времени, но у них точные календари с астрономическими предсказаниями. Может быть, причина лежит в том, что мы воспитаны на принципах формальной логики, которые время разрушает? Но даже если мы по каким-то причинам откажемся от понятия «время», мы очень скоро поймем, что нужны, по крайней мере, временные термины – они есть и в китайском языке. Временные термины, такие, как длительность, последовательность, одновременность, синхронизация, предполагают качественные изменения, которые происходят в самом процессе они выражаются этим словом – процесс. Все вместе они позволяют яснее увидеть процесс, изменения в нем. Нужно ли сделать попытку говорить о процессе только с помощью набора временных терминов, не употребляя самого понятия времени и особенно отказавшись от слов о его свойствах?

Кажется, это нам удавалось в текстах о длительности, где почти нет слов о времени.

Что такое время? Поражает многообразие и пестрота определений времени. Издавна известно, и многие с этим легко соглашаются до сих пор, что время – это мера движения, изменения. При этом связывают время с процессом, который можно выделить и подвергнуть измерению.

Ясно, что при таком понимании время может быть отделено от процесса, поскольку процесс подлежит измерению с применением различных мер, а время – всего лишь инструмент, который приложен к процессу.

Известна другая точка зрения, в основе которой лежит понятие формы: время – это форма процесса. Процесс – меняющееся, подвижное, динамичное, которое при этом имеет форму – внутреннюю структуру, ритм, распределение длительностей, моменты синхронизации, одновременность, последовательность, периоды и циклы. Это форма не пространственная, которую легко представить, – она статична, а временная, сама изменчивая и подвижная, иначе она не могла бы выражать процесс, нести информацию о нем. Форма неотделима от содержания, как время – от процесса.

Разница между определениями проявляется при сопоставлении терминов «мера» и «форма». Несомненно, что мера – есть нечто, относящееся к форме, формальное, но она напоминает о единице и количестве единиц. Не следует забывать и о преобразованиях, которые могут быть выполнены над числами, – они подчиняются определенным правилам, и на них наложены различные ограничения.

Форма шире, чем мера, указывает на структуру, устойчивость изменений в потоке движения содержания – ведь речь идет о процессе.

Если концепция времени как безразличной меры движения – на одном полюсе, то мы уже близки к другому полюсу и можем признать, что время – качественная характеристика процесса. Это означает, что рассматривая время процесса, мы увидим его качественные особенности, то, что отличает его от других процессов. Такое понимание ведет нас к особому словосочетанию – собственное время процесса. В нем сливаются время и качественные особенности процесса. Но как можно выделить качественные особенности времени, если оно является характеристикой, раскрываемой с помощью бедного набора временных терминов? Видимо, список временных терминов указывает еще на что-то, лежащее за его пределами, вневременное, качественное, что требует работы органов чувств – наблюдения, прослушивания, ощупывания – работы психики, сознания и т. д.

Между тем, мы замечаем, что и сам список временных терминов пока не приведен сколько-нибудь полно. Термины «настоящее», «прошлое», «будущее», переходы между ними, их синтез должны быть названы среди временных терминов.

Термин «настоящее» напоминает о субъектности процесса, по крайней мере, одного из многих процессов, на которые сразу указывает слово «время». Когда мы говорим о субъектности процесса, мы подразумеваем, что процесс совершается с участием человека, что исход процесса зависит от него («субъект удерживает своим усилием» [22] сам ход процесса). «Настоящее» – констатирует субъект, исполнитель процесса дея-

тельности, сопоставляя процесс, который он осуществляет, с ходом своей жизни, в которой он различает прошлое и будущее. Уже самое первое определение, отсылающее к понятию меры, к ее применению, предполагает, одновременность (синхронность), и ее развертку, растяжку – синхронизацию, соотнесение и гармонизацию с другими. Множественность предполагается и понятием, исходящим из формы: форма процесса предполагает не один процесс, а множество, другие процессы, которые подразумеваются уже такими терминами, как срок и событие.

Множество процессов, которые контролирует субъект в ходе деятельности, должно содержать не просто деятельность по измерению временных интервалов, длительностей, предполагающих выделение моментов начала, конца и прочее, а саму жизнь человека. Она входит в понятие времени. Применение меры, деятельность требует введения сознания и психики, таких ее функций, как восприятие, внимание, мышление, память, ожидание. Качественная характеристика процесса предполагает технологию, пространство и энергию, язык, чем мы уже воспользовались, приступив к рассмотрению списка временных терминов. Язык подразумевает и другого человека рядом с субъектом, осуществляющим процесс. О времени говорят не в связи с человеческим бытием, а как о самой жизни человека, его бытии («Время человеческого бытия» [32]). О времени говорят так, как о человеке.

Можно ли говорить о процессе как таковом? Китайцы не используют понятия времени. Но чтобы дать полную характеристику процесса, они должны включить в нее человека, показать его роль.

Хотя без временных терминов не обойтись, временная форма не поддается передаче словами, не может быть выражена в понятиях. Со стороны актора – субъекта, который стремится передать форму, необходимо действие – усилие и мастерство, это обеспечит успешное точное исполнение. Со стороны наблюдающего требуется внимание и способность схватить идею совершающегося процесса как целого, заметить в нем детали – крупные и мелкие, тонкие, важные для выражения целого. Требуется понимание и сопереживание. Временная форма предполагает настоящее – действие, совершающееся перед глазами наблюдателя. Ему должен быть известен контекст действия и намерения исполнителя. Собственное время процесса – это понятие здесь привлекает к себе внимание.

Временная форма процесса деятельности определяется множеством разнообразных внешних процессов, которые задают темп и ритм движений, действий человека. Стремление синхронизировать ритм и темп своих движений заставляет человека спешить или «притормаживать», чтобы успеть в определенное место к определенному моменту. Синхронизация обеспечивается целостным согласованным функционированием восприятия, памяти, эмоций и определяется в психологии как решение интеллектуальной задачи, поскольку требует схватывания пространственных и временных отношений. Такие действия выполняются успешно птицами и млекопитающими, которые способны двигаться наперерез. Они не требуют сознания и предполагают лишь целостность исполнителя, его сосредоточенность на цели, четкое восприятие пространственных и временных характеристик процессов в окружающем мире.

Временная форма действия задана изнутри и воспроизводится субъектом по памяти. Выступает ли здесь отличие временной структуры от пространственной? Временная структура существует в исполняемом действии, она требует усилия исполнителя и внимания наблюдателя. Пространственная также, ведь это пространственная структура процесса. Заданная пространственная структура кажется легко представимой, но и заданную временную структуру легко выразить, если владеть определенной формой записи. Несомненно, есть отличие в способах записи, представления.

Временная форма появляется только тогда, когда о времени процесса начинают говорить или думать. При этом попытка говорить о времени может оказаться неудачной – процесс выделить не удается. Только хаос. Это подвижная форма, синхронная процессу. Говорить о синхронизации формы и процесса – тавтология, но о временной форме процесса невозможно говорить без синхронизации.

Есть ли процесс, когда о нем перестают думать? Процесс предполагает структуру, способность субъекта удерживать цель, сохранять целостность задания (принятого и

запомненного) и действия; предполагает связность действия – адекватность контексту, другим действиям, уже выполненным и еще только планируемым; предполагает связность движений, их логику в соответствии с целью и обстоятельствами, пространством, энергией и другими процессами; целостность структуры и сохранение процесса в пределах допусков. Процесс предполагает упорядоченность исполнения, поддерживаемого вниманием и контрольными операциями; избирательность, концентрированность исполнения, готовность преодолеть препятствия, которые возникают по ходу исполнения; стремление довести до конца начатое действие и отчитаться о выполнении полученного задания. Все это вместе и многое другое – есть временной синтез, пассивный, когда процесс идет сам собой автоматически, при достаточно глубоких уровнях контроля за исполнением, и активный, когда за пределами текущего исполнения возникают мысли о времени.

Не отказываемся ли мы от понятий «поток», «процесс», «множество процессов», заменяя их словами о структуре действия? Но эта структура не жесткая, она предполагает сохранность верхних этажей (сознания, понимания), возможна при целостности. Они могут быть направлены на другое, оставаться незадействованными, но они должны быть целыми, сохранными, чтобы в любой момент, при столкновении со сложным препятствием управление или контроль могли быть подняты на самые высшие уровни системы. В транспортной системе при высокой степени автоматизации управления процесс идет сам собой, но профессионализм субъекта необходим, чтобы следить за тем, насколько процесс удерживается в рамках, насколько быстро приближается к допустимым границам. Профессионализм носит иной характер, чем при ручном управлении, но он не должен быть ниже.

Пассивность, тяжесть ожидания – это характерно для системы, в которой процесс идет сам собой. Мысли о времени возникают и тогда, когда ничего нельзя ускорить, ожидание становится тягостным, или когда задание слишком громоздкое, сложное.

Принцип неразрывности времени и сознания является для нас ведущим. (Форма поддерживается сознательным усилием субъекта.)

Что будет с временной формой, если она перестанет осознаваться? Если сознательное усилие ослабнет или исчезнет совсем? Форма может остаться незавершенной, длительность процесса может оборваться, процесс может разрушиться, если порвется его психическая ткань – память, внимание, мышление, эмоции, психическая жизнь. Необходима ли свобода для завершения длительности? Временная форма всегда предполагает свободу и в настоящем, и в будущем, и в прошлом. Свободу как неопределенность, незавершенность, как спонтанность, активность субъекта, как возможность пойти неожиданным путем. Призвание человека – действовать в неблагоприятных обстоятельствах, при их неожиданном стечении, в том числе при временном дефиците. Свободу летчика сдавливают жесткие инструкции, так что иногда он оказывается перед выбором – нарушить инструкцию или спасти жизнь? Мы признаем многомерность временной формы, которая соответствует многослойности сознания. Контроль процесса может проходить на глубоком уровне, между уровнями имеются какие-то невидимые тесные связи, позволяющие быстро поднимать контроль с нижних уровней сознания на очень высокие.

Действие – исполнение задания. Принятое задание входит в структуру действия. Задание уже предполагает время, пространство, контекст, технологию, организацию и пр. Само действие имеет структуру, внутренний ритм, но его рамки заданы извне. Начало и конец действия не определены внутри него самого, могут выходить за рамки, но это субъект должен заметить, поскольку ему придется отвечать за отклонения действия выполненного от заданного. Это означает, что необходима новая модель действия, поскольку ни одна из известных нам не годится. Временная форма имеет несколько уровней, во всяком случае, временной синтез может быть пассивным либо активным. Время – форма более широкого масштаба по сравнению с процессом. Она охватывает больше процессов, сроков, предполагает обращение к часам, календарю, другим процессам, жизни, человеку.

Временной синтез предполагает работу сознания.

Временные задачи – синхронизация, выдерживание последовательности, ритма, срока, ожидание – не могут быть решены без

участия сознания. Вопрос в том, каков характер работы сознания? Несомненно осознание, понимание и принятие задачи при ее получении от другого так же, как и при констатации завершения задачи. На промежуточных этапах выполнения задачи субъект способен отслеживать ход процесса, учитывая другие процессы и даже не концентрируясь специально на времени основной задачи. Мерой становятся другие, хорошо известные процессы и специальные инструменты.

Временная форма многомерна, на разных ее уровнях ведется контроль за ходом разных процессов, но в иерархии возможны изменения приоритетов. При усложнении обстоятельств сознание включается и на промежуточных этапах решения задачи.

Временная форма – форма процесса, движения, изменения – потому подвижна и сама изменчива. Временная форма содержит циклы, ритм, повторение, имеет устойчивую структуру. Форма всегда захватывает не только процесс, который противостоит человеку, но и самого человека, его деятельность, переживание. Временная форма требует удержания, человек должен «удерживать ее своим усилием». Как бурная река, несущаяся сквозь скалы, временная форма всегда предполагает порыв, напор, запас энергии. Усилие, как и расслабление, – форма текущего, настоящего, форма перехода между прошлым и будущим. Форма изменчива, чтобы удерживать ее, должно меняться и усилие, вовлеченность субъекта в процесс. Временами усилие может сходить на нет, сменяться расслабленностью, а временами – увеличиваться, достигая гигантских величин. Чтобы удержать изменчивую временную форму, человеку приходится бороться с обстоятельствами. Когда ему не удается справиться, форма оказывается неудачной – некрасивой, уродливой, а финал процесса обозначают так: ошибка, авария, происшествие, инцидент, катастрофа.

Временная форма – это всегда связность процесса, мера не только движения, изменения, но и характеристика связности. Связность означает не только усилие субъекта, но и его способность удерживать контекст, мастерство, профессионализм, совершенство структур опыта. Опыт совершается в настоящем как действие, связывая прошедшее, исполненное и предстоящее, предвосхищаемое, ожидаемое. Уместна модель исполнения музыкального произведения мастером (по памяти или на слух, когда звучит связная мелодия, а не отдельные звуки). Для временной формы процесса важна связность образа мира.

Что будет с процессом, если человек перестанет внимательно за ним наблюдать? Прекратится? Да, если условия для развертывания процесса окажутся неблагоприятными. Посаженные растения будут уничтожены неблагоприятными погодными условиями (засухой, грозой, дождями), полет прекратится из-за сильной турбулентности или грозы, плавание – из-за шторма. Автоматы позволяют поддерживать процесс в определенном диапазоне условий, но человек должен определить, насколько близки эти условия к границам. В нужный момент он должен вмешаться, чтобы вернуть процесс в нормальный, безопасный режим.

Можно ли отделить временную форму от человека, его жизни и от процесса? Время, оторванное от процесса, может быть охарактеризовано только негативно: «сорвалось с петель». Это – экстремальная ситуация. Ее характеризуют два временных синтеза: система и ряд. Система – многослойная структура, где настоящее, прошлое и будущее собраны вместе, сразу, и надстроены друг над другом. Временной ряд последователен: настоящее, в котором ничего нет, – оно пустое, между прошлым и будущим, которые различаются по объему – огромное прошлое и минимальное будущее. Переход Ж. Делез [9] сравнивает с концом света – это катастрофа. Сам субъект расколот, расщеплен, утратил имя, семью, тело его словно разрублено на множество кусков, вокруг которого вращается мир. Пустоту настоящего можно интерпретировать как ожидание, неуверенность, отсутствие готовности к действию. Процессы не поддаются субъекту – он не может их выделить, объединить их в общую форму. Да это и бесполезно. Они неподвластны субъекту. От него ничего не зависит. Сколько бы он ни повторял «настоящее, прошлое, будущее», – все будет идти само собой, помимо него. Процессов слишком много. Субъект не справляется со всеми: ухватывает отдельный фрагмент процесса, и он ускользает – его заслоняет, вытесняет другой, с которым субъект должен справиться, но снова не успевает. Синхро-

низация невозможна. Не получается, несмотря на усилия субъекта, не удалась: процесс идет слишком быстро. Форма процессов не дается – нет осмысленных очертаний, целостной структуры. Множество процессов велико, их скорости превышают возможности субъекта. Требуется профессионализм, мастерство, сформировавшийся опыт – готовность к ситуации. Опыт вновь выступает условием временной формы.

Когда экстремальная ситуация начинается? Что считать ее окончанием? Как подойти к ней – с помощью концепции объективного процесса или гуманитарной концепции времени, в центре которой человек? Мы склонны разрабатывать последнюю.

На что опираться:

1) на учение Хайдеггера о четырех свойствах темпоральности – означенность, приуроченность, продолжительность, публичность? Но в экстремальной ситуации темпоральность утратила все свои свойства;

2) на положения Делеза о третьем временном синтезе? Картина правдивая, за исключением того, что она возникла сама собой, субъект не сам инициировал ее;

3) на концепцию нормального течения жизни, технологического процесса? Но что она может сказать о темпоральности экстремальной ситуации? Найдется ли в ней место для человека, его сознания и деятельности? В.А. Пономаренко [22] убедительно показывает, что есть место даже для духовности.

В экстремальной ситуации процесс прерван, контекст разрушен, цель отменена и вместо нее другая – спасение любой ценой, основные средства не функционируют, и нужно использовать аварийные.

Время становится важнейшим резервом спасения, но снова предполагает особую технологию, сноровку и профессионализм актора. Важно не упустить момент и не допустить полной потери контроля над процессом. Не допустить перехода ситуации в зону экстремальности. Время – мера процесса, мера резерва. Но резервом должен уметь воспользоваться человек, специально подготовленный к действиям при усложнении ситуации.

Время требует расширить перспективу, увеличить масштаб с тем, чтобы схватить два перехода – от нормального процесса к экстремальной ситуации и восстановление нормального процесса после выхода из экстремума (подобно выводу самолета из штопора).

Процесс может приближаться к границе экстремальности или удаляться от нее. Мастерство человека в том, чтобы не допустить рокового перехода через границу; когда качество процесса изменяется, нормальный процесс оборачивается катастрофой.

Очень важно построить подробную характеристику самой экстремальной ситуации, показав ее специфику. В нормальных условиях человека держит ход процесса, выделяя его из окружающего многообразия изменений. Экстремум – это неожиданность и новизна развертывающегося искривления процесса. Если субъект, не обращая внимания на новизну, продолжает действие в надежде на благополучный исход, ситуация может превратиться в экстремальную. Экстремальная ситуация подобна глухой стене. Или огромной пустой яме. Человек крайне встревожен или пребывает в состоянии потерянности. Настоящее утратило смысл. Связь между прошлым и будущим разорвана. Скомканы, запутаны все нити – процессы, которыми должен управлять человек, в которые он должен был включаться, синхронизуясь. Ритмы не важны. Отменены сроки, обязательства, ответственность. Не с кем встречаться. Осталась только его жизнь, из которой «выпали», оборвавшись, другие жизни. Смерть прошла рядом.

Выживший человек должен восстановить все разорванные связи, все разрушенные процессы, выстроив их заново. После экстремальной ситуации действия по нормализации тоже новы и требуют колоссальных усилий человека, инициативы, воли. Где взять энергию пострадавшему? Помогут другие люди. Временную форму удерживает человек.

Множество процессов можно удержать с помощью времени. Время указывает на сложную организацию субъекта: многоуровневую, где одни уровни управляют движениями субъекта, сообразуясь с процессами в окружении, а другие – отслеживают и антиципируют развитие процессов, независимых от действий субъекта. Уровень совместной деятельности, опосредованный реальным диалогом, отличается от уровня индивидуального, хотя и его работа опосредована языковыми структурами. Мы говорим о парал-

лельной работе, совершающейся в разных уровнях. В условиях коллективной деятельности временную форму удерживают все участники, частично или полностью, на разных уровнях общности. Не предполагает ли временная форма множественности самого субъекта деятельности?

Поскольку человек может быть и как правило бывает включен в множество деятельностей сразу, то приходится признать, что субъектность человека умножается. Такое признание основано на предположении о связи «один субъект – одна деятельность». Но почему такое предположение является обязательным? Разве деятельностный подход разрушится, если предположить, что один человек может быть исполнителем множества деятельностей? Ведь известно, что двоение возможно даже внутри одного действия, где различаются инстанции – исполнительная и контролирующая [6]. С другой стороны, само словосочетание «субъект деятельности» образует целостность, не допускающую деления и едва ли допускающую умножение. Не становимся ли мы здесь заложниками языковых форм?

Не указывает ли на необходимость сохранения такой целостности появившееся недавно название «субъектно-деятельностный подход»? Что подразумевает эта научная позиция, в чем ее отличие от деятельностного подхода, предложенного А.Н. Леонтьевым? Что именно подчеркивается включением термина «субъект» по сравнению с деятельностным подходом, где субъект и деятельность неотделимы? Возможно, что таким образом возникает намек на отделимость терминов внутри пары.

Попробуем воспользоваться более дробной единицей, зайти со стороны действия. Действие развертывается внутри ситуации, имеет свое пространство-время. Внутри ситуации действует человек, но о нем уже не упоминается, словно действие имеет сложный механизм и совершается само по себе. Даже не произносится «субъект». Действительно, в сложной ситуации субъект сливается с действием. Считается, что достаточно тщательно рассмотреть саму ситуацию и наблюдать поведение человека, чтобы построить удовлетворительное его объяснение. Но именно в сложной ситуации для объяснения действий человека мы вынуждены обращаться к его представлениям, воображению, мышлению, памяти, прошлому опыту, мотивации и многому другому, что выводит за пределы ситуации. Волевое действие человека внеситуативно, оно вновь указывает на некую инстанцию, которая запрещает человеку действовать так, как требует ситуация. И вновь мы наталкиваемся на двоение субъекта, поскольку для выхода из ситуации человеку придется учесть ее особенности. Причем, в случае внеситуативного поведения инстанции конфликтуют, подчеркивая необходимость различения. Между тем всегда есть период перехода, когда множественное должно сливаться в единство, где составляющие невозможно различить. Так бывает и при внеситуативном, и при ролевом поведении, когда человек в течение суток проигрывает несколько ролей, переходя от одной к другой (начальник отдела становится партнером по теннису, затем отцом семейства и т. д.). Множественность ролей и сценариев, которые прерываясь, продолжаются, указывает на множество и разнообразие норм и даже ритмов, временных режимов поведения человека в различных ситуациях, представляет собой полезную модель социального поведения человека. Но следует ли при этом отказываться от деятельностного подхода? Может быть, следует признать ограниченность объяснительной силы понятия «субъект» и искать переходы между понятиями «личность и субъект», «человек и субъект», «человек и личность» и т. д.?

Рассмотрение времени обнаружило сложность временной формы, которую составляет множество процессов внутри ситуации, а, выходя за ее пределы, будем говорить об иерархии деятельностей человека, которая складывается в жизненном процессе, который сам по себе организован как сложная многоуровневая система.

Внутри действия различают процессы двух уровней – бессознательные автоматизмы, операции, и сами действия, которые направлены на цель, представленную субъекту в сознании. Что такое сознание здесь? Что значит бессознательные автоматизмы? На эти вопросы нужно ответить, иначе вертикаль действия останется непроясненной. Нужно понять, означает ли словосочетание «бессознательный автоматизм», конструкт, психологически пустое понятие, или оно указывает на некий внешний рисунок процесса, за которым стоит сложный

механизм, содержащий моторные, эмоциональные и довольно сложный комплекс когнитивных составляющих: сенсорные процессы, восприятие, внимание, память, ситуативное мышление? В любом случае «бессознательный автоматизм» означает, что исполнительный процесс идет легко, успех достигается часто, особенно по сравнению с периодом освоения, когда субъекту казалось, что он никогда не сумеет «это» исполнить. Напряжение спало, и сознание «освободилось», его возможности можно использовать для других и даже приятных мыслей, что усиливает ощущение легкости. Теперь уже легче показать, «как это делается», чем объяснить тонкие детали, которые вскрывают специфику исполнительного процесса. Скорее ее можно представить с помощью рисунка, но для этого исполнитель должен владеть изобразительными способностями. Автоматизм не всегда поддается переводу в вербальную форму – возможно, понятие «бессознательный автоматизм» означает высокую индивидуализированность процесса, именно эту трудность перевода, разрыв между исполнительным процессом и языковыми структурами. Возможно, что «бессознательный автоматизм» на первый план выводит движение, которое средствами обыденного языка выразить сложнее, поскольку сам язык устроен иначе, предназначен для иного. Трудность увеличивается от того, что нужно выразить тонкости исполнительного процесса, для этого требуется специальная языковая культура.

На уровне действия целевые процессы доступны вербализации, поскольку цель представлена во внешнем мире, дискретна, стационарна, ее достижение – в будущем. Разумеется, цель, как правило, не остается неподвижной, но именно потому, что она движется среди предметов, о ней легче говорить, чем о тонкостях исполнительного автоматизма. При определении цели субъект сосредоточен, ему трудно говорить и думать о чем-то другом, потому и считается, что целевые процессы занимают сознание в большей мере, чем автоматизмы.

Определение действия, да и деятельности тоже, строится без прямого упоминания о памяти. В связи с автоматизмом скорее говорят о степени сформированности, закреплении, освоенности, что указывает на некую сохраняющую основу, которая напоминает понятие следа памяти. Известны исследования моторной памяти, которые не так распространены, как исследования вербальной памяти, и менее понятны.

Целевые вербализуемые процессы настолько близки к обычному пониманию памяти, что даже нельзя никому поставить в упрек отсутствие прямого указания на память при кратком раскрытии сути деятельностной теории. Тем более что ряд авторов посвятил этой теме отдельные исследования и целые книги [19; 32 и др.]. Несомненно, что вербализуемые процессы основаны на мнемических процессах иного рода, чем двигательные автоматизмы. Свидетельством тому является принципиальное различие между моделями, используемыми для описания механизмов вербальной и моторной памяти. Даже если не признавать, что это различие само по себе указывает на разные уровни внутри деятельности, нельзя не принять того, что вербальные и моторные процессы относятся к разным уровням. А.Н. Леонтьев говорил о переходах контроля исполнительного процесса с одного уровня на другой и об интериоризации, что само по себе указывает на уровневое устройство деятельности.

Таким образом, имеются основания для утверждения о вертикали деятельности. Внутри действия она определяется: 1) степенью осознаваемости; 2) мерой вербализуемости процесса; 3) степенью сформированности и упроченности автоматизма; 4) различиями между уровнями мнемических процессов, которые лежат в основе действия.

В работах Н.А. Бернштейна модель двигательного действия представлена как многоуровневая система, на нижних этажах которой ведется управление палеокинетическими и позно-тоническими процессами, на средних – свободными движениями в пределах схемы тела, на высших – предметными действиями в пространном окружающем мире [4]. Рассмотрение системы положено на время: определены память, текущие сенсорные синтезы и модель потребного будущего. А.Н. Леонтьев исходил из этой модели, когда кратко характеризовал действие в своей ключевой работе «Деятельность. Сознание. Личность». Понятие «действие» по Э.Толмену, строится на основе когнитивной карты – особая память расположения предметов в пространстве, а понятие схемы

Ж. Пиаже – на основе предположения об иерархии схем разного масштаба. Эти понятия близки к понятию действия, принятому А.Н. Леонтьевым.

Вертикаль длительности хорошо показана Ж. Делезом при рассмотрении уровней памяти [8; 9].

Сходство между понятиями «длительность» и «действие» состоит еще и в том, что оба основаны на сознании, памяти и свободе.

Внимание к времени поднимает нас на новую ступень рассмотрения субъектности. Нас интересует человек, его жизнь, труд. Мы хотим изучить его так, чтобы понять, как он встраивается в процессы, происходящие вокруг него. Мы знаем, что это возможно благодаря психике, сознанию, бессознательному. Известны термины «адаптация к процессам в мире», «равновесие» и т. д. Вместе с тем говорят и о том, что человек способен осваивать окружающий мир, изменять его в соответствии со своими потребностями, т. е. быть хозяином положения. Мы должны найти термины, позволяющие изучать процессы в окружающем мире, в теле, организме человека, процессы деятельности человека и процессы социальные. Множество процессов дано человеку в сознании, об этом он сообщает и это проявляется в его деятельности и поведении, в его отношениях с другими людьми. «Дано» – что это значит? Знаем, что дано не точно, приблизительно, искаженно. Вопрос о том, как человек встраивается в процессы, приспосабливается к ним и тем более овладевает ими, встает острее. Мы вспоминаем о пространстве, энергии, технологии, средствах, об аппаратах, о механизмах, которые человек должен освоить и применять с помощью других людей. Знаем, что человек способен управлять макро- и микропроцессами с помощью автоматики и вычислительной техники. Как это возможно? В чем роль человека? Она подобна роли вахтера, дежурного, спасателя, или от него ожидают какой-то универсальной деятельности: настройка, отслеживание режима, ручной контроль процесса в течение короткого периода, при отказе техники и т. д.? Как такой специалист сможет встроиться в процесс управления? Вопрос в том, есть ли в высокоавтоматизированном процессе периоды, где человек может своим действием изменить ход процесса? Есть ли в его распоряжении какой-то, хоть небольшой ресурс времени?

При этом мы знаем, что люди не всегда способны включаться в процесс, опаздывают. Это показано Н.Н. Абросимовой в исследовании, проведенном на работниках различных специальностей – программистах, инженерах-проектировщиках, операционалистах банка, деятельность которых опосредована компьютером [1].

Опытный специалист владеет концепцией процесса, понимает движение, более того, он способен сказать, что «не понимает, что происходит с процессом», когда несовпадение становится особенно заметным.

Если человек слабо знаком с процессом, он проживает длительность отстраненно, опираясь на отдельные вехи, этапы процесса, схему которых он держит в уме, подобно пешеходу, идущему по незнакомой, изученной предварительно лишь по карте местности. Этой схемой процесса он пользуется при управлении и движется по ней, словно пешеход, который воспринимает то, что его окружает. Реальные изменения он может почувствовать уже тогда, когда в процессе ничего нельзя изменить. Это важное свойство процессов, протекающих с высокой скоростью и характеризующихся большими изменениями энергии. Для получения допуска к такой деятельности необходимо долго учиться, освоить сложные знаковые системы, научиться работать с упреждением и очень быстро реагировать на изменения.

Однако сама работа скоро утрачивает привлекательность для субъекта. Как заинтересовать человека участием в процессе, поднять его удовлетворенность трудом?

Для реконструкции трудового процесса анализ необходим, но его недостаточно. Временная форма предполагает синтезы, которые обеспечиваются особой работой субъекта. Это работа сознания, работа психики субъекта. В ходе такой работы субъект создает и удерживает временную форму – это является залогом успешного выполнения деятельности. Нельзя недооценивать роль значимого другого человека. Временную форму психолог не может реконструировать самостоятельно, без участия профессионала, без его помощи.

Временные термины позволяют различить типы временных форм. Синхронизация и последовательность – формы синтеза про-

цессов. От них отличается форма настоящее-прошлое-будущее (Н-П-Б), поскольку отчетливо показывает роль субъекта (сознание, память и свобода).

Длительность, по Бергсону, – взаимопроникновение, общность, внутренняя организация – это и есть последовательный временной синтез. Его примеры встречаем всякий раз, когда необходимо наметить очередность или выдержать ее. Синхронизация предполагает несколько процессов и потому форма временного синтеза сложнее по сравнению с последовательным. Это горизонтальный синтез временной формы.

Факты заставляют думать еще и о вертикальном синтезе временной формы. Двойственность пространств – внутри- и внекабинного – приводит к мысли о двойственности процессов и, соответственно, двойственности временной формы трудового процесса. Рассматривая ситуации, когда в полете штурман ведет прокладку курса среди грозовых очагов, смещающихся, расположенных в несколько рядов, когда при заходе на посадку в сложных погодных условиях один член экипажа ищет глазами землю, а другой должен «держать по приборам», мы понимаем, что они указывают на синтез внутри- и внекабинного времени и пространства. Двигаясь дальше, мы видим третий слой временной формы: промежуток между внутри- и внекабинными процессами заполняют процессы в техническом устройстве, которые имеют свою временную форму, иначе говоря, составляют особый промежуточный слой временной формы контролируемого процесса – обороты двигателя, скорость движения, изменения угла атаки, высоты и пр.

Экстремальная ситуация раскрывает смысл временной формы, которая отделена от процесса: последовательность (пустая), система (пустая) – это уже больше не форма процесса. Временная связность – важный термин, который делает понятными эти слова, ибо в экстремальной ситуации вместо стройного процесса перед нами клубок из отдельных фрагментов, которые спутаны, и концы торчат во все стороны. Такой клубок не просто втиснуть во временную форму. Необходима длительная восстановительная работа, которую должен организовать значимый другой человек.

Вместе с вопросом о временной форме возникает тема синтеза моделей действия, поскольку они должны отобразить временную форму процесса: «Двигательное действие» [3], «Акцептор действия» [2], «Психическая функциональная система предметного действия» [26] и др. На каком основании строятся подгруппы элементов (линейки), как объединяются в целое? Что есть отдельный элемент в каждой из моделей?

Антиципация и ожидание, память и восприятие, внимание, мышление, эмоции, движения, исполнительные процессы и речевая коммуникация, функциональное состояние – все это внутри временной формы сразу, вместе с содержанием множества процессов, с которыми справляется субъект в ходе решения трудовой задачи, вместе с другими людьми. Успеть во время, к сроку, уловить момент, не поторопиться, не «сорваться» при выполнении правила, инструкции, выдержать длительность ожидания, не нарушить последовательность операций – вот чем здесь занят субъект. Мастерство в том, чтобы при остром дефиците времени сделать требуемое как можно скорее. Тема структур профессионального опыта не может быть раскрыта без исследования синтеза временной формы.

С синтезом временной формы мы имеем дело при исследовании оценивания интервалов, формировании скоростных действий, реконструкции происшествий (методе критических инцидентов Дж. Фланагана, методе фреймов, проектировании алгоритма действий в аварийной ситуации).

Время – это особая логика, основанная на восприятии, переживании, выполнении движения. Синтез позволяет понять устройство и движение временной формы.

Временная форма изменчива, подвижна, как и сам процесс. Она многомерна, в ней есть глубина, пространность и многоярусность, но ее объем, конфигурация, габариты меняются по ходу процесса.

Для изучения временной формы процесса необходимо рассматривать не только нормальные, но и экстремальные ситуации. Синтез их временной формы является предметом особой деятельности значимого другого человека.

Процесс образован не только физическими движениями, природными или технологическими изменениями, но и изменениями самого человека, субъекта деятельности. Может оказаться так, что в неблагоприятном функциональном состоянии он не справится с трудностями и не сумеет удержать временную форму – она распадется.

Через изучение временной формы лежит путь к исследованию профессионального мастерства.

Временная форма длится, она никогда не бывает законченной, в ней есть зоны неопределенности, простора, свободы.

Временная форма процесса – не просто его объективная характеристика. Синтез временной формы требует постоянной работы субъекта – памяти, сознания, внимания, мышления, эмоций, психики. Работа ведется сразу на многих уровнях, одни видны отчетливо, другие – скрыты. Эта работа тем сложнее, чем сложнее комплекс процессов, охватываемых временной формой.

Человек создал средства контроля временной формы, инструменты, аппараты, автоматы, но все они тоже требуют внимания и усложняют временную форму контролируемого процесса.

В предыдущих работах [26–28 и др.] мы стремились понять, как длительность удерживается в структурах профессионального опыта, и как они могут обеспечить синхронизацию. В этой работе попытаемся шире определить значение времени.

Процесс предполагает повторение, метод, технологию, процедуру. Но процесс – это движение, изменение, и следовательно, он предполагает еще и новизну, неожиданность, встречу с неизвестным. Разворот процесса может оказаться и опасным: человек не сможет удержать форму, процесс разрушится. Это обратная сторона свободы, которую предполагает длительность [9]. Процесс образован не только физическим движением, природными или технологическими изменениями, но и изменениями самого субъекта деятельности. В неблагоприятном функциональном состоянии человек может не справиться с трудностями. Время – динамичная форма процесса. Субъект должен освоить эту форму, чтобы отслеживать в трудовом процессе на основе маркеров, содержащихся в этом процессе и в других процессах в окружающем мире. Его задача в том, чтобы обеспечить синхронизацию управляемого процесса с процессами в окружающем мире.

Временная специфика времени сконцентрирована в длительности [3]. Она позволяет видеть процесс не только как ряд событий или моментов, а как слитное движение, единство, за которыми стоит поток сознания – внутренняя организация состояний сознания. Для нас длительность выступает двояко: 1) как слитность действий, перекрывающих друг друга и переходящих одно в другое; 2) как динамичная целостность контекста деятельности – процессов в окружающем мире и жизнедеятельности субъекта. Необходимо выявить уровни их интеграции, организации, слитности, общности. Время позволяет: 1) представить действия как слитную систему на разных уровнях ее внутренней организации; 2) раскрыть связи между действиями субъекта и процессами в окружающем мире изнутри, со стороны исполнительного опыта.

Форма предполагает устойчивость: либо в самой форме, либо в процессе есть какие-то механизмы, которые обеспечивают ее устойчивость. Временная форма – форма изменчивого, она не может не меняться. Но что тогда означает ее устойчивость? Это всего лишь ее инерция, краткое сохранение, затяжка существования, за которой следует исчезновение? Нет, здесь речь идет об устойчивом существовании – продолжении прошлого в настоящем и будущем. Это динамический синтез, который показывает особенность временной формы: настоящее уходит, прошлое ушло, но продолжается в будущем. Форма устойчива благодаря особой работе субъекта.

Временная форма процесса – не просто его объективная характеристика. Синтез временной формы требует постоянной работы субъекта – его памяти, сознания, внимания, мышления, эмоций, психики. Эта работа ведется сразу на многих уровнях, из которых одни видны отчетливо, другие скрыты. Форма известна субъекту заранее, он старается удержать ее своей четкой и сосредоточенной работой. Эта работа зависит от сложности комплекса процессов, охватываемых временной формой. Через изучение временной формы лежит путь к исследованию профессионального мастерства.

Время выражается через сроки, ритмы, последовательности ключевых моментов действия; оно имеет структуру, которая может быть представлена в опыте подобно пространству – когнитивной картой. Но в опыте есть еще и чисто временное. Оно дано в движениях, эмоциональном переживании и восприятии внешнего движения. Для него можно подобрать вербальную форму, используя такие термины, как изменчивость,

длительность, тягучесть, поток, ожидание, сопротивление, инерция, опознание, восприятие, память (сохранение, воспроизведение), движение, синхронизация, «затягивание» (намеренная задержка), переход, а также формулы «настоящее, которое приходит», «прошлое, которое уходит». Чтобы выделить временное в процессе, следует отыскать вербальную форму, которая позволяет выразить движение, изменение, процесс.

Время – это особая логика синтеза изменений, движений, процессов, основанная на восприятии, памяти, внимании, антиципации, переживании, действии. Временная форма изменчива, подвижна, как и сам процесс. Она многомерна: в ней есть глубина, пространность и многоярусность, ее объем, конфигурация, габариты меняются по ходу процесса. Синтез позволяет понять ее устройство и движение, однако для этого потребуется полноценное включение субъекта действия и наблюдателя: «нужно жить этой жизнью» [20]. Время позволяет изучать опыт в движении, в деятельности человека.

Мы рассматривали модель времени как множество кругов [26]. Теперь сопоставим ее с идеей потока. Модель покоится на понятии ритма, идее повторения. Она выражает движение, но в рамках множества ритмов, где есть возврат к началу. Ритм упорядочивает, указывая на движение внутри модели. Но есть и другие движения, на которые указывает время. Это движение сквозь модель – поток, который откуда-то входит и куда-то уходит, не останавливаясь. Он изменяет, создает и разрушает, то усиливается, то ослабевает, то ускоряется, то замедляется, но не иссякает, пока человек жив. Поток обладает собственной энергией. Он неумолим и непредсказуем. Это стихия, противостоящая разуму. Едва человек успевает отметить настоящее, а оно уже стало прошлым, пытается наметить предстоящее, а оно неумолимо приближается. Это не о вещах (они остаются, и даже на века, становясь ненужными), а о том, что за вещами, позади них, но они в это погружены. Может быть, это действия с ними, жизнь человека?

Время обеспечивает жизнь человека, поддерживает, но и разрушает ее. Поток (стихия), осуществляясь, проходит через множество сфер, но он и держит их, они движутся в нем, изменяясь. Поток отвергает сферы, разрушает их. Он отрицает временную форму, от нее остается только движение, изменение, которое должен констатировать субъект. Отступая назад, выходя из потока, мы вспоминаем «выговариваемые свойства темпоральности» [32]: означенность, приуроченность, продолжительность, публичность. Темпоральность указывает на переход, подчеркивая неопределенность, смутность движения.

Это исходная позиция, а следовало бы искать источники света. Может, они в «публичности»? Другие люди помогут человеку внести ясность. «Время – сеть интенциональностей» [20]. Сеть – это пространственная модель, в ее узлах – встречи, которые разрушают упорядоченность, делают невозможным тайм-менеджмент. Но они создают. Другой человек помогает удержаться, подталкивает, поддерживает. Сетка встреч не статична. Она находится в вечном движении, возникает на глазах, ткется в совместных действиях и переживаниях, в коммуникативных актах. Это субъектное качество движения, изменения. Оно на стороне человека. Но процесс несет в себе разрушительную энергию. Она неподвластна человеку, противостоит ему, ставит на грань жизни и смерти, уничтожает. Временная форма процесса создается сознательным усилием человека [19]. Она в настоящем, когда человек способен приложить усилие, совершить действие, удержать форму. Когда он расслаблен и рассеян, вял и бессилен, безволен, отвлечен на что-то другое, его захватывает дикая стихия потока, которой он уже не в состоянии противопоставить упорядоченность поступков. Сферическая модель времени противоречит идее потока. Мы рассматриваем не только систему действий субъекта, но и контекст деятельности – множество процессов, сопутствующих либо препятствующих исполнению деятельности и пересекающихся с ней в определенные моменты. Субъект должен синхронизовать свою деятельность с процессами в окружающем мире.

Время заставляет бросить особый взгляд на место субъекта в структуре опыта. Субъект должен «просто жить» [3], оставаясь в потоке и, вместе с тем, поднимаясь над ним и управляя процессом, движущимся объектом. В структуре опыта важны: 1) пространство – знание границ, районов и мест расположения объектов; 2) энергия; 3) язык, формирующийся в формировании и

функционировании оперативных единиц опыта. Опыт – в действии, когда наблюдающий не упустит ошибки исполнителя. Структура опыта – это конструкт, который стоит за действием и позволяет объяснить его временную связность. В структуре опыта представлена форма процесса. Это понятие выходит за пределы действия одиночного субъекта и заставляет рассматривать целый комплекс объектов.

Важен вопрос о соотношении понятий «структура опыта», «временная форма» и «форма процесса». Они кажутся близкими, почти совпадающими. Временная форма содержит информацию о множестве процессов, а структура опыта – о возможности выполнения задач среди множества процессов (а не только о том, как происходило реальное исполнение). Временная форма отличается от структуры опыта: первая – на стороне процесса, вторая – на стороне субъекта, внутри действия. Форма процесса – собственная характеристика процесса; она динамична, подвижна, требует восприятия и удержания (в поле внимания, в памяти), но это не действие субъекта и не структура его профессионального опыта. Форма процесса указывает на ход движения, его характеристики (временные, пространственные, энергетические и др.), и потому язык ее описания должен выходить за пределы психологии опыта или физиологии движений. Конечно, в структуре опыта хорошего специалиста отражен процесс движения, но есть многое другое – следы ошибок и удачных исполнений, взаимодействий, взаимоотношений, коммуникаций между людьми и пр.

Субъект исполняет деятельность, управляя процессом движения. Форма процесса – настоящее, слитое с прошлым и будущим. Она дана субъекту в восприятии, но, поскольку речь идет о структурах профессионального опыта, следует говорить о том, что такая форма – продукт интеллектуальной работы над впечатлениями, продукт их интеграции. Это динамичный гештальт настоящего, отнесенный к объекту – движению. Время поднимает нас на уровень видения многих процессов, связанных с движением транспортного средства. В жестких структурах опыта учтена изменчивость – их темпоральная, процессуальная характеристика. В них посредством рефлексии представлен поток процессов и жизни субъекта, настоящее, прошлое и будущее. Он – в синтезе. Длительность указывает на множество разнообразных процессов, в которые включено само действие субъекта, на сложное устройство действия, многоплановость его осуществления.

Необходимо опять рассматривать не только нормальные, но и экстремальные ситуации [18]. Синтез их временной формы является предметом особой деятельности человека и значимого другого. Как может профессионал выполнять свою деятельность после тяжелой психической травмы, когда эмоциональный тонус снижен, нет задора, много печали, мало радости, мало энергии на преодоление трудностей, нет дерзости для риска в сложных ситуациях? Человек может применить свой опыт только тогда, когда процесс идет по руслу, известному субъекту до определенных границ. Когда процесс выйдет за эти границы, человеку его опыт больше не пригодится. Там (за границами) у человека нет мастерства, он становится обывателем, которому остается спасаться или совершать геройские поступки, спасая других людей. Это встреча лицом к лицу с экстремальностью, той, что была отделена от обычного процесса некоторой линией границы. Опыт есть в пределах некоторой зоны процесса. Следует говорить о зонах большого и малого опыта, о зоне полного его отсутствия. В.В. Ершовым [10] описан случай, когда экипаж опытного командира не справился с аварией и погиб, но после разбора удалось построить алгоритм действия, посредством которого можно было избежать гибели экипажа и машины. Опыт синхронизации и выдерживания длительности предполагает определенную зону осуществления, которая формируется в ходе специальных упражнений.

Вблизи границы – зона неопределенности. Субъекту непонятно, что делать, какой опыт применять. Внутри процесса есть зоны высокого и низкого профессионализма, вблизи границы – зона неопределенности, а за границей – только развалины вместо процесса.

Каким образом профессиональный опыт может обеспечить синхронное действие субъекта? Как, посредством какого механизма он может способствовать антиципации, вниманию? Через память прежних удачных и неудачных исполнений? Да, если опыт по-

нимать только в связи с прошлыми действиями. Но если исходить из будущего или из настоящего, тогда нужно ставить вопрос: «Для чего опыт?» [23] и далее отвечать в соответствии с принципом целесообразности: «Для успешного исполнения». Нужно рассматривать связи в будущее (а не только из прошлого) и делать ударение на антиципации, ожидании и прогнозе как внутри, так и за пределами действия. Задачи синхронизации и выдерживания длительности именно таковы: они направлены на будущее, держатся на ожидании и прогнозе. Опыт устремлен в будущее, потому что само действие, внутри которого осуществляется опыт, устремлено в будущее: цель, ожидание, антиципации, акцептор действия, модель потребного будущего. Восприятие, внимание, движения обеспечивают контроль происходящего. Ожидание переходит из действия исполненного в исполняемое через сохранение, поскольку оно тоже потребуется в новом действии. Для выполнения предстоящего действия необходимо знание того, что придется ожидать, и того, сколько нужно будет ожидать (долго или нет). Поэтому такое знание необходимо сохранить. При этом время требует, чтобы мы исходили из настоящего текущего действия, потока, ведь внутри него функционирует опыт.

Как возможен опыт удержания длительности в рамках процесса? Чтобы ответить на вопрос, необходимо рассматривать не только структуры прошлого опыта, но и актуальное выполнение действия. Для воспроизведения длительности потребуются не только следы, в которых представлены моменты синхронизации в ходе прошлого исполнения схемы, но и сенсорные синтезы [4]. Они вносят вклад в синхронизаторы разных уровней: от поверхностных, где лишь сенсорные признаки объектов, до высших, в которых представлен смысловой контекст процесса. В структурах опыта сохраняются схемы пересечения процессов, информация о синхронизаторах и память об усилиях, которые следует приложить для синхронизации, выдерживания длительности и последовательности. Чтобы не отстать от реальности, нужно не просто работать с упреждением. И до синхронизации, и после того, как она случилась, необходимо научиться работать в темпе процесса. Здесь уже процесс приобретает приоритет по сравнению с психикой: его скоростью определяется скорость работы восприятия, памяти, антиципации, моторной реакции, мышления, двигательных моторных действий. С возрастанием скорости увеличивается скорость коммуникативных процессов, меняется их характер.

Важно понять, за счет каких резервов достигается возможность действовать очень быстро. Очень важны процессы антиципации предстоящего на основе нынешней и прошлой информации, опыта действий. Здесь, видимо, следует говорить об общем объеме: скорость процессов – дальность предвидения – широта охвата множества потоков – глубина проработки данных об одном процессе. Возможная доля каждого компонента будет меняться в зависимости от доли каждого из других множителей при условии, что общий объем канала в некотором диапазоне остается постоянной величиной. Скорость переработки информации будет расти с увеличением сложности задач и скоростей процессов, но только до некоторого предела. Затем человек должен искать способы сжатия информации, чтобы работать эффективно.

Психология труда в своем развитии прошла не один сложный этап. На каждом в центре внимания была то одна, то другая сторона человека: движения, профессионально важные качества, переработка информации и т. д. Только в инженерной психологии методологи [21] обозначили четыре важных этапа – системотехнический, информационно-процессуальный, деятельностный и организационный. В последнее время появляется все больше работ, где авторы указывают на необходимость гуманитарного подхода [13; 14; 16]. Решение проблем наставничества и оценки эффективности труда должно исходить из благополучия и пользы того человека, на которого он направлен. Значительным подспорьем стали издания, где разрабатывается понятие свободы действия, решения [5] и качественный метод в психологии [33]. Опыт может быть развернут в четырех координатах (пространство – время – энергия – язык) неотрывно от сознания и бытия человека, исходя из той ключевой позиции, которую занимает значимый другой человек [17]. Другой человек раскрывает субъекту смысл временной и пространственной форм, длительности, срока и события и раздвигает пространство, создавая просвет или зазор для действия. Другой направляет и упорядо-

чивает энергию, снимает напряжение или разделяет страдание. Его отношение воплощается в эмпатической формуле: сопереживание – сочувствие – содействие [30].

Социально-психологические разработки в прикладной психологии выдвигают на первое место рассмотрение команды вместо одиночного оператора. Важно рассмотреть соотношение между структурами опыта, оперативными единицами действия и языком [31]. Но нельзя отвергать приоритет в системе тех процессов, которым подчинены интересы отдельных людей, групп и даже организации в целом.

Библиографический список

1. Абросимова Н.Н. Психологический анализ временной организации труда в профессиях, связанных с использованием компьютерных технологий : дис. ... канд. психол. наук. – М. : Ф-т психологии МГУ, 2005.
2. Анохин П.К. Опережающее отражение действительности. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. – М. : Наука ,1978. – С. 7–27.
3. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания. В 4 т. Т. 1. Материя и память. – М., 1992. – С. 50–155.
4. Бернштейн Н.А. Биомеханика и физиология движений // Бернштейн Н.А. Избр. психол. труды / под ред. В.П. Зинченко. – 2-е изд. – М. : Воронеж, 2004. – С. 8–380.
5. Геберт Д. Организационная психология / Д. Геберт, Л. Розенштиль. – Харьков, 2006.
6. Геллерштейн С.Г. Антиципация в свете проблемы бессознательного // Проблемы сознания. – М. : Наука, 1966. – С. 305–316.
7. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т.1. Феноменология внутреннего сознания времени : собр. соч. – М. : Изд-во «Гнозис», 1994.
8. Делез Ж. Критическая философия Канта : учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. – М. : ПЕР СЭ, 2000. – С. 93–190.
9. Делез Ж. Бергсонизм // Делез Ж. Критическая философия Канта : учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. – М., 2000. – С. 93–190.
10. Ершов В.В. Откровения ездового пса. – М. : Издательский дом Родионова, 2007.
11. Жюльен Ф. О «времени». Элементы философии «жить». – М. : Прогресс-Традиция, 2005.
12. Зараковский Г.М. Закономерности функционирования эргатических систем / Г.М. Зараковский, В.В. Павлов. – М. : Радио и связь, 1987.
13. Климов Е.А. Избранные психологические труды. – М. : Воронеж, 1997.
14. Климов Е.А. Пути в профессионализм. – М., 2003.
15. Котик М.А. Природа ошибок человека-оператора / М.А. Котик, А.М. Емельянов. – М. : Транспорт, 1993.
16. Лактионов А.Н. Координаты индивидуального опыта. – Харьков, 1998.
17. Левинас Э. Время и другой. – М., 1998.
18. Магомед-Эминов М.Ш. Деятельностно-смысловой подход к психологической трансформации личности : автореф. дис. … д-ра психол. наук. – М., 2009.
19. Мамардашвили М.К. Кантианские вариации. – М., 1997.
20. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. – СПб., 1999. – С. 519–547.
21. Пископпель А.А. От системы «человек – машина» к «социотехнической системе» / А.А. Пископпель, Л.П. Щедровицкий // Вопросы психологии. – 1982. – № 3. – С. 15–25.
22. Пономаренко В.А. Авиация. Человек. Дух. – М., 1998.
23. Середа Г.К. Что такое память? // Психологический журнал. – 1985. – Т. 6. – № 6. – С. 41–48.
24. Стрелков Ю.К. Инженерная и профессиональная психология. – М., 2001.
25. Стрелков Ю.К. Временные структуры профессионального опыта // Профессиональная пригодность: субъектно-деятельностный подход / под ред. В.А. Бодрова. – М., 2004. – С. 97–113.
26. Стрелков Ю.К. Психологический смысл длительности // Известия ТРТУ (Таганрог). Тематический выпуск «Гуманитарные проблемы современной психологии». – 2005. – № 7 (51). – С. 43–47.
27. Стрелков Ю.К. Феномен времени в исследованиях транспортного труда // Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности / под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. – М., 2008а. – С. 200–221.
28. Стрелков Ю.К. Структуры профессионального опыта // Д.А. Ошанин и современная психология: к 100-летию со дня рождения Д.А. Ошанина / под общ. ред. В.И. Панова, Н.Л. Мориной. – М. : Обнинск, 2008б. – С. 187–210.
29. Стрелков Ю.К. Гуманитарный подход в психологии труда / Ю.К. Стрелков, Л.П. Стрелкова // Прикладная психология как ресурс социально-экономического развития современной России : материалы межрегион. конф. (Москва, ноябрь 2005 г.). – М., 2005. – С. 383–384.
30. Стрелкова Л.П. Формирование эмпатии в дошкольном возрасте : дис. … канд. психол. наук. – М., 1986.
31. Тенищева В.Ф. Интегративно-контекстная модель формирования профессиональной компетенции : дис. … д-ра психол. наук. – М., 2008.
32. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. – СПб., 2001.
33. Willig C. Introducing qualitative research in psychology. – L., 2008.

УДК 159.9

ОЦЕНКА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНОТИПНЫХ ПРОФЕССИЙ ПОТРЕБИТЕЛЯМИ ТРУДА

Ю.Е. Якунина

Вопросы оценки профессиональной деятельности актуальны как для теоретической, так и для практической психологии. Субъективные (в том числе интериоризированные) критерии оценки деятельности могут выступать психологическими регуляторами труда, использоваться в качестве «маркеров» рефлексии в процессе деятельности, являться основой профессиональной самооценки субъекта труда.

Оценка профессиональной деятельности должна иметь комплексный характер. В нашей работе в качестве основных параметров оценки используются следующие:

1) сочетание объективных и субъективных критериев оценки профессиональной деятельности;

2) использование максимально возможного числа субъектов оценивания профессиональной деятельности (многоаспектность оценки);

3) учет временного масштаба оценки профессиональной деятельности (оценивается ли деятельность, протекающая «здесь и сейчас», в конкретной трудовой ситуации, или же профессиональная деятельность с позиции успешности в течение длительных временных периодов).

Важно отметить, что комплексная оценка профессиональной деятельности возможна только при максимальном учете всех компонентов по каждому из параметров оценки.

В данной статье мы бы хотели остановиться на оценке профессиональной деятельности потребителем труда, являющимся одним из субъектов оценивания в нашей модели. Как известно, оценка профессиональной деятельности может осуществляться как внешне, так и внутренне. Внешняя оценка – это оценка деятельности субъекта труда со стороны других людей, внутренняя – оценка собственной деятельности субъектом труда. Как внешняя, так и внутренняя оценка может реализовываться при помощи как объективных, так и субъективных критериев. Чем менее определены и жестки требования к деятельности, тем выше доля субъективных критериев в оценке. Но если внешняя оценка может опираться как на объективные, так и на субъективные критерии, то при внутренней оценке всегда используются субъективные критерии.

В качестве субъектов оценивания деятельности могут выступать: сам субъект труда, коллега, руководитель и потребитель труда профессионала. Каждый из оценивающих деятельность субъектов пользуется собственными критериями из-за различной включенности в процесс деятельности, различной значимости оцениваемой деятельности для субъекта оценивания. Каждый из субъектов оценивания подходит к оценке с собственным «вектором смысла» [7] и выделяет то, что актуально именно для него. Как отмечает В.А. Барабанщиков, «абстрактно-результативное полагание субъекта и объекта восприятия становится основанием того, что знания, представления, установки самого исследователя невольно приписываются объекту восприятия и сопоставляются с чувственным содержанием изучаемого объекта» [3, с. 70]. В.Н. Носуленко пишет: «Важно подчеркнуть, что в воспринимаемом качестве отражается не только значимость для субъекта элементов внешней действительности, но и отношение к ней самого субъекта» [12, с. 27]. Исходя из вышесказанного, можно полагать, что критерии, которыми пользуются оценивающие, указывают, прежде всего, на значимость тех или иных характеристик деятельности для самих субъектов оценивания.

Нельзя делать вывод об успешности деятельности, исходя из оценки лишь одного субъекта оценивания. Объединив разнородные оценки, можно получить комплексное, более точное представление о деятельности субъекта труда. О необходимости сочетания внешних и внутренних оценок деятельности говорят многие авторы [10; 11; 13 и др.], что обусловливает необходимость изучения критериев, которыми пользуются «оценивающие». Среди субъектов оценивания важное место занимает потребитель труда. Само

понятие «потребитель труда» еще недостаточно утвердилось в психологии. В большинстве случаев вопросы потребления поднимаются в рамках экономической психологии в контексте описания поведения покупателей и эффекта рекламного воздействия. Необходимо отметить, что «потребитель» не означает пассивного индивида, «усваивающего» продукт (услугу, благо). Потребитель труда, как правило, инициирует деятельность, осуществляет выбор, в ряде случаев становится «участником» процесса деятельности субъекта, выполняет оценку результата, процесса, личности профессионала.

Значительный вклад в разработку проблем потребления внес В.И. Ильин [6]. По его мнению, потребление представляет собой осмысленную деятельность людей по конструированию собственной идентичности: через предметы потребления человек создает свой образ в глазах окружающих. Потребление осуществляется в «социокультурном пространстве», в котором субъект занимает статусную позицию потребителя труда (услуг). «В пространстве потребления статусная позиция играет ключевую роль, определяя границы возможного и необходимого» [6, с. 37]. Характер взаимодействия в одном социокультурном поле потребителя с субъектом труда может иметь несколько вариантов: а) параллельные действия (практики) – каждый из участников преследует личные цели, взаимодействие носит случайный, непродолжительный характер; б) конкурентные действия (практики); в) совместные действия (коллективные практики) – осознание участниками общности целей и интересов, необходимости совместных усилий по их достижению. Существует определенная культура потребления – «относительно устойчивый способ повседневной жизни и правила интерпретации потребительских практик (язык потребления)» [6, с. 131]. Она включает в себя «представления о потребительских ценностях и нормах, регулирующих потребление, санкции общества за нарушение или соблюдение потребительских норм, язык как свод правил интерпретации потребительских актов, устойчивые автоматические потребительские практики (свободные привычки)» [6, с. 131].

В своей оценке потребляемого потребитель так же, как и субъект труда, исходит из некоторых эталонных представлений, собственных «потребительских стандартов». «В результате длительного взаимодействия в одном социокультурном поле индивидуальные стандарты имеют тенденцию интегрироваться в коллективные представления о норме и ее нарушении» [6, с. 221]. Потребительские стандарты отражают систему ценностей потребителей. Очевидно, что эталонные представления потребителей имеют ту же динамику развития, что и эталоны субъекта труда, но помимо прочего на них оказывает влияние «конкурентная ситуация» в той или иной сфере социальной практики, реализации профессиональной деятельности: чем выше конкуренция, чем более многообразны «предложения», тем выше эталон. Так, к примеру, когда у человека в опыте есть взаимодействие лишь с одним учителем, реализация профессиональной деятельности данным педагогом принимается как стандарт. По мере же обучения у разных преподавателей эталонные представления корректируются и ужесточаются, требования к профессиональной деятельности и личности субъекта труда возрастают. Та же ситуация наблюдается практически в любой профессии.

В большинстве случаев потребитель оценивает не столько процесс, сколько результат деятельности, соотнося его с субъективными критериями соответствия собственным запросам и потребностям. Оценка профессиональной деятельности имеет свою специфику в каждом из типов профессий, выделенных Е.А. Климовым. В литературе упоминаются специфические критерии успешности для представителей профессий типа «**человек – человек**» («Ч–Ч»): способность установить хорошие взаимоотношения с потребителем труда [1; 2; 5]; достижения и изменения потребителя труда после взаимодействия с профессионалом [1; 9; 14]; удовлетворенность потребителя труда своим взаимодействием с профессионалом [14]. Во многом эти критерии связаны с тем, что деятельность профессионала имеет черты совместной деятельности с потребителем труда. А.А. Ерошенко [4] указывает, что среди критериев успешности педагогической деятельности важное место занимают требования к личностным качествам учителя (субъекта труда). А.Ф. Корниенко [8] в качестве важнейшего фактора эффективности учебно-воспитательного процесса называет

взаимоотношения учителя и ученика, которые выражаются в субъективных представлениях участников процесса друг о друге, в их взаимных оценках и ожиданиях.

Именно в этом типе профессий потребитель труда (особенно в локальном временном масштабе деятельности) зачастую выступает не просто как «участник» трудовой ситуации, а как субъект, от действий которого зависит весь исход деятельности. Конечно, потребителя нельзя назвать в полной мере субъектом профессиональной деятельности, однако неправомерно его считать и просто объектом оной. В ряде случаев профессиональная деятельность в социономических профессиях приобретает характер совместной деятельности субъекта и потребителя труда (достаточно ярко это проявляется в педагогической деятельности): максимально возможный результат возможен только при взаимных усилиях и сотрудничестве обоих субъектов. Потребитель труда оценивает тут не только результат, но и сам процесс деятельности. Более того, потребитель выступает главным источником информации об эффективности профессионала, его деятельности.

С представителями профессий типа «Ч–Ч» потребители взаимодействуют достаточно часто, сами вовлечены в различные трудовые ситуации, являются в большинстве случаев их инициаторами. Относительно представителей социономических профессий существуют социально закрепленные стереотипы, выступающие в качестве эталонов при оценке деятельности. В ряде случаев деятельность субъекта труда юридически нормирована относительно взаимодействия с потребителем труда (например, «Закон о правах потребителя»).

Специфической особенностью оценки деятельности представителей профессий данного типа является и то, что в силу их распространенности, направленности на взаимодействие с непосредственным потребителем труда последний считает себя компетентным в профессиональной деятельности субъекта труда, в связи с чем предъявляет к ней и самому субъекту труда повышенные требования. Одновременно с этим личностная вовлеченность потребителя может сказываться и на установлении особого рода отношений с субъектом труда, в связи с чем то или иное отношение к нему может сохраняться достаточно долгое время, что позволяет потребителю оценивать деятельность субъекта труда в глобальном временном масштабе.

Черты совместной деятельности с потребителем труда накладывают свой отпечаток и на оценку собственной деятельности профессионалом. В качестве одного из субъективных критериев могут выступать требования к потребителю труда. Поскольку деятельность профессионала направлена на потребителя, она может оцениваться с опорой на оценку труда потребителем, а одним из субъективных критериев профессиональной успешности может являться удовлетворение второго участника трудового взаимодействия.

В социономических профессиях особенно высока роль социальных ожиданий, которые и выступают в качестве идеала деятельности. Социальная (внешняя) оценка деятельности профессионалов основывается на обобщенном идеальном представлении не только о деятельности, но и о самом профессионале, эту деятельность осуществляющем. Идеальные представления имеют характер социальных стереотипов и используются в качестве субъективных критериев эффективности профессиональной деятельности.

Как правило, внешняя оценка деятельности в профессиях типа «**человек – техника**» («Ч–Т») основана на четких стандартах и нормативах. Со стороны потребителя труда акцент в оценке будет ставиться на результат деятельности и скорость его достижения. Установление «особого рода отношений» между потребителем и субъектом труда возможно, но скорее в виде исключения. В большинстве случаев взаимодействие между ними носит ситуативный характер. Это будет вызывать трудности у потребителя при оценке успешности профессионала в глобальном временном масштабе.

Специфической особенностью профессий типа «**человек – знак**» («Ч–З») является «скрытость» процесса деятельности от непосредственного потребителя труда, а в некоторых случаях полное отсутствие взаимодействия с потребителями труда. Вероятно,

представители данного типа профессий в оценке собственной деятельности в минимальной степени ориентируются на потребителя, но для них должна быть важна оценка коллег и руководства. Внешняя оценка ориентирована на отсутствие ошибок и скорость исполнения деятельности. Для многих профессий данного типа может быть характерно преобладание объективных критериев оценки деятельности, их максимальная интериоризация. В силу вышесказанного можно предполагать, что оценка деятельности представителей данного типа профессий может вызвать затруднения у потребителей труда.

Для проверки предположения о различиях в критериях оценки деятельности потребителем профессиональной деятельности представителей разнотипных профессий нами было проведено эмпирическое исследование.

В исследовании приняли участие потребители труда профессий трех типов: «Ч–Т» (32 человека), «Ч–З» (26 человек), «Ч–Ч» (49 человек).

Основным методом исследования выступало структурированное интервью. Испытуемым предлагалось описать взаимодействие с представителем знакомой ему профессии какого-либо типа с позиций успешности или неуспешности в двух временных масштабах (локальном и глобальном).

Обработка результатов производилась методом контент-анализа. В качестве категорий контент-анализа выступали критерии успешности профессиональной деятельности, используемые испытуемыми. Для каждого варианта оценки подсчитывалась процентная доля использования каждого критерия относительно всего количества испытуемых в выборке. Статистическая обработка данных производилась посредством подсчета критерия φ* (углового преобразования Фишера). В тех случаях, когда доля упоминания какого-либо критерия составляла 0, что могло завышать результат, различия между выборками считались значимыми только при $p \leq 0{,}01$. В остальных случаях достаточным считалось $p \leq 0{,}05$.

Критерии оценки потребителем труда профессиональной деятельности в *локальном временном масштабе* в разнотипных профессиях представлены в табл. 1 (Значимые различия обозначены жирным курсивом).

Интересен тот факт, что оценка потребителями деятельности представителей социономических профессий опирается на боль-

Таблица 1

Оценка профессиональной деятельности в локальном временном масштабе потребителем труда в разнотипных профессиях

Критерии оценки	Частота использования (%)			Значение j *		
	Тип профессии			Сравниваемые группы		
	Ч–Т	Ч–З	Ч–Ч	Ч–Т/ Ч–З	Ч–З/ Ч–Ч	Ч–Т/ Ч–Ч
Внеситуативные критерии (связь с глобальным масштабом оценки)	6,3	–	4,1	1,92	1,68	0,44
Ориентация на оценку, отношение потребителей труда	–	–	2,0	0,00	1,17	1,25
Ориентация на оценку, отношение руководства	–	–	2,0	0,00	1,17	1,25
Соответствие субъекта труда предъявляемым к нему требованиям	31,3	30,8	79,6	0,04	***4,23***	***4,47***
Характеристики действий	75,0	73,1	55,1	0,16	1,57	***1,85***
Последствия для потребителя труда	9,4	3,8	6,1	0,87	0,44	0,55
Временнbe критерии	25,0	30,8	14,3	0,49	***1,65***	1,19
Средства, условия, организация труда	9,4	19,2	2,0	1,08	***2,57***	1,49
Оптимальность функциональных и эмоциональных состояний субъекта труда	9,4	–	6,1	***2,36***	2,06	0,55
Оптимальность функциональных и эмоциональных состояний потребителя труда	3,1	–	–	1,34	0,00	1,56
Удовлетворенность потребителя труда	6,3	–	2,0	1,92	1,17	0,98

шее число критериев, нежели оценка профессий двух других типов. Косвенно это может указывать на вовлеченность потребителя в процесс деятельности, большую осведомленность в нем. Примечательно и то, что если оценка потребителем труда в профессиях типа «Ч–Т» и «Ч–З» преимущественно осуществляется через описание характеристик осуществляемых субъектом действий, то оценка профессионалов типа «Ч–Ч», прежде всего, опирается на соответствие субъекта труда предъявляемым к нему требованиям и лишь затем – на характеристики его действий. Таким образом, именно в социономических профессиях потребитель ориентирован на соответствие субъекта эталонным представлениям, в то время как в других исследуемых типах его интересует деятельность субъекта и ее результат.

Значимые различия установлены по 5 критериям из 11. При этом оценка потребителями деятельности в профессиях типа «Ч–Ч» и «Ч–З» имеет лишь одно значимое отличие. Потребители труда профессий типа «Ч–З» чаще учитывают при оценке организацию трудового процесса, временные характеристики деятельности, в то время как потребители труда социономических профессий значимо чаще обращают внимание на соответствие субъекта труда эталонным представлениям и значимо реже предъявляют требования к характеристикам его действий. Вероятно, это связано с тем, что результаты действий субъекта не могут быть оценены тут непосредственно, а становятся очевидны лишь при отсроченной оценке.

Сопоставление критериев оценки профессиональной деятельности, используемых разными субъектами оценивания (субъектом труда, коллегой и потребителем) в каждом из типов профессий, показывает, что в профессиях типа «Ч–Т» более высокую значимость в оценке профессиональной деятельности потребителем труда имеют критерии, описывающие соответствие субъекта деятельности эталонным представлениям; критерии же, связанные с потребителем труда (его удовлетворенностью, состоянием, последствиями деятельности для него), указываются преимущественно самими потребителями и вообще не учитываются при оценке деятельности коллег.

Оценка профессиональной деятельности представителей типа «Ч–З» потребителями опирается на наименьшее количество критериев относительно других вариантов оценивания. Наиболее же развернутая оценка осуществляется самим субъектом труда. Можно предполагать, что деятельность представителей данного типа профессий наименее очевидна для потребителей труда, в связи с чем они могут испытывать затруднения в определении профессиональной успешности.

В профессиях типа «Ч–Ч» именно субъект при оценке профессиональной деятельности в локальном временном масштабе в большей степени ориентирован на потребителя труда: именно он чаще учитывает при оценке деятельности последствия собственной деятельности для потребителя, учитывает мнение потребителя. Потребители труда значимо реже опираются при оценке профессиональной деятельности представителей социономических профессий на характеристики их действий и учитывают временные параметры деятельности, а также содействие коллег субъекту труда. Вероятно, данные характеристики не очевидны для потребителя.

Итак, исследование различий критериев оценки профессиональной деятельности в локальном временном масштабе в разнотипных профессиях позволяет говорить о специфичности критериев, используемых потребителями труда для оценки профессиональной деятельности представителей разных типов профессий.

Критерии оценки потребителем труда профессиональной деятельности в *глобальном временном масштабе* в разнотипных профессиях представлены в табл. 2 (значимые различия обозначены жирным курсивом).

Из табл. 2 очевидно, что наиболее развернутую систему критериев оценки профессиональной деятельности имеют потребители относительно профессий типа «Ч–Ч», однако данная оценка не представляет собой единообразия мнений: к примеру, критерий с наивысшим рангом используется при оценке лишь 28,6 % респондентов, в то время как в профессиях типа «Ч–Т» и «Ч–З» критерий, имеющий наивысший ранг, используется 50 и 72 % испытуемых, соответственно.

Таблица 2

Оценка потребителем труда профессиональной деятельности в глобальном временном масштабе в разнотипных профессиях

Критерии оценки	Частота использования			Значение j *		
	Тип профессии			Сравниваемые группы		
	Ч–Т (%)	Ч–З (%)	Ч–Ч (%)	Ч–Т/ Ч–З	Ч–З/ Ч–Ч	Ч–Т/ Ч–Ч
Ориентация на ситуации, через которые прошел субъект труда в течение профессиональной жизни (связь с локальным временным масштабом)	–	–	8,2	0,00	***2,36***	***2,56***
Соответствие субъекта труда предъявляемым к нему требованиям	28,1	28,0	26,5	0,01	0,13	0,15
Особое отношение к профессиональной деятельности	–	–	12,2	0,00	***2,91***	***3,14***
Ориентация на оценку коллег	3,1		4,1	1,33	1,66	0,24
Ориентация на оценку потребителей труда	25,0	12,0	28,6	1,27	1,72	0,36
Особенности отношения субъекта к потребителям труда	3,1	–	8,2	1,33	***2,36***	1,00
Характеристики работы, действий	50,0	72,0	24,5	***1,70***	***4,03***	***2,35***
Временные критерии	–	16,0	4,1	***3,08***	***1,69***	1,80
Возможность научиться у субъекта труда	–	–	2,0	0,00	1,16	1,25
Итоги	25,0	48,0	24,5	***1,81***	***2,01***	0,05
Удовлетворенность субъекта труда	–	4,0	6,1	1,51	0,39	2,20

Обращает на себя внимание и то, что только в оценке деятельности в профессиях типа «Ч–З» не используется критерий «особенности отношения субъекта к потребителям труда», что может быть связано с тем, что потребители мало осведомлены в деятельности субъекта, непосредственно с ним не взаимодействуют или же это взаимодействие носит эпизодический, непродолжительный характер.

Значимые различия установлены по 6 критериям из 11. В значительной степени они отражают специфику оценки потребителями труда в профессиях типа «Ч–З»: более высокая значимость при определении профессиональной успешности в глобальном временном масштабе характеристик работы, наличия итогов и временных параметров деятельности. Вероятно, при оценке «глобальной» успешности данных профессионалов потребители, не будучи задействованными в процессе труда, ориентированы на внешнюю составляющую деятельности.

Анализ критериев оценки профессиональной деятельности в глобальном временном масштабе, используемых разными субъектами оценивания (субъектом труда, коллегой и потребителем) в каждом из типов профессий, дает возможность заключить следующее.

В профессиях типа «Ч–Т» потребитель исходит в оценке труда профессионала из оценки его деятельности, соответствия субъекта труда определенным требованиям, опирается на оценку со стороны потребителя труда и наличия определенных итогов («исходов») деятельности профессионала. Выявлено, что в оценке со стороны потребителя более значимы, чем для других субъектов оценивания, характеристики деятельности, наличие итогов и мнение «клиентов», при этом мнение коллег и руководства остается незначимым. Таким образом, мнение потребителя труда учитывается только самими потребителями, что указывает на неполноту оценки самих профессионалов.

В профессиях типа «Ч–З» потребители исходят из описания работы и итогов деятельности субъекта труда. Анализ значимых различий показывает, что для потребителя более значимы, чем для остальных субъектов оценивания, характеристики деятельности субъекта.

В профессиях типа «Ч–Ч» потребители труда наиболее часто используют критерии оценки субъекта со стороны потребителя, соответствия субъекта некоторым требованиям, наличия итогов деятельности и характеристики его работы. Значимые различия

показывают, что для потребителей труда менее значимо отношение субъекта к профессии, временные критерии деятельности.

Итак, анализ выявленных критериев в двух временных масштабах показывает их качественное своеобразие. Деятельность в локальном временно́м масштабе оценивается с позиции «здесь и сейчас»: как применяются знания, умения навыки в данной ситуации, как оценивает потребитель конкретное взаимодействие с субъектом труда, что требуется от субъекта, чтобы деятельность в данной ситуации была успешной, и т. п. При определении успешности профессиональной деятельности в глобальном временно́м масштабе оценивается не то, как хорошо человек справился с конкретной ситуацией, а насколько успешно он потенциально может справляться с целым классом разнообразных трудовых ситуаций; удовлетворение субъекта труда не ситуацией, а всей профессиональной жизнью, а потребителя – всем длительным периодом взаимодействия с субъектом труда; не то, как оценивает потребитель (коллега, руководитель) действия профессионала, а как он относится к субъекту труда *вообще*. Именно поэтому критериев оценки профессиональной деятельности в глобальном масштабе меньше: они являются общими, объемными, недифференцированными. Так, среди субъективных критериев оценки профессиональной деятельности в глобальном масштабе отсутствуют указывающие на необходимость содействия потребителей, коллег и руководства деятельности профессионала. То есть если в оценке трудовой ситуации учитывается многообразие связей, влияний, то профессиональная жизнь оценивается преимущественно с позиции только субъекта труда.

Библиографический список

1. Аминов Н.А. Опыт прогнозирования эффективности работы учителя математики // Психологический журнал. – 1995. – № 1. – С. 122–129.
2. Амяга Н.В. Самораскрытие педагога в общении со старшеклассниками : автореф. дис. … канд. психол. наук. – М., 1989. – 22 с.
3. Барабанщиков В.А. Восприятие и событие. – СПб. : Алатейя, 2002. – 512 с.
4. Ерошенко А.А. Изменение взаимосвязи индивидуальных свойств учащихся ПТУ в зависимости от овладения мастерством // Вопросы психологии. – 1981. – № 3. – С. 49–57.
5. Захарова Л.Н. Психологические основы подготовки к профессиональной деятельности: автореф. дис. … д-ра психол. наук. – Новосибирск, 1997. – 38 с.
6. Ильин В.И. Потребление как дискурс: учеб. пособие. – СПб. : Интерсоцис, 2008. – 446 с.
7. Колесов Д.В. Оценка (психология и прагматика оценки) : учеб. пособие. – М. : Изд-во Московского психол.-соц. ин-та; Воронеж : МОДЭК, 2006. – 816 с.
8. Корниенко А.Ф. Типы социально-психологического взаимодействия субъектов учебно-воспитательного процесса // Социальная психология : Практика. Теория. Эксперимент. Практика: т. 2 / под ред. В.В. Козлова. – Ярославль, 2000. – С. 110–112.
9. Кочюнас Р. Основы психологического консультирования. – М. : Академический Проект, 1999. – 240 с.
10. Максимов С.В. Соотношение представлений личности о себе и о других в группах разного уровня развития // Активизация личности в системе межличностных отношений: тезисы докладов к VII съезду Общества психологов СССР. – М., 1989. – С. 36.
11. Маркова А.К. Психология профессионализма. – М. : Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. – 310 с.
12. Носуленко В.Н. Воспринимаемое качество жизни // Методы исследования психологических структур и их динамики / под ред. Т.Н. Савченко, Г.М. Головиной. – М. : Институт психологии РАН, 2007. – Вып. 4 – С. 19–37.
13. Пучинский В.М. К общей схеме субъективного психического. – М. : Регламт, 2004. – 228 с.
14. Шарова Е.И. Психологические характеристики мастера производственного обучения как фактор эффективности руководства учебной группой ПТУ : автореф. дис. … канд. психол. наук. – М., 1986. – 17 с.

R

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.02.,371

ТЕОРИЯ РЕШЕНИЯ ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКИХ ЗАДАЧ – ТЕХНОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА

Л.С. Давыдова

Творчество, по мнению известных педагогов и психологов, – самый эффективный способ развития активной личности, а также средство решения проблемы выживания человека и развития всего человечества в современном быстро изменяющемся мире (А.Г. Асмолов, С.И. Вульфсон, Л.Н. Куликова, Д.В. Чернилевский и др.).

Если в качестве главной задачи обучения и воспитания личности принять формирование ее интеллектуальной и духовной культуры, то образование можно рассматривать как «…обучение искусству пользоваться знаниями, позволяющими анализировать проблемы в любой области жизнедеятельности и находить для них наиболее точное, экономически целесообразное решение» [6, с. 45]. При том, что многие знания оказываются бесполезными и ученик (студент) не знает, как и где их применить, не менее важной задачей психологи называют переход от «преимущественно нерефлексивного к осознанному овладению и владению рядом умственных операций» (В.В. Давыдов, Г.П. Звенигородская, Р.С. Немов, А.В. Петровский, И.А. Петухова, Д.Б. Эльконин и др.).

Особо значимым фактором образовательного процесса сегодня признается «выход личности за собственные границы в деятельности», развитие которой «происходит благодаря творческому вкладу ее субъекта…» [7, с. 44].

Аналогичные теоретические концепты были заложены в основу проблемного обучения, предложенного обществу в конце 60-х–начале 70-х гг. XX в. Следует заметить, что организация активного взаимодействия субъектов с проблемно представленным содержанием обучения, реально способствовала формированию культуры мышления, приобщению к объективным противоречиям в науке и практике, способам их разрешения. При этом все обучающиеся, независимо от возраста, учились самостоятельно мыслить, вступать в отношения продуктивного общения и творчески усваивать знания.

Первые подходы к проблемному обучению были разработаны в начале XX в. Дж. Дьюи. Однако почти за 100 лет эта система, к сожалению, так и не стала массовой. Главную причину этого противоречия психологи видят в неумении учителя помочь ученику: четко сформулированными вопросами незаметно «подтянуть» его к решению задачи и при этом оставить у него впечатление полной самостоятельности.

Стержневым понятием в таком обучении называют *проблемную ситуацию*, с помощью которой моделируются разные условия исследовательской деятельности. Многие психологические эксперименты русских ученых подтверждали ее направленность на мотивацию мышления, поиск, «открытие» и овладение субъективно новым знанием (Т.В. Кудрявцев, А.М. Матюшкин, М.Н. Махмутов, С.Л. Рубинштейн, и др.).

Проблемное обучение в России возникло как своего рода «альтернатива механистично-репродуктивному, программированному обучению, как попытка преодолеть главный недостаток традиционного обучения: эксплуатацию памяти человека и фактическое исключение возможности его мысленной активности» [7, с. 237].

Интенсивные дискуссии о сущности и возможностях проблемного обучения в отечественной психолого-педагогической литературе не прекращаются до сих пор. Главными спорными вопросами были и остаются: является ли такое обучение новым типом, особым дидактическим принципом или сводится только к педагогическому приему активизации познавательной деятельности? Какой подход может обеспечить наилучшие возможности творческого развития обучающегося – повсеместно используемый задачный или же проблемный?

Чтобы убедительно ответить на эти вопросы, изучалось содержание действий учащихся в каждом из этих случаев, делались вполне доказательные выводы о том, что «путь познавательной деятельности при задачном подходе короткий», деятельность репродуктивно-исполнительская. При проблемном подходе, с точки зрения развития мышления и личности, «познавательная деятельность намного длиннее, интереснее и продуктивнее» [7, с. 240].

Практическое внедрение в учебный процесс проблемного обучения, по мнению его сторонников, затормозилось также по причине отсутствия «банка» проблемных ситуаций, а также недостаточности разработки методологии и критериев для оценки идей, неподготовленности педагогов к переконструированию учебного материала.

Практика использования проблемного обучения в общем и профессиональном образовании показала, что оно, «…ввиду сложности преобразования содержания учебного материала в проблемный вид, повышенных требований к квалификации преподавателя и слабой технологичности», не получило широкого распространения и не стало «особым типом обучения» [6, с. 239]. Однако серьезное *признание* необходимости реализации принципа проблемности в образовании как одного из необходимых в любом виде развивающего обучения оно все-таки получило [3; 6].

Современный темп научно-технического прогресса ставит перед системой образования принципиально новую задачу: сформировать личность исполнителя, эффективно реагирующего на постоянные изменения технологий, как на своем рабочем месте, так и во всей технологической цепочке.

До настоящего времени, пытаясь построить модель идеальной личности, педагогика шла за потребностями государства и удовлетворяла их со значительным опозданием. Настоящему обществу необходима ОПЕРЕЖАЮЩАЯ ПЕДАГОГИКА – система интеллектуального и психологического развития, формирующая в личности устойчивые компоненты творческого стиля мышления: умение анализировать любые проблемы, устанавливать системные связи, выявлять противоречия, находить для них решения на уровне идеальных и прогнозировать другие возможные варианты. Человек с таким уровнем мышления не только готов к решению интеллектуальных задач и постоянным изменениям в технологиях, но, наоборот, начинает рассматривать их как реальность получения для себя жизненно необходимого морального удовлетворения.

Ориентирование педагогики на формирование у обучающихся качеств творческой личности в корне меняет формы и принципы педагогической деятельности. Если учесть, что ключевая фигура учебного процесса – учитель, который не только учит, является организатором мыследеятельности, источником информации, но и помогает учиться, его профессиональная деятельность должна полностью исключить репродуктивное воспроизведение материала. Неповторимость каждой аудитории, непредсказуемость развития ситуации на занятии предъявляют особые требования к творческим способностям преподавателя, переосмыслению, перестройку накопленного им ранее культурно-психологического научного опыта.

За последние полвека выдвинуто немало «теорий творчества». Среди всех известных сегодня способов формирования творческой личности одним из наиболее сильных инструментов является ***теория решения изобретательских задач*** **(ТРИЗ),** созданная выдающимся российским ученым Генрихом Сауловичем Альтшуллером.

Изобретательство – древнейшее занятие человека. С изобретением первых орудий труда начинается история цивилизации. За многие тысячи лет, прошедших с тех пор, все изменилось, неизменной осталась только технология создания новых изобретений – *метод проб и ошибок.* Учитывая, что технология творчества, основанная на этом методе, пытаясь построить модель идеальной личности, почти исключает возможность организации творческой учебы, Г. Альтшуллер признавал его крайне неэффективным. «При решении сколько-нибудь трудных задач, – говорил ученый, – приходится совершать тысячи и десятки тысяч пустых проб. К методу проб и ошибок привыкли, а упорство в переборе вариантов до сих пор рассматривают как доблесть…» [6, с. 4].

Надо признать, что производство изобретений действительно развивается в основном количественным путем – за счет увеличения числа людей, привлеченных к перебору вариантов. Например, в лаборатории Эдисона на более чем 900 сотрудников было получено только 1024 патента. Для реализации своих идей человек по-прежнему тратит много времени на перебор вариантов, при этом далеко не всегда получает лучший результат. Принятое им решение редко бывает высокого уровня и чаще всего лежит на поверхности: он бессистемно вмешивается в природу и неосознанно губит ее; лечит одну болезнь и создает комплекс других заболеваний и т. д.

К 40–50-м гг. XX в. методика решения творческих задач известным способом исчерпала все возможности своего развития, настоятельно требовалось создание иных принципов построения творческого процесса. За рубежом пошли по пути интенсификации привычного метода проб и ошибок: появились мозговой штурм, морфологический анализ, синектика и др. При этом старая технология, основанная на переборе вариантов, была сохранена, активизация свелась к нескольким приемам, позволяющим в какой-то мере приглушать психологическую инерцию и более интенсивно генерировать всевозможные идеи.

Отечественная ТРИЗ принципиально отличается от этого метода и всех его модификаций и превращает производство новых технических идей в точную науку.

Как уникальное орудие формирования творческого потенциала личности и коллектива в целом, теория создавалась, чтобы заменить интуитивные «озарения», приводящие талантливых инженеров и ученых к величайшим изобретениям и открытиям такой стратегии мышления, которая позволяла бы «хорошо подготовленному в любой области знания специалисту получать такие же высокие результаты» [6, с. 5].

Теория решения творческих задач возникла в технике, поскольку в начале XX в. именно там был накоплен самый мощный патентный фонд, послуживший для нее фундаментом. Как известно, любая отрасль техники, науки, искусства, общественного развития и т. д. предполагает ее развитие и управление.

В технике существуют *технические системы (ТС),* которые закономерно сменяют одна другую. Эти «системы дробные, и составляющие их части могут рассматриваться самостоятельно. В таких случаях каждая последующая часть системы (ступень) является *надсистемой,* а каждая предыдущая – *подсистемой.* При рассматривании объекта (системы) учитывается взаимосвязь между собой всех ее ступеней» [5, с. 22].

Законы, на которых основана ТРИЗ, это, прежде всего, законы материалистической диалектики. Проанализировав историю развития *техники*, десятки тысяч патентов, Генрих Альтшуллер, заключил, что «**технические системы (ТС) возникают и развиваются не «как попало», а по определенным законам, которые можно познать и использовать для сознательного, без множества «пустых проб», решения изобретательских задач** [6, с. 5].

Разработка методики ведется с 1946 г. Опубликованные в России книги и статьи по ТРИЗ переведены в США, Японии, Финляндии, Германии, Польше, Корее и других странах. Масштабы ее применения растут с каждым годом. На ее основе сделаны тысячи изобретений, она полностью исключает такие факторы, как «осенение», «счастливый случай», «терпеливый перебор вариантов» и превращает производство новых технических идей в точную науку: вместо поиска вслепую, технология решения изобретательских задач строится на системе планомерных операций. Главными условиями теории, согласно утверждениям Г. Альтшуллера, являются:

- Знание законов развития системы.
- Использование рационально организованной информации.
- Управление мышлением в процессе решения задач (гашение психологической инерции, форсирование воображения, четкое выполнение определенной последовательности умственных действий) [6, с. 5].

Теория решения изобретательских задач рекомендует совершенствовать в первую очередь систему, так как это не требует больших затрат и не связано с ломкой существующей технологии. Знание законов развития технических систем позволяет не только решать возникающие технические задачи, но и прогнозировать появление новых вариантов их решения. Кроме того, оказывается, что закономерно развиваются не только технические системы, но и социальные, организационные, художественные и др.

Уже из самой постановки задачи видно, что ТРИЗ может быть использована с целью формирования культуры творческого мышления как осознанного, целенаправленного и управляемого процесса, сначала в ходе специальных занятий, а позднее – непосредственно в любом виде самостоятельной деятельности (В. Петров, М. Гафитулин, М. Меерович, А. Корзун и др.). Тот факт, что «способность к творчеству (*креативность),* имеет общую основу и независимо от сферы деятельности, наработанная на одном материале, может быть перенесена на другую область жизнедеятельности», подтвер-

ждалась результатами некоторых исследований американских психологов, проведенных в 1959 г. [7, с. 7].

Исследование креативности и творчества широко представлено в отечественной науке: выделены критерии творчества, исследованы его психологические механизмы (Д.Б. Богоявленская), разработаны технологии развития творческого мышления в педагогической психологии (Д.В. Чернилевский, А.В. Морозов) и др.

На самом деле, ТРИЗ не занимается ни развитием интеллекта, ни развитием креативности. «Триз умеет этому обучить. Она, – пишет А.А. Нестеренко, – обучает деятельности, продукты которой свидетельствуют о наличии у человека высокого интеллекта и развитой креативности» [6, с. 42].

ТРИЗ – новая, более прогрессивная, принципиально другая технология достижения результата. Главное отличие ее в том, что при рутинном мышлении всегда находится компромисс. *Конструктор* ищет оптимально-компромиссное решение в каждом конкретном случае. Однако, пытаясь обычным (уже известным) способом повысить идеальность технической системы, он улучшает один показатель (например, уменьшает вес транспортного средства), но ухудшаются другие показатели: тут же снижается его прочность и грузоподъемность. Сведение к минимуму ухудшений не всегда достигает наилучших результатов. *Изобретатель* должен сломать компромисс – т. е. улучшить один показатель, не ухудшая других.

Разрешение этой задачи полностью или частично составляет суть изобретений: надо сделать так, чтобы улучшение не сопровождалось ухудшением. В изобретательском мышлении – в глубине проблемы всегда лежит *противоречие.* Оно не только выявляется, но и помогает найти решение, в котором имеются только положительные стороны. Любые противоречия констатируют лишь сам факт возникновения проблемной ситуации: нужно что-то сделать, а как сделать – неизвестно. Противоречий вокруг нас великое множество. Например: яд змеи может убить человека, а лекарство на его основе – вылечить.

Противоречие – важнейшее понятие науки о закономерностях развития любых систем: от простого зерна до человеческого общества. С понятия «противоречие» начинается диалектика. Греческий философ Сократ именно так назвал искусство вести беседу, спор, направленный на выявление истины путем «противооборота», борьбы противоположных мнений. Решить сложную проблему – значит разрешить противоречие.

Выявление и разрешение противоречий – один из базовых элементов ТРИЗ, основанный на хорошо разработанной технологии. Овладев ею, человек понимает, что противоречия – не страшны. Он перестает их бояться, легко выявляет и разрешает любые сложные ситуации в личной жизни, бизнесе, отношениях с людьми, в том числе близкими, и т. п. Это приводит к тому, что через некоторое время он начинает целенаправленно искать противоречия и получать от этого удовольствие, сравнимое с тем, что получает от удовлетворения основных инстинктов. Но человек по-прежнему сторонится противоречий, сознательно уходит от их решения.

Механизм возникновения противоречий и способы их разрешения практически универсальны. Они мало зависят от того, в какой области это противоречие возникло. Если существуют противоречия, то значит должны быть и приемы для их устранения, так решил изобретатель. Знание этих приемов необходимо каждому грамотному человеку.

Предложенные Г. Альтшуллером приемы устранения противоречий открыли принципиально новое направление в методологии изобретательского творчества. Ученый не только доказал, что при бесконечном многообразии изобретательских задач число противоречий сравнительно невелико, принципы, в соответствии с которыми они разрешаются, – общие для всех, но и назвал несколько способов их разрешения:

1. По времени.
2. В пространстве.
3. Совмещение двух физических систем.
4. Применение физических эффектов и явлений [4, с. 32].

Как своеобразный фонд, прошедший естественный отбор и проверенный временем мыслей, рассматриваются даже пословицы. Кроме подтверждения универсальности «тризовских» идей, они могут использоваться и как методический материал.

Вот некоторые из 40 принципов устранения технических противоречий:

1**. Принцип дробления:**

а) разделить объект на независимые части;

б) выполнить объект разборным;

в) увеличить степень дробления объекта.

ПРИМЕР: *в технике* – гусеницы трактора, поезд, эскалатор и др;

в пословицах – разложить по полочкам; думай медленно, работай быстро.

2. Принцип объединения:

а) соединить однородные или предназначенные для смежных операций объекты;

б) объединить по времени однородные или смежные операции.

ПРИМЕР: *в технике* – диван-кровать, современный телефон, амфибия и др.);

в пословицах – копейка рубль бережет; вместе тесно, а врозь тошно.

3. Принцип вынесения:

а) отделить от объекта «мешающую» часть или свойство, или наоборот, выделить единственную необходимую часть.

ПРИМЕР: *в технике* – предохранитель, вратарь в команде и др.;

в пословицах – во всем стрелочник виноват; слепой на все чужими глазами смотрит и др.

Необходимо отметить, что все приемы сформулированы в общем виде и при решении задачи требуют учета ее индивидуальных особенностей. Некоторые из них вполне объяснимы, являются частью человеческого опыта. Одни – выражают суть принципа, показывают варианты механизмов его реализации, иногда это просто мысль или шутка; другие, иллюстрируя варианты его применения в той или иной ситуации, представляют результат использования или, наоборот, игнорирования.

Между тем, вышеуказанные приемы, как говорил сам автор теории «лишь направляют мысль по наиболее короткому, перспективному пути: это своего рода справочник изобретателя. Они не являются полной гарантией решения проблемы и никогда не заменят авторского мышления» [4, с. 34].

Сегодня ТРИЗ с успехом применяется и в нетехнических областях деятельности: научных, художественных, образовательных и т. д.

Творческие задачи с точки зрения ТРИЗ в изобразительном искусстве рассматривал Р. Флореску (Молдова).

Примером может служить выполнение в 1642 г. художником **Рембрандтом ван Рейном** престижного заказа на групповой портрет членов амстердамской корпорации стрелков. В XVII в. существовал жесткий стандарт на групповые портреты – портретируемые изображались в одну или несколько шеренг параллельно картинной плоскости. Художник должен был обеспечить максимальное портретное сходство, а расположение фигур – соответствовать положению персонажа в иерархической структуре группы. Рембрандту не хотелось писать в стандартной манере, но он остро нуждался в деньгах. Как быть?

Художественное противоречие (ХП): на картине должны быть изображены все члены корпорации стрелков так, чтобы каждый был узнаваем, и не должно присутствовать стандартной статической схемы.

Прием разрешения (ПР): разделение свойств между системой и подсистемой.

Решение (Р): Рембрандт изобразил всех стрелков, возвращающихся ночью после пирушки в виде свободной группы (собственное желание отхода от фронтальной композиции), в центре которой находились главные герои – капитан Франс Кок и лейтенант Рейтенбург (в соответствии с положением в корпорации), и каждый персонаж имел портретное сходство с реальным человеком (выполнение требования группового портрета). Так был создан шедевр, который носит название «Ночной дозор». Следует отметить, что стрелки не были удовлетворены картиной, но деньги все-таки заплатили.

Карл Брюллов, работая над картиной «Последний день Помпеи» тоже столкнулся с проблемой: господствующий художественный стиль – классицизм – требовал изображать персонажи прекрасными и гармоничными, а сюжет призывал к рассказу о трагедии гибнущих людей.

ХП: лица и позы персонажей должны быть гармоничными и красивыми, чтобы не нарушать требования художественного стиля, и одновременно, в соответствии с сюжетом картины, искаженными страхом и отчаянием.

ПР: разделение противоречивых свойств между элементами системы.

Р: лица и тела людей изображены согласно требованиям стиля – их идеальные пропорции подчеркнуто красивы, а ужас разрушения и неминуемой смерти показывают падающие здания и статуи, которые в следующий момент должны раздавить людей.

Подобные варианты можно найти в творчестве многих знаменитых художников: В. Серова, А. Дейнека, В. Ван-Гога, А. Матисса и др.

Из представленных выше примеров очевидно, что в любой задаче, даже нетехнической, разрешение противоречий проводится аналогично. Таким образом, превращение неясной ситуации в противоречие, затем решение этого противоречия одним из способов – является основой для создания изобретения в любой отрасли жизни.

Если все известные средства и знания оказываются недостаточными, приходится идти на изменение характеристик объекта *(системы),* возможно, его *подсистемы* (частей, его составляющих) и *надсистемы* (частью чего он является). Когда создаются предпосылки для перехода на качественно новую ступень развития или появляется потребность в улучшении конкретной технической системы, возникает изобретательская задача.

До 1970-х гг. обучение ТРИЗ велось преимущественно на экспериментальных семинарах. Позже оно сосредоточилось в постоянно действующих учебных центрах, народных университетах, институтах повышения квалификации и школах изобретательского творчества, многие из которых в те годы имели комплекты плакатов, наглядные пособия по основным темам курсов. Были разработаны целые серии учебных программ (от коротких, ознакомительных, до углубленных), пособия для слушателей и учебно-методические разработки для преподавателей.

Обращала на себя внимание необычная атмосфера таких занятий. Каждое из них – праздник. Достигалось это прежде всего оригинальной формой подачи задач: «Нужно придумать…». Процесс их решения, а в нем принимали участие все желающие, воспринимался как *увлекательное интеллектуальное приключение*, так как в программу были заложены неожиданные переходы: «Давайте оставим задачу о перевозке шлака и, используя принципы ТРИЗ, построим сюжет новой сказки». Методика позволяла заниматься без утомления по 6–8 часов в день.

Акценты целей по Г.С. Альтшуллеру:

1. Обучить творческой деятельности.

2. Познакомить с приемами творческого воображения.

3. Научить решать изобретательские задачи.

Все нововведения в ТРИЗ прошли проверку и корректировку на историко-технических материалах. По ходу практического применения теории, прежде всего, при обучении решению творческих задач, аппарат теории постоянно проверялся, корректировался и совершенствовался. В этом смысле ТРИЗ можно считать обобщением творческого опыта изобретателей: слабые стороны их изобретений критически изучались, сильные решения отбирались и исследовались. Анализ письменных работ позволял объективно определить причины ошибок в работе с данной методикой: совершены ли они по вине преподавателя, слушателя или имеет место сбой в работе того или иного инструмента.

В 1974 г. на страницах «Пионерской правды» был начат уникальный в мировой практике эксперимент, где участвовали школьники сначала 8–10-х, потом 5–7-х классов. За многие годы эксперимента удалось наработать интересные организационные формы привлечения учащихся, найти приемы их занимательной подачи, разобраться в типичных ошибках и научиться неназойливо давать фрагменты теории. Многие ребята, годами участвовавшие в решении задач, продолжали присылать письма уже будучи студентами. За двенадцать лет опубликовано 53 выпуска, получено около 500 откликов. В дальнейшем по каждому выпуску приходило уже не менее 6–8 тысяч писем, были «обкатаны» около двухсот задач, получено свыше 700 тысяч записей разных решений. Описание эксперимента нашло место в книге автора ТРИЗ «И тут появился изобретатель» [1].

Дети очень просто справлялись со сложными задачами, и это казалось чудом: они точно указывали на технические противоречия, обоснованно использовали приемы их устранения и четко формулировали конечный результат. Вот одна из таких задач: *«Указатель уровня бензина в баке автомобиля неисправен. Как сделать, чтобы водитель знал, что бензина мало и надо заехать на заправку?*

С этой задачей на семинарах, предлагая всевозможные измерительные приборы – хитроумные, с современной электроникой, сложные и дорогие, долго мучались даже инженеры. Дети шли к ответу напрямик: «Идеально, если бензобак сам закричит об этом». Но у него нет языка. Значит «язык» надо придумать: какой-то предмет – шарик, например, который плавает по поверхности

бензина. Когда бензин заканчивается, предмет от тряски начинает стучать о дно бака, как колокольчик… Интересное решение: дешевое и абсолютно надежное.

Для детей вообще характерна тяга к простым и остроумным решениям. Взрослый, незнакомый с этой теорией, воспринимает такие задачи как нетипичные, сложные. Следует подчеркнуть, что нестандартные задачи стандартны только с позиции ТРИЗ, здесь важен инструментарий.

На основе своих экспериментов, где сделано неожиданно смелое открытие: творческую фантазию гасят взрослые, увы, гасят успешно, и уже к 9–10-му классу фантазия оттесняется на задворки мышления, А.В. Зусман и Б.Л. Злотин написали книгу «Изобретатель пришел на урок» [3].

Да, ТРИЗ, безусловно – инструмент сильный. Он для тонких, дерзких, высокоорганизованных мысленных операций, но решение одной задачи существенно не изменит стиля мышления: на занятиях должны решаться десятки, сотни задач, и тогда оно будет постепенно перестраиваться. Этому способствует специальный курс РТВ (развитие творческого воображения), входящий в программы обучения ТРИЗ.

Следует заметить – работает не сам по себе инструмент, работает система: «человек-инструмент». Многое зависит от наличия соответствующей подготовки личности, ее творческих качеств. Г. Альтшуллер в своей теории выделяет *шесть основных качеств, необходимых современному изобретателю:*

1. Достойная цель.

2. Комплекс реальных рабочих планов достижения цели и регулярный контроль за выполнением этих планов.

3. Высокая работоспособность в выполнении намеченных планов.

4. Хорошая техника решения задач.

5. Способность отстаивать свои идеи.

6. *Результативность.*

Эти шесть качеств образуют систему: нельзя добиться высоких показателей по какому-то одному пункту, если на нуле все остальные. Поэтому в программе ТРИЗ значительное место отводится комплексному развитию качеств, необходимых для эффективного применения теории.

Если есть перечисленные качества, считает автор, должны быть частично положительные результаты уже на пути к цели. Отсутствие таких результатов – тревожный симптом. Нужно проверить, правильно ли была выбрана цель, нет ли серьезных просчетов в планировании [5, с. 8].

Преподавание ТРИЗ в России проводится уже более 30 лет. Опыт кружковых занятий показал, что дети с большим интересом посещают занятия, активно участвуют в работе группы, практически все самостоятельно выполняют домашние задания. Школьники быстро понимают необходимость изучения отдельных предметов, видят их взаимосвязь. У них появляется мотивация получения дополнительных знаний для нахождения и обработки необходимой информации, существенно расширился кругозор.

Но в технических вузах по-прежнему тысячи учебных часов отведены решению логических задач, и ни одного часа – решению задач «на фантазию» или «изобретательство». Как результат: на производстве молодой специалист не справляется с простыми текущими проблемами, его, как ребенка, начинают учить ТРИЗ: «Сформулируй, пожалуйста, идеальный конечный результат, и ничего не бойся необычного…».

Интересный эксперимент провела А. Нестеренко. Известный педагог-новатор, чьи работы по педагогике творчества многие годы «ходили» по издательствам, переписывались родителями и учителями «от руки», с успехом обучала детей 4–5 лет сочинению загадок, а школьников – химии, физике, биологии, природоведению, географии, литературе и др. [6, с. 72].

В настоящее время в России разработаны отдельные программы для детей различных возрастов – школьного (Г. Альтов, И. Викентьев, Б. Злотин, В. Ефремов, Г. Иванов, А. Котова и др.), дошкольного (Н. Ардашова, И. Мурашковская, А. Нестеренко, Т. Сидорчук, М. Шустерман и др.).

Теория развивается и проникает в другие области знания: музыку, искусство, литературу, журналистику, рекламу, менеджмент и предвыборную борьбу. В Интернете имеется более 500 ссылок на слово ТРИЗ. Созданы международная, европейская и региональные ассоциации ТРИЗ. В США работает Институт Альтшуллера, проводятся разного уровня конференции.

Библиографический список

1. Альтов Г.С. И тут появился изобретатель / Худож. Н. Дронова. – 3-е изд., перераб., доп. – М. : Дет. лит-ра.,1989. – 142 с.

2. Звенигородская Г.П. Практика рефлексивного образования: смысловой эффект. – Хабаровск : Изд-во ГОУ ВПО ХГПУ, 2003. – 133 с.

3. Злотин Б.Л Изобретатель пришел на урок / Б.Л. Злотин, А.В. Зусман. – Кишинев : Лумина, 1989. – 255 с.

4. Вульфсон С.И. Уроки профессионального творчества : учеб. пособие для студ. сред. спец. учеб. заведений. – М. : Издательский центр «Академия», 1999. – 160 с.

5. Меерович М.И. Теории решения изобретательских задач / М.И. Меерович, Л.И. Шрагина. – Минск : Харвест, 2003. – 428 с. – (Библиотека практической психологии).

6. Новые ценности образования // ТРИЗ-педагогика. – 2003. – Вып. 1 (12).

7. Чернилевский Д.Б. Креативная педагогика и психология / Д.Б. Чернилевский, А.В. Морозов. – М., 2001. – 301 с.

R

УДК 14.09

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ИННОКЕНТИЯ (ВЕНИАМИНОВА) КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

В.А. Тукиш

Образ жизни общества и каждого человека обусловливают социально-экономические, культурные и природные условия в которых он живет. Судьба Иннокентия (Вениаминова), в миру Ивана Евсеевича Попова (1797–1879), является ярким свидетельством того, что в XIX в. уроженцы Азиатской России начинают играть заметную роль в истории Отечества. Особенности социокультурной ситуации, в которой прошли его детство, отрочество и юность, несомненно, нашли свое отражение в становлении личности будущего святителя и оказали непосредственное влияние на формирование целеустремленного характера и, в целом, его мировоззрения, стали судьбоносными факторами будущего его миссионерско-просветительского и митрополичьего служения. Деятельность великого русского православного миссионера, просветителя народов Америки, Якутии, Дальнего и Крайнего Северо-Востока России, выдающегося ученого святителя Иннокентия, митрополита Московского, родившегося на рубеже двух столетий, в конце XVIII в. и прожившего практически до конца XIX в., проходила на переломе общественно-политической атмосферы в России. XVIII столетие значительно отличалось от XIX не только в сфере государственной политики, но и в сфере церковной деятельности. Состояние образования и науки в эти две эпохи составляли видимый контраст. Политика Петра I, направленная на сохранение политической независимости, укрепление обороноспособности страны, повышение темпов социально-экономического развития в России, предполагала внедрение научно-технических идей, накопленных к этому времени в Европе. В XVIII в. глобальные изменения происходили не только в науке, культуре, медицине, армии, но и в отечественном образовании в целом. Одной из главных задач Петра I было введение в России европейского просвещения. Это вызвало небывалый приток иностранных специалистов, европейских образовательных идей, произведений литературы, музыки, искусства, резко диссонирующих с нравами и обычаями русского народа. Первый русский академик, М. В. Ломоносов (1711–1765), в лице которого идеальным образом сочетались качества ученого и педагога, считавший столпом национального просвещения русский язык, «вспоминал, что в сороковые годы (XVIII в.) в Академии наук и гимназии при ней, невозможно было услышать русский язык» [1, с. 49]. Духовное образование начинает отделяться от светского и оформляться в самостоятельную систему. В этот период начинается религиозно-нравственный раскол между высшим слоем общества и простым народом, который традиционно

хранил верность заветам своих предков. Народные быт и набожность, религиозно-нравственные идеалы народа остались почти незатронутыми петровской ломкой России, но стиль жизни, нравы и взгляды дворянской верхушки, поступившей по воле царя в ученичество к иностранцам, стремительно менялись [6, с. 47]. Немалое влияние на русскую культуру и образование оказали реформы церковного управления. С упразднением патриаршества и созданием Священного синода (1721) сама структура нового органа была призвана обеспечить контроль государства и тем самым поставить Русскую Православную Церковь на службу государственной власти. По мысли А.А. Игнатова, первыми, кто осознал опасность усвоения европейской культуры и «реформирования» российского образования, ведшего к разрушению отечественных традиций, оказались представители религиозной общественности. Церковь предлагала пути развития страны, основанные на отечественных традициях. Так, выпускник Киево-Могилянской академии, проповедник, создатель первой духовной школы в Ростове, в которой учились дети всех сословий, святитель Дмитрий, митрополит Ростовский (1651–1709), в миру Даниил Савич Туптало, открыто выступал против мощного влияния Запада. Он, не соглашаясь с политикой европеизации России, показал, какой вред наносится отечественному образованию, обличая в своих проповедях нововведения государя. Вопреки этому процессу, неоценимую роль в развитии педагогической мысли в этот период сыграл видный церковный и общественный деятель, ученый-богослов и педагог святитель Тихон Задонский (1724–1783), бывший епископом Новгородским, а затем Воронежским. Совершенно особое место в духовной литературе эпохи XVIII в. занимали его творения, многократно переиздаваемые в XVIII–XX вв. и ставшие основой православной педагогики, не потерявшей своей актуальности в XXI в. Труды святителя Тихона Задонского, выразившего святоотеческую традицию во время увлечения инославными влияниями, являются образцом православной педагогической мудрости. По-настоящему XIX в., который ознаменован трудами святителя Иннокентия (Вениаминова), характеризуется развитием государственного характера образования в России, в основу которого были положены принципы бессословности учебных заведений, бесплатности обучения на низших его ступенях, преемственности учебных программ и обеспечения единого образовательного пространства в России. Структура образовательной сети включала в себя четыре вида училищ: одноклассные приходские, уездные с трехклассным обучением, губернские гимназии и университеты. Постановка семинарского образования в то время была повсеместно похожей: это была школа суровых нравственных испытаний, которые порой отличались жестокостью, но при этом закаляли ум и сердце будущих учителей и пастырей церкви, не давая места расслабленности, распущенности и вседозволенности. Следует заметить, что в данный период времени юный Иван Попов уже являлся учеником Иркутской духовной семинарии, где проявил блестящие способности в усвоении глубоких основ богословия, риторики, филологии, позволившие ему позднее достичь выдающихся успехов в просветительской деятельности.

Идея о необходимости реформы духовной школы, отделения высшего богословского образования от среднего и низшего, принадлежала префекту петербургской Александро-Невской академии, викарию петербургской митрополии, архимандриту Евгению (Болховитинову). Членами «комитета о усовершении духовных училищ» были назначены как светские, так и духовные лица – митрополит Петербургский Амвросий (Подобедов), стоявший во главе церковного управления, калужский епископ Феофилакт (Русанов), обер-священник войскового духовенства Иоанн Державин, царский духовник протопресвитер Сергий Краснопевков, обер-прокурор синода князь А.И. Голицын и статс-секретарь М.М. Сперанский. Учебные заведения духовного ведомства имели четырехступенчатую иерархию: академии для получения высшего богословского образования, семинарии со средним курсом, уездные училища для низшего сословия и приходские училища, которые служили для получения элементарного образования. В таком виде духовно-учебные заведения функционировали до 1867 г. Одним из основных реформаторов духовного просвещения в России был митрополит Московский (в миру Василий Михайлович Дроздов) (1782–1867), сыгравший огромную роль в становлении лич-

ности и деятельности Иннокентия (Вениаминова), служивший на московской кафедре почти 46 лет. Их первая встреча, состоявшаяся в Москве в 1839 г., и не прерывавшаяся в течение 26 лет переписка, позволяют раскрыть всю картину церковно-государственной деятельности святителя Иннокентия (Вениаминова).

Девятнадцатый век в России характеризуется формированием русского педагогического сознания. В этой связи, прежде всего, следует назвать имя великого русского педагога К.Д. Ушинского (1824–1870), который полагал, что «дело народного воспитания должно быть освящено церковью, а школа должна быть преддверием Церкви» [7, с. 6]. Он также много времени и сил отдавал борьбе с засильем иностранной педагогики в России. Константин Дмитриевич показал, что, во-первых, «общей системы народного воспитания для всех народов не существует не только на практике, но и в теории…»; во-вторых, у «каждого народа своя особенная национальная система воспитания, а потому заимствование одним народом у другого воспитательных систем является невозможным» [5, с. 165]. Этот период неслучайно именуется «золотым веком» русской классической культуры. В это время жили и творили великие русские писатели и поэты А.С. Грибоедов, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, Н.В. Гоголь, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов и другие; художники и композиторы К.И. Брюллов, А.И. Иванов, М.И. Глинка, М.П. Мусоргский и другие; видные государственные и общественные деятели – А.Н. Муравьев, Н.Н. Муравьев -Амурский, Ф.П. Литке, Ф.П. Врангель; святители Русской Православной Церкви Филарет (Дроздов) и Макарий (Невский) – митрополиты Московские, Иннокентий (Херсонский), Феофан Затворник (Вышенский), преподобные Серафим Саровский и Иоанн Кронштадский, Игнатий Брянчанинов святитель Кавказский и многие другие. Святитель Иннокентий (Вениаминов) также входил в плеяду замечательных личностей России XIX в.

Большое историческое значение для эпохи XIX столетия имело восстание на Сенатской площади (1825 г.), которое вошло в историю как восстание декабристов, предлагавших отменить крепостное право и изменить систему управления страной. Священник Иоанн Вениаминов не поддерживал восстания декабристов и именно об этом писал в одном из своих писем к другу – мореплавателю и исследователю К.Т. Хлебникову в 1827 г.: «Вы пишете о печальных событиях в России с сожалением и удивлением. Конечно, стоит сожаления и удивления таковой переворот, а может быть еще и не кончившийся, дай Боже, чтобы все утихло. О вы, великие и просвещенные умы! Какой стыд, какой срам навлекли на нашу Россию! Что теперь скажут иностранцы? Ах! Вообразить горестно и стыдно – революция в России. Ах, какое пятно, ведь если и напишут так, что сделаешь? Все сие служит доказательством, что человек и самый преосвященный – «ложь», по слову Давида. И что истинное просвещение состоит в образовании сердца – при необходимых сведениях!» [3, с. 21].

На социально-психологическую атмосферу российского общества оказывали свое значительное влияние постоянные войны: в частности – крымская война 1853–1856 гг., докатившаяся до восточных рубежей России, когда англо-французская эскадра бомбардировала Петропавловск-Камчатский. 27 июня 1855 г. англичане заняли Аян, в котором в это время находился архиепископ Иннокентий (Вениаминов), продолжавший вести церковные службы. Он был арестован прямо во время богослужения в церкви и какое-то время содержался под стражей. Однако ему удалось убедить своих тюремщиков отпустить не только его и других арестованных, которыми были мирные жители Аяна. После освобождения святитель Иннокентий (Вениаминов) принял группу морских офицеров, произведя на них сильное впечатление своими аристократическими манерами общения. Возможно, благодаря заступничеству архиепископа англичане не разрушили Аян.

Учитывая, что большая часть жизни святителя прошла на Северо-Востоке России, необходимо охарактеризовать особенности территории края, в условиях которого осуществлялась деятельность представителей Русской Православной Церкви. Присоединением Сибири к русскому государству начинается подлинное превращение Руси в Великую Россию. Практически все исследователи Сибири (Н.Н. Болховитинов, М.И. Белов, Е.В. Воробьева, В.М. Головнин, Н.В. Карташева и др.) отмечали быстроту продвижения русских на восток через Урал. Движущими

силами этого процесса были поморы, казаки и их приказчики, не знавшие крепостного права и устремившиеся в конце XVI в. на новые земли, гонимые крепостным правом, доведенные до обнищания холопы и крестьяне, бежавшие в Сибирь, на Дальний Восток, в Северную Америку. Государство вслед за первопроходцами отправляло казенных ремесленников, переводило «пашенных крестьян». В Сибирь ссылались всякого рода преступники и иноземцы из числа военнопленных. Вместе с тем, декабристы и политические ссыльные эпохи несли с собой не столько бунтарское настроение, сколько высокий уровень отечественной культуры. Пришедшие в Сибирь русские люди не могли жить без храмов, церковных служб и христианских обрядов, именно поэтому, в крупных зимовьях стали возводиться православные кресты, во всех острогах строиться церкви, а в городах, помимо храмов – монастыри. В территорию Сибирской епархии к началу XVIII в. входило около 200 церквей и 37 монастырей [2, с. 6–19]. Таким образом, Русская Православная Церковь пришла в этот уникальный край вслед за отрядами русских землепроходцев. Церкви были единственными источниками духовного просвещения людей в этом суровом, еще необжитом мире. Значимость подвигов первых священников существенно возрастает вдали от центров государственного и церковного управления. Они не только поднимали дух благочестия и любви к Богу и человеку в сердцах людей, но и учили элементарной грамоте, а также сами учились. В то же время они являлись проводниками христианской культуры, устроителями приходской и монастырской жизни. К началу XIX столетия вся Восточная Сибирь представляла собой единую губернию с центром в Иркутске, и лишь американские владения России по всему тихоокеанскому побережью Северной Америки, от Аляски до Калифорнии, имели свою администрацию в лице Российско-Американской компании. Эти земли стали называться Русской Америкой, и по праву их открытия принадлежали России. В своем труде «Записки об островах Уналашкинского отдела» (1840 г.) священник Иоанн Вениаминов писал, что Америка населена, при всей их малочисленности, разноплеменными и разноязычными народами, такими, как: колоши – 5000 человек (обитающие на островах и отчасти на материке Америки, в восточных владениях России); угаленцы – 150 (живущие близ горы св. Илии); медновцы, или атнахтяне – 300 (живущие по медной реке); кольчане – число их неизвестно (живущие внутри материка близ наших границ); чугачи – 471 (живущие в заливе того же названия); кенайцы – 1628 (обитающие по берегам Кенайского залива); обитатели южной стороны Аляски – 1600; аглегмюты – 402 (на северной стороне Аляски); кодьякцы, или коняги – 1508 (живущие на острове Кадьяке); уналашкинцы, или алеуты – 1497 (обитающие на Лисьих островах и отчасти на Аляске); атхинцы, или Атхинские алеуты – 750 (живущие на Андреяновских островах); кускоквимцы – 7000 (живущие по реке Кускоквиму, впадающей в Берингова моря); квихпакцы, киятенцы, малегмюты и пр. народы – число их не менее выше перечисленных; россияне – 706 (живущие по разным колониям); креолы – 1295 (т. е. дети русских, рожденные от американок, которые должны составлять первое основание граждан собственно американских). Общее число народонаселения Русской Америки составляло… до 40 000 тысяч [4, с. 4–6]. Все указанное сказывалось на миссионерско-просветительской деятельности Русской Православной Церкви в крае. Эта деятельность должна была учитывать особенности региона, но мало кто понимал, как это делать. Сложная этническая ситуация, образ жизни автохтонного (коренного) населения диктовали необходимость поиска методов, позволяющих действенно осуществлять и образовательную деятельность.

Знакомство с духовным наследием святителя Иннокентия (Вениаминова) представляет его как великого русского гражданина, душа которого отзывалась на все, что происходило в родном отечестве. Научно-исследовательские работы, педагогические сочинения и пастырские наставления, составившие творения будущего святителя, являются самыми убедительными и яркими свидетельствами его жизни и деятельности. Впервые русский читатель, еще при его жизни, познакомился с научными исследованиями священника-миссионера через публикации его записок в московском журнале «Сын Отечества» (1838), в Журнале Министерства внутренних дел (1839–1840), а также через «Записки об Атхинских алеутах и колошах», вышедшие отдельным изданием в 1840 г.

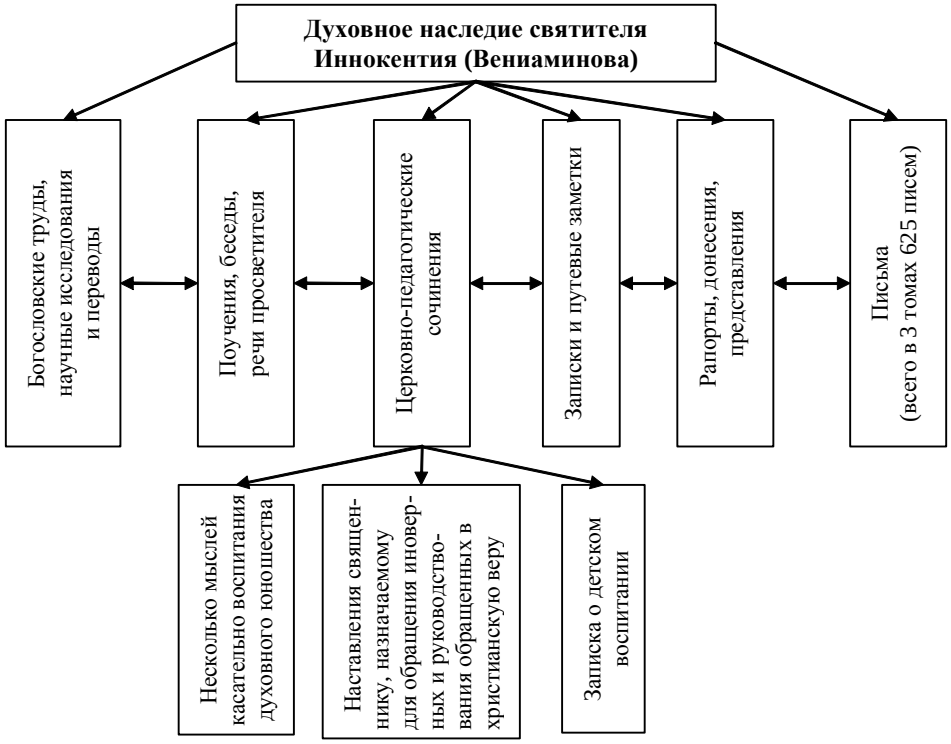
О трудах просветителя алеутов в России в XIX в. стало широко известно благодаря опубликованной переписке между Иннокентием (Вениаминовым) и митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым). Тринадцать писем (в сокращении) были помещены в книге «Памятник трудов православных благовестников русских с 1793 по 1853 г.» (М., 1857, с. 243–296), а также публикациям других авторов (М. Азадовский, П.Н. Воейков, П. Громов, Д.И. Завалишин, В.В. Крылов, И. Минаев, Е. Сысоева, Е. Тур, М.В. Толстой, В. Фиалкин).

Большая заслуга в сборе материалов и сохранении литературного наследия святителя Иннокентия (Вениаминова) принадлежит русскому историку, археографу и первому биографу Ивану Платоновичу Барсукову (1841–1906). Им были собраны и изданы «Творения Иннокентия, митрополита Московского» в трех томах и «Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского», также в трех книгах. Исключительную важность для изучения трудов святителя имеет изданная И.П. Барсуковым книга «Иннокентий митрополит Московский и Коломенский, по его сочинениям, письмам и рассказам современников». В среде духовенства литературное наследие святителя Иннокентия (Вениаминова) получило высокую оценку и использовалось многими священнослужителями как настольная книга и руководство в проповеди. Изданные труды подтверждают особую актуальность изучения его деятельности и имеющегося наследия в наши дни.

Его миссионерская, научно-исследовательская деятельность интересовала и зарубежных авторов. Так, еще в 1877 г. в Лондоне была издана работа К. Хейля «Innocent of Moscow the Apostle of Kamchatka and Alaska» [8, с. 6].

Трудность исследования творений святителя Иннокентия (Вениаминова) заключается, прежде всего, в том, что большинство перечисленных работ составляют библиографическую редкость. Материалы периода жизни и деятельности на Аляске (1823–1852) хранятся в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне и на сегодняшний день российским исследователям практически недоступны [8, с. 7]. Исследователи жизни и творчества Иннокентия (Вениаминова) В.В. Аржанухин, Н.Н. Болховитинов, Ван-Стоун Дж. Освальд У, И.А. Курляндский, Б.И. Пивоваров, Е.К. Скурат, И.Г. Стрюченко, Л.Е. Фетисова, свящ. С. Широков, Т.С. Шульгина, О.Д. Якимов и др., до настоящего времени находят неопубликованные документы, письма святителя.

Духовное наследие святителя Иннокентия (Вениаминова) включает в себя множество работ, разнообразных по тематике и объему (см. схему).



Важным событием социокультурной обстановки России XIX в. является установление дипломатических отношений с Соединенными Штатами Америки. Интересы России в Северной Америке постепенно входили в противоречие с интересами растущих и набирающих силу США. Представляют интерес мысли святителя Иннокентия о договоре 18 марта 1867 г. по поводу продажи Россией Аляски Соединенным Штатам Америки. Святителя глубоко волновала судьба устроенной там православной паствы. «Мне кажется, стоит только викариатство из Ново-Архангельска перенести в Франциско, где хлопочут о построении Православной церкви. Викарием назначить человека, знающего английский язык, свиту его составить также из лиц знающих по-английски, и дозволить ему и всем священникам православным, находящимся в Америке, отправлять литургию и другие службы на английском языке и проч.

И я уверен, что очень скоро наша Православная церковь в Америке будет иметь своих чад и из американских подданных; и тогда можно будет заменить наших колониальных священников русских американскими. Туземцы, особенно не знающие русского языка, даже не узнают, что они перешли к американцам…» [1].

Анализ литературы позволяет сделать вывод о том, что в эпоху великих реформ святитель был в курсе всех общественно-политических проблем России. Потеря российских владений на Аляске стала началом служения Иннокентия (Вениаминова) митрополитом Московским и Коломенским, которое приобрело общероссийское и общецерковное значение. Именно это и дает возможность говорить об актуальности идей и положений наследия святителя Иннокентия (Вениаминова) для настоящего времени, когда состояние российского образования и воспитания во многом соответствует социокультурной обстановке, сложившейся в XIX в.

[1] Письмо архиепископа Камчатского Иннокентия митрополиту Московскому и Коломенскому Филарету // Американский Ежегодник. – М., 1997. – С. 220–221.

Библиографический список

1. Беленчук Л.Н. История отечественной педагогики. – М. : Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2005. – 182 с.
2. Белобородько В.Л. Архив Русской церкви на Аляске в Библиотеке Конгресса США // Вопросы истории. – М., 1969. – № 8. – С. 34–38.
3. Курляндский И.А. Святитель Иннокентий (Вениаминов) как церковно-общественный мыслитель // Миссионерское обозрение – М., – 1997. – № 8. – С. 6–10.
4. Русская Америка 1799–1867 : материалы междунар. конф. «К 200-летию образования Российско-Американской компании 1799–1999» (Москва, 6–10 сентября 1999 г.) / отв. ред. академик Н.Н. Болховитинов. – М. : Изд. отдела полиграфии ИВИ РАН, 1999. – 292 с.
5. Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения. В 3 т. Т. 1. О народности в общественном воспитании. – М. : Педагогика, 1953. – 190 с.
6. Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви: (Синодальный период. Новейший период). – М. : Учеб. ком. РПЦ, Московская духовная академия, 2004. – 840 с.
7. Широков Сергий, свящ. Валаамский Монастырь и Американская православная миссия. (История и духовные связи) – М. : Храм Святой Троицы у Покровских ворот, 1996. – 174 с.
8. Шишигин Е.С. Иннокентий (Вениаминов) – просветитель Аляски и Якутии (к 200-летию со дня рождения) // Полярная звезда. Литературно-художественный и общественно-политический журнал. – Якутск, 1996. – № 2. – С. 3–31.

R

ЛИНГВИСТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-193.3

СОНЕТ КАК ЖАНР: НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Н.В. Вороневская

Сонет как особый жанр поэзии издавна привлекает внимание не только поэтов, но и исследователей: литературоведов, филологов, критиков и философов. Отечественная сонетология выработала устойчивые традиции в изучении жанрообразующих признаков сонета и его содержательных возможностей. В разные годы вопросы эволюции сонета и его развития в мировой литературе рассматривались в работах таких отечественных ученых, писателей и поэтов, как В.К. Тредиаковского, В.Я. Брюсова, Б.В. Томашевского, В.М. Жирмунского, Л.П. Гроссмана, И. Сельвинского, К.С. Герасимова, М.Л. Гаспарова и др.

В XX в. вопросам теоретического осмысления эволюции сонета была посвящена работа Л.П. Гроссмана «Поэтика русского сонета» в его книге «Борьба за стиль». О возникновении сонета в лирической поэзии писал М.Л. Гаспаров, и основные идеи этого исследования включены в «Краткую литературную энциклопедию». Содержательные возможности и закономерности развития жанровой формы сонета изучали К.С. Герасимов, О.И. Федотов, А.Н. Горбунов и др. Современные исследования отечественных теоретиков сонета посвящены, в частности, проблемам перевода английских сонетов на русский язык (Е.А. Первушина), изучению национальных особенностей сонетов в мировых литературах (Т.Н. Андреюшкина), комплексному анализу природы сонета и его организации (А.В. Останкович) и многим другим вопросам.

На протяжении многовековой истории развития сонета о нем писали также и зарубежные исследователи, видные писатели, поэты и переводчики. За рубежом теоретическое осмысление жанра сонета получает широкое распространение уже в XVII в. Посвятив немало строк восхвалению сонета, Никола Буало-Депрео в трактате «Поэтическое искусство» теоретически закрепил практику сочинения сонетов, и его предписания стали нормой на долгое время. Среди работ более поздних зарубежных ученых следует выделить, прежде всего, труды видных немецких исследователей сонета – А.В. Шлегеля и И.-Р. Бехера, которые предприняли попытки осмыслить блистательное прошлое сонета и разработать его теорию. В статье «Философия сонета, или малое наставление по сонету» И.-Р. Бехер называет сонет «основной формой поэзии», в которой, по мнению поэта, «…с наибольшей четкостью выражен закон искусства, состоящий в том, чтобы самыми экономными средствами достигнуть наибольшего эффекта» [1, с. 418].

Кроме А.В. Шлегеля и И.-Р. Бехера, другими немецкоязычными исследователями жанра сонета, в целом, и его немецких, английских и итальянских образцов, в частности, являются Г.-Ю. Шюттер, Ф. Кемп, А. Бем, Ю.-У. Фехнер и др. В библиографию, приложенную к монографическому исследованию В. Менха, посвященную сонету, включено около пятисот имен.

Англоязычных исследователей, в первую очередь, интересуют вопросы истории и развития сонета как жанра в европейской литературе, а также проблемы его бытования в литературах Великобритании и США. Некоторые теоретические вопросы зарождения и развития сонета, изучения всевозможных модификаций сонетной формы в европейской и американской поэзии рассматриваются в работах таких авторов, как Е.Х. Уилкинза, Дж. Фуллера, У.Е. Йетса, М.Р. Спиллера и др.

Зарубежные и отечественные исследователи по-разному определяют сонет. Такие авторы, как У. Кайзер, Б. Матцковски, Х. Бирманн, называют сонет стихотворной формой; исследователь Е. Хермес – строфической формой. К. Маурер отмечает особое положение сонета в поэзии, «…его балансирование между метрической формой и жанром» (здесь и далее перевод наш. – *Н.В.*) (цит. по: [21, с. 8]). В отечественном стиховедении сонет именуется «твердой формой» [4, с. 224; 14, с. 153; 18, с. 148.]. Выдающийся русский сонетолог О. И. Федотов называет сонет жанрово-строфической формой [15, с. 323].

Общепринято считать, что сонет предположительно появился в Италии, точнее в Сицилии, в 30-е гг. XIII в. в так называемой сицилийской поэтической школе на переломе от средневековья к эпохе Возрождения. Первый сонет принадлежит перу Джакомо да Лантини (Giacomo de Lentini), поэта, нотариуса, жившего при дворе Фридриха II. Однако генезис сонета вызывает много споров. Возможно, сонет первоначально был отдельной строфой в провансальской лирике и входил составной частью в кансону трубадуров. По мнению А. Гаспари, «…сонет произошел из канцонной строфы троякого деления первоначально и был ни чем иным, как просто такой отдельной строфой, которую провансальцы обозначали наименованием coblas esparsas и применяли преимущественно для выражения моральных учений» [2, с. 56].

В настоящее время большинство ученых не разделяет «провансальскую» теорию происхождения сонета. В научной литературе сложились две основные точки зрения на его происхождение, каждая из которых, впрочем, имеет немало различающихся деталями вариантов. Согласно первой, сонет «…возник, вероятно, как упрощенная форма канцоны <…> из двух 4-стишных «шагов» восходящей части и 6-стишия нисходящей части. Первоначально рифмовка в нем была простая, как в «страмботто» <…>», т. е. в свойственном южно-итальянской народной песенной поэзии нанизывании чередующихся рифм: АБАБАБАБ + ВГВГВГ, потом она стала сложнее» [3, с. 151].

Вторая точка зрения на природу происхождения сонета была предложена британским исследователем Э.Г. Уилкинзом. Он обратил внимание на то, что сонетная октава у поэтов-«сицилийцев» полностью совпадает со страмботто – сицилийской народной песенкой (canzune): та же схема рифмовки и одиннадцатисложность. В то же время прихотливая конструкция сонетного секстета практически не имеет аналогов в предшествующей литературе. Ученый определил, что нет ничего похожего на сонетный секстет и в канцонах, созданных поэтами круга Фридриха II. По мнению Э.Г. Уилкинза, секстет впервые появился в осмысленном, оформленном виде именно в сицилийском сонете, а в качестве первичного материала Дж. да Лан-тини мог использовать как канцону, так и классическую арабскую поэзию, на Сицилии хорошо известную (подробнее об этом см.: [13, с. 10]).

В конце XIII и в XIV вв. в Италии определились все основные канонические правила написания сонета, а предположительно в 1332 г. падуанский юрист Антонио да Темпо в своем поэтическом трактате сформулировал эти правила. Позднее они неоднократно уточнялись, чаще всего ужесточались. Основными признаками, позволяющими отнести сонет к его классическому варианту, являются: а) стабильный объем (14 строк); б) четкое членение на четыре строфы: первая часть сонета состоит из двух катренов (четверостиший), вторая – из двух терцетов (трехстиший); в) постоянный размер, например, пятистопный или шестистопный ямб в русской и немецкой поэзии, пятистопный ямб – в английской поэзии, александрийский стих – во французском сонете; г) строгая повторяемость рифм и устойчивая система рифмовки (две равнозвучные рифмы: опоясанная или смежная – для катренов и для терцетов – две или (реже) три рифмы, отличающиеся от рифмы в катренах); д) регулярная смена мужских и женских рифм (в первую очередь – в катренах), которые должны быть звучными, звонкими; е) отсутствие в тексте двух одинаковых полнозначных слов, за исключением случая, когда того требует само построение стиха (анафора, параллелизм и т. п.) [8, с. 275–276].

Что касается внутренней структуры сонета, то в истории сонетного канона существуют, на наш взгляд, по крайней мере, три основные «схемы» его содержания: 1) сонет как диалог октавы и секстета, двух уравновешенных частей, восходящей и нисходящей. Эта теория основана на средневековых поэтиках. Ее придерживались Л.П. Гроссман и В.М. Жирмунский; 2) теория сонета как драматическая форма с завязкой, развитием, кульминацией и разрешением, была создана А. Шлегелем; 3) теория сонета как диалектического жанра. В начале XX в. ее придерживался В.Я. Брюсов, подробно ее развил И.-Р. Бехер и позднее – К.С. Герасимов. Думается, что эти три точки зрения представляют не противоположные друг другу положения о внутренней структуре сонета, а – взаимодополняющие, выявляющие внутреннюю структуру сонета в различных ракурсах.

Канонический вариант сонета расширяет перечень требований, предполагая обязательность диалектического единства тезы, антитезы и синтеза в развитии лирико-философской темы сонета. Первое четверостишие в сонете содержит постановку темы, экспозицию или тезис философской мысли поэта. Во втором – развитие темы или антитезис, взгляд на проблему с другой стороны. Катрены ставят и развивают тему, взвешивают аргументы «за» и «против» в означенных пределах. Терцеты, отделенные от восьмистишия логической цезурой, новым ритмом и рифмами (девятая строка сонета должна заканчиваться на мужской рифме, если восьмая строилась на женской, и наоборот), чаще всего выражают столкновение, борьбу мнений, готовят ближайшую развязку (первый терцет) и либо примеряют противоречия или обнажают их непримиримость (второй терцет). Заключительная строка сонета является наиболее экспрессивной, это – сентенция, резюме. Ее называют сонетный «замок», т. е. фраза, содержащая сюжетное действие к неожиданной развязке. Как правило, малый объем «замка» определяет емкость, афористичность финальной фразы. Особый смысловой акцент падает на последнее слово в «замке»: оно является «ключевым» и часто уточняет смысл всего сонета. Если в сонете скрыта загадка, то слово-«ключ» наводит на правильный ответ. Однако, как справедливо отмечал И.Р. Бехер, в чистом виде эта схема (теза, антитеза, синтез. – *Н.В.*) редко встречается в сонете. Она (схема. – *Н.В.*) бесконечно варьируется [1, с. 412] (см. об этом также: [3, с. 151]).

К другим правилам канонического сонета исследователи относят внутреннюю синтаксическую законченность и цельность катренов и терцетов (каждая строфа должна заканчиваться точкой, и строфический перенос недопустим), а также правила рифмовки катренов и терцетов для строгого сонета (при наличии опоясанных рифм в катренах третья строка первого терцета рифмуется со второй строкой второго терцета (ccd cdc, или cdc dcd, или ccd cdd, а при трех рифмах – ccd ede) и при перекрестных рифмах в катренах первые две строки терцетов имеют смежные рифмы, последние же строки терцетов рифмуются так: ccd ccd, или cdc ddc, а при трех рифмах – ccd eed) [8, с. 276]. Наиболее общепризнанным правилом является соответствие «замкнутым» катренам abba «открытых» терцетов cdc dcd или ccd ede, а «открытым» катренам abab «замкнутых» терцетов ccd eed [10, стлб. 1008].

В теории сонета особое значение придается его музыкальности. Само его обозначение (ит. Sonetto) происходит от провансальского слова Sonet (песенка), а в основе термина – слово Son (звук) и поэтому название этого жанра поэзии можно было бы перевести как «звонкая песенка». Один из наиболее известных исследователей жанра сонета Л.П. Гроссман справедливо акцентировал внимание на музыкальности сонета, которая отчасти достигается чередованием мужских и женских рифм (правило предписывало: если сонет открывается мужской рифмой, то поэт обязан завершить его женской, и наоборот). Л.П. Гроссман писал: «Самый термин, определивший этот стихотворный вид, указывает на высшее поэтическое качество, связанное с ним, – на звучание стиха. В Италии он произошел от «sonare», в Германии его называли одно время «Klinggedicht». Звуковое достоинство сонета, его ритмическая стройность, звон рифм и живая музыка строфических переходов – все это уже предписывалось первоначальным обозначением этой малой стихотворной системы» (цит. по: [11, электронный ресурс]).

Рассмотрим некоторые типы сонетов, которые выделяют отечественные и зарубежные сонетологи. По мнению О.И. Федотова, в Европе канонизировались три основных типа европейского сонета: 1) итальянский: два катрена перекрестной или охватной рифмовки на два созвучия: abab abab или abba abba и два терцета на два или три созвучия, имеющие в сочетании рифм также скрытую идею «креста»: cdc dcd или «треугольника» cde cde; 2) французский: два катрена охватной рифмовки на два созвучия: abba abba и два терцета на три созвучия, скомпонованных параллельно: cc deed или cc dede так, чтобы получились двустишие и катрен; 3) английский: упрощенная модель, состоящая из трех катренов перекрестной рифмовки и заключительного двустишия. Иногда его называют шекспировским, но им с успехом пользовались и предшественники великого драматурга [16, с. 7]. Как видно из приведенной классификации типов сонета, строфический тип классического сонета

определяется его структурной схемой – итальянский и французский типы отличаются друг от друга рифмическими цепями и имеют одинаковую структурную схему – (4+4+3+3), в то время как английский (шекспировский) тип сонета строится по схеме – (4+4+4+2).

М.Л. Гаспаров пишет о двух наиболее устойчивых типах сонета – итальянском и французском, а английский тип, по мнению данного автора, «…канонизирован до некоторой степени» из числа «вольных» форм [5, стлб. 62]. Описанные три типа сонета также встречаются в работе «Сонет» немецкого исследователя В. Менха [18, с. 16]. В. Менх считает, что тенденция к употреблению парных рифм в одном или обоих терцетах во французском типе сонета создает резкий музыкальный контраст в этом типе сонета по сравнению с итальянским [18, с. 21]. Таким образом, три основные разновидности сонета: итальянская, французская и английская признаются исследователями сонета как наиболее распространенные и правомочные и значительно отличающиеся друг от друга, прежде всего, строфическим построением и системой рифм. Как справедливо замечает Б. Раффел, прежде всего, форма отличает английский сонет от французского, итальянского или немецкого так же, как сонеты Хопкинса являются английскими образцами, а сонеты Рильке – немецкими [20, с. 18].

От рассмотренных классификаций основных трех типов сонета, созданных отечественными и немецкоязычными исследователями, несколько отличается трактовка типов сонета в работах англоязычных авторов. Помимо английского типа сонета, американские авторы, например, выделяют еще спенсоровский тип, в то время как в их классификации отсутствует, например, так называемый французский тип сонета (о типах сонета см. также: [21, с. 1167–1168]). Однако, несмотря на различные подходы к определению типов сонетов в разных странах, сонет по праву считается самой универсальной поэтической формой, пригодной и для выражения глубоких раздумий, и для гражданских мотивов, и для любовной лирики, и для описания пейзажа природы.

Подчеркивая сложность формы и содержания в сонете, М.М. Бахтин писал: «Сонет – очень трудная форма. Рифмы в сонете переплетаются, и это обязывает, чтобы и все образы и темы также были сплетены. В сонете не может быть легкости, намеканий; он должен быть очень тяжел, вылит из одной глыбы» (цит. по: [11, электронный ресурс]). В свою очередь, Л.П. Гроссман отмечал, что поэтика правильного сонета проста, а сложна и намеренно затруднена лишь практика сонета (цит. по: [11, электронный ресурс]). С этим утверждением исследователя нельзя не согласиться.

Возможно, именно сложность формы сонета оказалась привлекательной для многих поэтов, стремившихся испытать свой талант. В сонетной форме созданы произведения, являющиеся, несомненно, великолепными образцами мировой поэзии. Однако примеров канонических сонетов, написанных по строгим правилам, в европейской, американской, русской и других мировых литературах значительно меньше, чем неканонических. Как справедливо замечает О.И. Федотов, «чем строже запрет (верность традиционному канону могла рассматриваться едва ли не как главный жанрообразующий признак сонета), тем больше соблазна его нарушить» [16, с. 7]. Ведь строгие правила сонета только уточняли, каким должен быть идеальный сонет, они всего лишь обозначали эталон, и каждый из поэтов волен был выбирать, каких именно норм следует придерживаться. Однако, нарушая какое-то отдельное правило, поэт при этом должен соблюдать остальные условия сонетной формы, предписанные традицией, иначе сонет перестает быть сонетом.

Со временем некоторые поэты стремились внести в сонет разнообразие. Часто этого требовала сложность замысла и содержание произведения, а также нередко – стремление стихотворцев к оригинальности. Как замечает И. Сельвинский, над сонетом стихотворцы стали производить всякие «эксперименты» [12, с. 438]. Так появились сонеты неканонических форм. И.О. Федотов выделяет следующие «аномальные варианты сонета»: 1) *хвостатый* (выделено автором. – *Н.В.*): 2 катрена + 3 терцета; 2) *сонет с кодой*: добавляется лишняя 15-я строка; 3) *двойной*: после каждого нечетного стиха катрена и четного стиха каждого терцета вставляется укороченный стих; 4) *безголовый*: 1 четверостишие + 2 терцета; 5) *половинный*: 1 катрен + 1 терцет; 6) *опрокину-*

тый: 2 терцета + 2 катрена; 7) *сплошной*: и катрены и терцеты построены на двух общих созвучиях; 8) *хромой*: четвертый стих в катренах длиннее или короче предшествующих [16, с. 7].

О.Н. Гринбаум, в свою очередь, выделяет опрокинутый, безголовый и половинный сонеты и называет их «дериватами» классической формы сонета [6, электронный ресурс]. А. Добрянский упоминает в своей книге «Украинский сонет» следующие «подвиды» сонетов: канонический сонет, шекспировский сонет, сонетоид, сонет без рифм (или «белый» сонет. – *Н.В.*), перевернутый сонет, безголовый сонет, половинный сонет, сонет на две рифмы, сонет-акростих с кодом, хвостатый сонет, сонет-диалог, «косматый» сонет, двойной сонет (подвийний сонет) [7, с. 18–19] (см. также классификацию «отклонений» в сонете, представленную англоязычными специалистами, в энциклопедии поэзии издательства университета Принстон (США): [21, с. 1168], а также о видах сонета по А. В. Шлегелю: [1, с. 428]).

Естественно, что рассмотренные классификации различных видов сонета не могут быть исчерпывающими, так как существуют еще и такие типы сонетов, как сонет в прозаической записи, сонет-триолет и другие, в которых нарушались метрические, композиционные и стилистические нормативы.

На основе анализа всевозможных модификаций сонетной формы можно более четко обозначить отличие канонического сонета от неканонического, а также выделить различия между сонетом и четырнадцатистрочником. Отдельные попытки разграничить сонет и четырнадцатистрочник уже были предприняты отечественными и зарубежными исследователями: М.Л. Гаспаровым, К.С. Герасимовым, О.И. Федотовым, С.И. Кормиловым, И.-Р. Бехером и др. Мы разделяем точку зрения профессора С.И. Кормилова, который классифицирует сонеты с учетом аспектов как их внешней формы, так и развития поэтической мысли в сонетах. По мысли С. И. Кормилова, классификация сонетов и близких им форм должна быть ступенчатой, а не дихотомической (канонические – вольные) [9, с. 36]. Он выделяет четыре типа сонетов: 1) традиционно-канонические сонеты (итальянский, французский, английский); 2) вольные сонеты, т. е. стихотворения, которые создавались (Пушкиным, Бодлером и др.) как сонеты, но не соблюдали всех условий канонического сонета; 3) 14-стишные твердые формы, которые ориентированы на сонет «скорее субъективно, чем объективно» (сюда же автор вносит и безрифменные сонеты. – *Н.В.*); 4) твердые формы, «не только субъективно, но и объективно» ориентированные на сонет, однако насчитывающие больше или меньше 14 строк: сонеты с «кодой», «хвостатые», «безголовые», «половинные», всякого рода «синтетические образования» [6, с. 36–37] (см. также об этом [22, с. 140–141]).

Сонет остается одной из актуальных строфических форм, а появление новых интересных, авторски переработанных сонетов может являться свидетельством непреходящего интереса поэтов к сугубо традиционным формам поэзии, коим и является сонет. На современном этапе развития сонета можно выделить следующие характеристики сонета: 1) использование сонетной формы поэтами разнообразной эстетической ориентации; 2) взаимодействие сонета с сопредельными и прямо противоположными стихотворными формами, например, верлибром; 3) разнообразие архитектоники сонета, метрических и ритмических воплощений; 4) склонность к имитации наиболее архаичных форм; 5) обращение к суперсложным, главным образом, цепным композициям; изобретение новых модификаций. Думается, что все эти тенденции в развитии сонета можно отнести ко многим сонетам, созданным в XX в., среди которых есть, например, «Сонеты к Орфею» Р. М. Рильке.

Библиографический список

1. Бехер И.-Р. Философия сонета, или малое наставление по сонету // О литературе и искусстве. – М. : Худож. лит., 1981. – С. 407–432.

2. Гаспари А. История итальянской литературы / пер. К. Бальмонта. – М. : Изд-во К. Т. Солдатенкова, 1895. – Т. 1. – С. 56.

3. Гаспаров М.Л. Русский стих // Учебный материал по литературоведению / Сост. и примеч. М. Л. Гаспаров. – Таллин, 1987. – С. 151.

4. Гаспаров М.Л. Русский стих начала XX века в комментариях. – М. : «Фортуна Лимитед», 2001. – 288 с.

5. Гаспаров М.Л. Сонет // Краткая литературная энциклопедия. – Т. 7. – М. : Сов. энциклопедия, 1972. – Стлб. 68.

6. Гринбаум О.Н. Ритмико-гармоническая организация русского сонета // Гар-мония строфического ритма в эстетико-формальном измерении // http://rusnauka.narod.ru/lib/program/shumsky1.htm

7. Добрянський А. Живі, грізні, огромні\/ сонети // Украпнський сонет. Антологія. – Киев : Радянськький письменник, 1976. – С. 3–20.

8. Квятковский А.П. Поэтический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1986. – 375 с.

9. Кормилов С.И. Некоторые проблемы современной теории сонета // Филологические науки. – 1993. – № 3. – С. 32–41.

10. Краткая литературная энциклопедия [под ред. А.А. Суркова]. – Т. 7. – М. : Советская энциклопедия, 1972. – 285 с.

11. Пронин В.П. Сонет – мир в миниатюре // Теория литературных жанров // http://hi-edu.ru/e-books/xbook005/01/index.html?part-004.htm

12. Сельвинский И.Л. Я буду говорить о стихах. – М. : Советский писатель, 1973. – 504 с.

13. Сонькин В.В. Сонет в сербской, хорватской и словенской литературах эпохи модерна: автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1998. – 19 с.

14. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. – М. : Академия, 2001. – 307 с.

15. Федотов О.И. Основы русского стихосложения. Теория и история русского стиха. – Т. 2. – Строфика. – М. : Флинта-Наука, 2002. – 484 с.

16. Федотов О.И. Сонет серебряного века // Русский сонет конца XIX–начала XX века / [сост., вступ. ст. и коммент. О.И. Федотова]. – М. : Правда, 1990. – С. 5–34.

17. Холшевников В.Е. Основы стиховедения. Русское стихосложение. – М. : Академия, 2002. – 208 с.

18. M`nch W. Das Sonett: Gestalt und Geschichte. – Heidelberg : F.H. Kehle Verlag, 1956. – 462 S.

19. Raffel B. The Art of Translating poetry. – Pennsylvania : The Pennsylvania State University Press, 1988. – 206 p.

20. Schlhtter H.J. Sonette . – Stuttgart: Metzler, 1979. – 159 S.

21. Sonnet // The New Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics / Edited by A. Preminger and T. V. F. Brogan. – Princeton: Princeton University Press, 1993. – P. 1167–1170.

22. Spiller M.R. The Sonnet Sequence: A Study of its Strategies. – New York : Twayne Publishers, 1997. – 171 p.

R

УДК 801.55

МЕСТО СЛОВА *ЛИЧНОСТЬ* В КАТЕГОРИИ ОДУШЕВЛЕННОСТИ/НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ

О.Н. Евсюкова

Известно, что лингвистическое определение одушевленности / неодушевленности существительных не совпадает с существующим в мире делением на живое и неживое. Грамматически выраженная одушевленность существительных опирается на совпадение словоформ В. п. мн. ч. с Р. п. мн. ч. (*вижу людей – нет людей*), неодушевленность – на совпадение словоформ В. п. мн. ч. с И. п. мн. ч. (*вижу облака – плывут облака*). Обычно нелингвисты относительно морфологической процедуры определения одушевленности / неодушевленности в лучшем случае выражают некоторое изумление. Сходное чувство испытывает лингвист, если у знакомого языкового явления, изученного, вроде бы, до молекулярного уровня, обнаруживаются непривычные для сознания проявления, бытующие в речевой повседневности.

Случай из практики неожиданно показал, что слово *личность*, входящее в активный словарь современного употребления[1], в форме В. п. мн. ч. имеет варианты *личности* и *личностей*. Небольшое анкетирование, в ходе которого респондентам необходимо было образовать три падежные формы слова *личность* – И., Р., В. п. мн. ч., подтвердило мысль о том, что наличие вариантов в

[1] Любопытные данные о частотности употребления слова можно получить из основной базы «Национального корпуса русского языка» [12]. Так, слово *личность* обнаружено в 2393 документах и употреблено 6389 раз. Для сравнения: *родители* – 2947 документов, 7888 употреблений; *семья* – 3185 документов, 7991 употребление; *судьба* – 4306 документов, 11 678 употреблений; *индивидуальность* – 511 документов, 880 употреблений; *человек* – 17 166 документов, 149 693 употребления.

образовании последней формы не носит случайного характера. Выяснилось, что в парадигме этого существительного затруднения возникали только при образовании словоформы В. п. мн. ч., что нашло отражение в ответах респондентов:

Форма В. п. мн. ч. слова *личность*	Студенты нефилологических специальностей		Филологическая аудитория	
личност-и	45	36 %	14	50 %
личност-ей	60	48 %	8	29 %
оба варианта	20	16 %	6	21 %

Поскольку словоформа В. п. мн. ч. является решающей при определении грамматической одушевленности любого существительного, то в ситуации ее вариативности закономерен вопрос: *личность* – это существительное одушевленное или неодушевленное?

Обращение к лингвистической литературе дало следующие результаты. В грамматических описаниях современного русского литературного языка, начиная с «Грамматики русского языка» (М., 1960) и заканчивая «Краткой русской грамматикой» (2-е изд. – М., 2002), при комментарии случаев, отражающих своеобразие в реализации категории одушевленности / неодушевленности у существительных, не содержится каких-либо сведений относительно обозначенного вопроса.

Толковые словари русского языка, давая грамматическую характеристику слову *личность*, ограничиваются указанием на род и форму Р. п. ед. ч.: «ЛИЧНОСТЬ, и, ж.» [8, т. II, с. 192]. Согласно принятой в отечественной лексикографии традиции, если «при имени существительном указано только окончание родительного падежа, это значит, что все остальные падежи образуются согласно норме и сохраняют то же место ударения» [8, т. 1, с. 11]. Следовательно, парадигма слова *личность* идентична парадигме слова *тетрадь*, что влечет за собой однозначный вывод: форма В. п. мн. ч. у обоих существительных образуется одинаково (*личности* и *тетради* соответственно), а значит, *личность* – неодушевленное существительное. Вывод удивительный еще и потому, что все (!) толковые словари в семантической структуре анализируемого слова выделяют значения, толкование которых базируется на лексеме *человек*[2], не вызывающей разных мнений при определении ее одушевленности.

Более подробная грамматическая информация излагается в «Словаре-справочнике по русского языку» А. Н. Тихонова (М., 1996), в котором проведено разграничение неодушевленных и одушевленных существительных и, более того, отражены различия в составе падежных форм у многозначных слов, относящихся в разных своих значениях к одушевленным и неодушевленным существительным. Так, у слова *бас* в значении «голос», «музыкальный инструмент» указывается форма мн. ч. им.-вин. п. *бас/ы*, а в значении «певец» – мн. ч. род.-вин. п. *бас/ов* [10, с. 10–11]. Характеристика форм мн. ч. слова *личность* в этом словаре включает в себя следующие данные: «*мн.* личност/и, ей» [10, с. 277]. Это значит, что оно оценивается как неодушевленное во всех своих значениях. Морфологическая квалификация анализируемого слова не изменилась и через 10 лет в «Комплексном словаре русского языка», вышедшем под редакцией этого же лингвиста [6, с. 423].

Идентичная информация обнаруживается в «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняка: «**личность** ж 8а» [5, с. 640], где *ж* – это женский род, а индекс *8а* – тип склонения неодушевленных существительных типа *тетрадь* [5, с. 47]. Следует добавить, что в словаре зафиксированы случаи различного выражения категории одушевленности / неодушевленности у многозначных существительных: например, *знаменитость* в значении «качество» квалифицируется как неодушевленное (ж 8а), а в значении «знаменитый человек» – как одушевленное (жо 8а) [5, с. 644]. В то же время многозначное слово *личность* осталось за пределами дифференцированного подхода.

Таким образом, во всех вышеуказанных источниках наблюдается единство в оценке морфологических свойств обсуждаемого слова.

Противоречие между очевидными языковыми фактами и их интерпретацией в специальной литературе отчасти снимается в некоторых ортологических справочниках.

[2] Приведем пример словарного толкования: «**ЛИЧНОСТЬ**… **2**. Человек с точки зрения черт его характера, поведения, общественного положения. // *перен.* Человек с ярко выраженной индивидуальностью, необыкновенный в каком-л. отношении. **3**. Человек как член общества. // Человек как юридическое лицо» [4, с. 797].

В частности, в «Кратком словаре трудностей русского языка» Н.А. Еськовой слово *личность* в значении «человек, индивид (употр. с определением)» сопровождается поме́тами *одуш. и неодуш.*, т. е. такие грамматические формы, как *Привлекал каких-то подозрительных личностей (и какие-то подозрительные личности)*, оцениваются как равноправные [3, с. 153]. Колебания по признаку отнесения к категории одушевленности / неодушевленности у слов, называющих лиц: *персонаж, существо, личность, создание, жертва* и др., отражены также в справочнике Л. К. Граудиной, В. А. Ицковича, Л. П. Катлинской «Грамматическая правильность русской речи» [11].

Очевидно, что наличие вариантов в формообразовании, а значит, и определение одушевленности / неодушевленности у данного слова должны иметь под собой лингвистическое обоснование. Для прояснения этого вопроса был проведен анализ функционирования интересующей нас словоформы в различных текстах. В первую очередь необходимо оговорить, что языковой материал был взят из базы данных «Национального корпуса русского языка» и все иллюстративные контексты, приводимые в данной статье, заимствованы из этого электронного ресурса [12]. Для анализа были использованы первые 500 документов из подкорпуса «Нехудожественная литература», в которых была употреблена словоформа В. п. мн. ч. *личности* или *личностей*. После снятия грамматической омонимии[3] у слова *личность* в форме В. п. мн. ч. осталось бесспорных, т. е. неомонимичных, 60 употреблений: 31 пример с флексией *ей* и 29 примеров с флексией *-и*. Таким образом, первый вывод очевиден: у слова *личность* в современном русском языке наблюдается вариативность в форме В. п. мн. ч. Как показал дальнейший анализ, относительное количественное равновесие вариантов одной и той же словоформы не обеспечивает их равноправия в обсуждаемой грамматической позиции.

<u>Словоформа В. п. мн. ч. с флексией *-ей*</u>. Группа конструкций, включающих в себя указанную словоформу, отличается внутренней стабильностью. Это обусловлено реализацией словом *личность* одного из своих значений, характеризующих человека как носителя определенных качеств[4]: *«Время от времени судьба **дарует** нам **личностей**, которых справедливо называют маяками...»*[5]*; «Я не хочу **делать** из бандитов **личностей**»; «Идея ненависти к врагам вероучения **притягивает личностей** параноидального склада…»*.

Обращает на себя внимание доминирование в этой группе контекстов (26 примеров), в которых словоформа *личностей* сопровождается одним или несколькими согласованными определениями: *«Петропавловская крепость **вмещала** в себя всех бывших министров, сановников, генералов и <u>выдающихся</u>, так или иначе, **личностей**»; «Кстати, вот было бы интересно **поместить** под стекло эксцентричных политиков и <u>известных</u> **личностей**, того же Жириновского, Новодворскую»; «Они **подстерегают** в основном <u>самостоятельных</u> **личностей**, <u>решивших совершенствовать себя без помощи инструктора</u>»* и др. Известно, что употребление согласованных определений является синтаксическим средством выражения категории одушевленности / неодушевленности. Соответственно, в приведенных примерах содержится дополнительное указание на грамматическую одушевленность существительного *личность*.

Таким образом, вопреки морфологической характеристике, данной в лингвистических источниках, слово *личность* чаще функционирует в форме В. п. мн. ч. с флексией *-ей*, что демонстрирует грамматическое воплощение его одушевленности. Результат закономерный еще и потому, что слово *личность*, как представлено в толковых словарях, выражает значение «человек с точки зрения черт его характера, поведения, положения и т. п., определяющих его сущность», причем зачастую это значение конкретизируется посредством определений.

Столь высокий количественный показатель употребления анализируемого слова с определением (26 из 31) вызывает наблюдения неграмматического характера.

---

[3] *Личности* может быть словоформой И. или В. п. мн. ч., а *личностей* – Р. или В. п. мн. ч.

[4] В толковых словарях приводятся такие дефиниции указанного значения: «человек с ярко выраженной индивидуальностью, замечательный во всех отношениях»; «человек с точки зрения черт его характера, поведения и т.п., определяющих его сущность»; «человек как член общества, представитель какого-л. социального слоя».

[5] Орфография, пунктуация и стиль иллюстраций, заимствованных из «Национального корпуса русского языка», сохранены.

В субъективном восприятии синонимического ряда *индивид – человек – личность – индивидуальность* слово *личность* вызывает, скорее, положительные коннотации, по крайней мере, в первом приближении. Между тем простое перечисление выявленных в контекстах определений создает совсем другое впечатление: в примерах можно встретить ***личностей*** *криминальных; светских исторических; неидентифицированных; всяких болезненных; самостоятельных; правильных «пробивных»; известных; реальных; разнообразных; каких-то опустившихся; исторических; страшных демонических; крупнейших; чувствительных, мимозоподобных, болезненно реагирующих; психопатических; массовых; избранных; выдающихся; разных петербургских; замечательных; самых пошлых и бездарных; ничтожных* и др. Если сопоставить имеющиеся определения по шкале «безусловно положительный признак / безусловно отрицательный признак», исключая примеры с нейтральной характеристикой и контексты с более сложно выраженной оценочностью *личности*, то количественное соотношение между ними складывается один к двум. Для сравнения приведем а) примеры с положительным признаком; б) примеры с отрицательным признаком:

а) *«Мы помогаем людям с помощью искусства и музыки подготовить их детей к жизни,* ***превратить в*** *самостоятельных* ***личностей****...»; «в науке прошло время «гениев», что сейчас – как муравьи – организации тысяч химиков вполне* ***заменят*** *крупнейших* ***личностей****...»; «На музыке я* ***показала*** *этому знакомому… всех сколько-нибудь замечательных* ***личностей****, в том числе Соллогуба и Тургенева»*;

б) *«И даже* ***вытаскивать*** *всяких болезненных* ***личностей*** *из физиологических кризисов!»* (2003); *«И сейчас еще, проходя мимо магазина на Неглинной, я* ***вижу*** *каких-то опустившихся* ***личностей****…»* (1990); *«Мы* ***имеем*** *тогда перед собой то чрезмерно чувствительных, мимозоподобных* ***личностей****, болезненно реагирующих на всякую неприятность…»* (1933); *«…это верование само по себе уже* ***действует*** *путем взаимовнушения и самовнушения* ***на*** *многих психопатических* ***личностей****…»* (1925); *«…было множество фактов, как Тургенев самых пошлых и бездарных* ***личностей*** ***превозносил*** *до небес, а потом сам называл их пошляками и дрянцой…»* (1890) и под.

Наблюдения несколько неожиданны четко выраженной тенденцией к преобладанию негативной оценочности, которая, как показывают источники, не является особенностью современных текстов, а наоборот, последовательно обнаруживается уже с XIX в. (см. год издания источника в скобках после цитаты).

Словоформа В. п. мн. ч. с флексией *-и*. Эта группа конструкций отличается грамматической и лексической неоднородностью.

В 12 примерах из 29 обсуждаемая словоформа или непосредственно употребляется в составе фразеологизма *перейти на личности*, или словообразовательно связана с ним. Выяснилось, что сам фразеологизм не зафиксирован ни в одном фразеологическом словаре русского языка, хотя как устойчивое сочетание описан в некоторых толковых словарях: «**Перейти на личности** – сделать обидные замечания по чьему-л. адресу в выступлении, речи и т. д.» [8, т. II, с. 192; см. также: 7, с. 281; 2, с. 444]. В большинстве проанализированных примеров фразеологизм воспроизводится в своей исходной форме (всего 7): *«Да что вы сразу* ***на личности переходите****?»; «…Путина не критиковать,* ***на личности не переходить****, «Единую Россию» не задирать»; «…одна из цивилизаций (Irina)* ***переходит на личности****, обвиняя Федю (цивилизацию источника информации) в дилетантизме…»; «Не хочу* ***переходить на личности****»; «Не хватало еще* ***перейти на личности****»; «…и* ***не перейду на личности*** *(хоть барышни этим грешат постоянно)»*. В одном случае во фразеологическом сочетании наблюдается редукция глагола, но общий контекст передает его семантику: *«Ну вот, и сразу на* ***личности****… Я ни в коем случае не собирался Вас обижать»*. В трех примерах используется словообразовательная модификация исходного фразеологизма: *«****Переход на личности*** *означает отсутствие аргументов»; «…получить в ответ можно только* ***переход на личности*** *и оскорбления»; «Уважаемые коллеги, я вижу откровенные* ***переходы на личности*** *со всеми вытекающими…»*. В одном примере обнаруживается даже явление дефразеологизации: *«С детей* ***перешли на личности****, в прямом смысле этого слова: начали бить друг дру-*

гу морды». Тем не менее во всех перечисленных контекстах употребление словоформы *личности* ограничено структурой и значением фразеологизма, а значит, не может быть использовано как адекватный языковой материал для решения обсуждаемого вопроса.

Остальные примеры со словоформой В. п. мн. ч. *личност-и* снова не представляют собой грамматически однородного материала, который в свою очередь подразделяется на две непропорциональные группы: а) конструкции с функционированием обоих вариантов словоформы В. п. мн. ч. как равноправных; б) конструкции с функционированием только одного варианта словоформы *личност-и*.

Грамматически равноправное употребление вариантов *личност-и* и *личност-ей* возникает, как отмечается в ортологических справочниках, при реализации значения «человек, наделенный определенными свойствами». Нам встретился один убедительный пример, отвечающий этим требованиям: *«Буквально на глазах в считанные годы его ученики **превращались** не только в мастеров, но и **в** творческие **личности**»* (= *превращались в творческих личностей / творцов*). В остальных конструкциях, условно включенных в эту группу, потенциально замена словоформ не исключена, но недостаточность представленного контекста не дает уверенности в точном определении лексического значения слова *личность*: *«При желании можно выделить подсистемы социальной сферы, где «производят людей и **формируют личности**» (цех по производству…)»; «Мда, как же легко было бы **определять личности**»; «Например, коллективизм: **усредняет личности**, наставляет не выделяться, быть, как все…»*. Тем не менее очевидно, что функционирование словоформы с флексией *-и* в подобных конструкциях носит остаточный характер, поскольку грамматически точным выражением значения слова *личность* = человек с N-ми чертами является словоформа с флексией *-ей*, оформляющая одушевленность этого существительного.

Оставшиеся 12 конструкций допускают функционирование только одного варианта словоформы В. п. мн. ч. *личност-и*, что дает основание квалифицировать существительное как неодушевленное. Из них особое внимание обращают на себя 6 примеров, в которых слово *личность* в пределах своей семантической валентности реализует свободную сочетаемость с другими словами: *«Институтов имел привычку судить о людях, **уподобляя** при возмущении их **личности** героям литературных произведений…»; «Но дядя Сандро с видимым удовольствием всё ещё перекликался с Бахутом, **уточняя личности** гостей и время предстоящего пиршества»; «…да, я в курсовой планирую **сопоставлять личности** Кея и Брикриу из ирландских сказаний»; «Даже на самом серьезном уровне, среди претендентов на мировое первенство, легко **встретить личности** тех, для кого шахматы были… чем-то вроде упомянутого наркотика»; «…может измениться все, **включая** исходную ситуацию, достигнутые результаты и **личности** самих участников»; «Эта практика… позволяет точно **определять личности** людей, посещающих страну»*. Причина недопустимости замены на словоформу *личност-ей*, категоричность грамматического выбора в приведенных конструкциях обусловлена реализацией основного (первичного) лексического значения слова *личность*: «совокупность свойств, присущих данному человеку, составляющих его индивидуальность»[6] [8, т. II, с. 192; 9, т. 6, стлб. 295; 1, с. 501; 6, с. 423; 4, с. 797]. Это значение поддерживается синтаксической организацией перечисленных конструкций, в которых при анализируемой словоформе открывается позиция для зависимого слова в форме Р. п., называющего носителя личностных свойств (*личности* (кого? чьи?) + словоформа в Р. п. с определительно-субъектным значением): ***уточняя личности** гостей; **сопоставлять личности** Кея и Брикриу; **встретить личности** тех; **включая личности** участников; **определять личности** людей, их **личности*** (= *личности* людей по контексту).

С учетом вышеназванных грамматических параметров построены конструкции несколько иного типа: *«Правда, **личности** убитых **установить** не удалось»; «Совместно с прокуратурой флота мы **установили личности** людей, причастных к хище-*

[6] Любопытно, что в словаре С. И. Ожегова разных лет издания и в разной редакции указанное значение у слова *личность* не выделяется вообще: «**Личность**... Человек как носитель каких-н. свойств, лицо».

нию»; «Удалось ***установить личности*** *всех пострадавших от теракта на Тушинском поле»*. Однако частотность употребления приведенного сочетания, развившаяся стилистическая окрашенность привели к формированию у него связанного значения: в большинстве толковых словарей русского языка сочетание *установить личность* со значением «узнать, что за человек, его имя» комментируется в иллюстративном материале к слову *личность*; как устойчивое выражение оно зафиксировано в БАС-1: «**Устанавливать, установить чью-либо личность**. Опознавать кого-либо» [9, т. 16, стлб. 962; см. также 9, т. 6, стлб. 296].

Аналогичным образом построены конструкции со словоформой *личности* в сочетании с глаголами *выяснить, идентифицировать, удостоверить*: *«Схватили мародеров или насильников, …задокументировали, провели фильтрацию –* ***выяснили личности****, их адреса…»; «…поисковикам удается* ***идентифицировать личности*** *многих пропавших солдат».* Основное лексическое значение каждого глагола в приведенных примерах позволяет вступать в синонимические отношения с сочетанием *установить личности*: *идентифицировать* «устанавливать совпадение, сходство чего-либо с чем-нибудь; уподоблять» [9, т. 5, стлб. 46]; *выяснить* «делать что-либо ясным, понятным; приводить в ясность» [9, т. 2, стлб. 1340]; *удостоверять* «свидетельствовать, подтверждать достоверность, подлинность чего-либо» [9, т. 16, стлб. 353]. Думается, что близость значения, стилистически ограниченная сфера употребления указанных сочетаний создают условия для формирования устойчивых глагольно-именных оборотов, характерных для официальной речи.

Таким образом, анализ конструкций со словоформой В. п. мн. ч. *личност-и* позволяет сделать следующие выводы. В большинстве примеров (41 %) данная словоформа функционирует в составе фразеологизма *перейти на личности*. Такое же количество конструкций отличается тождественной грамматической организацией: анализируемая словоформа выражает грамматическую неодушевленность существительного *личность*, реализующего свое основное лексическое значение «совокупность свойств человека», при этом обозначение человека как носителя этих свойств обеспечивается зависимой словоформой Р. п. (*уточнить личности гостей*). Однако в значительном количестве таких конструкций (20,5 %) обнаруживается тенденция к фразеологизации: в ряде примеров словоформа функционирует в составе устойчивого сочетания *установить личности-*, в других случаях наблюдается стремление к устойчивости употребления глагольно-именных оборотов (*идентифицировать личности*). В единичных примерах проанализированного материала словоформа В. п. мн. ч. *личности*, обозначая человека, является равноправным вариантом словоформы *личност-ей*, что указывает на остаточный характер подобных употреблений.

Обобщая вышесказанное, отметим главное. Функционирование вариативных словоформ В. п. мн. ч. слова *личность* не носит случайного характера, поскольку обусловлено реализацией разных лексических значений данного слова: значение «человек, наделенный определенными свойствами» грамматически оформляется словоформой *личност-ей* (наиболее частотный вариант); а значение «совокупность свойств, присущих данному человеку» – словоформой *личност-и* (менее частотный вариант). Соответственно, в первом случае слово *личность* грамматически проявляет себя как одушевленное существительное, а во втором – как неодушевленное. Подобное выражение одушевленности / неодушевленности характерно, как было сказано выше, для многозначных слов, в одном из своих значений называющих человека. Безусловно, что эта закономерность должна получать отражение в лингвистических словарях русского языка, в том числе и при грамматической характеристике слова *личность*.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб., 2000.

2. Гуськова А. П. Популярный словарь русского языка. Толково-энциклопедический. – М., 2003.

3. Еськова Н. А. Краткий словарь трудностей русского языка: Грамматические формы. Ударение. – М., 2000.

4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – 2-е изд., стереотип. – М., 2001. – Т. 1.

5. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. – Изд. 6-е, стереотип. – М., 2009.

6. Комплексный словарь русского языка / под ред. д-ра филол. наук А. Н. Тихонова. – М., 2005.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М., 1986.
8. Словарь русского языка: в 4 т. – М., 1985–86. – Т. 1, 2.
9. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М., 1950–65.
10. Тихонов А. Н. Словарь-справочник по русского языку: Правописание, произношение, ударение, словообразование, морфемика, грамматика, частота употребления слов. – М., 1996.
11. URL: http://www.gramota.ru.
12. URL: http://www.ruscorpora.ru.

R

УДК 82-1.-9

КАРТЕЛЬ КАК ЖАНР ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЭЗИИ XVI–XVIII веков

В.И. Пинковский

Картель (cartel (фр.) – от cartello (итал. – бумага, документ, объявление, афиша), восходящего к charta (лат. – лист папируса, бумага, сочинение, письмо, поэтическое произведение), образованному в свою очередь от cάrthj (греч. – лист папируса для письма) [1] – изначально «письменный вызов на поединок, не только боевой, но и тренировочный, турнирный, развлекательный, а также документ, регламентирующий выкуп пленных и обмен ими после сражения». Такие значения слова cartel дает «Словарь Французской академии» (1694 г.) [2, p. 148]. Специфически литературное, жанровое значение слова в этом справочнике отсутствует, как и в более позднем (1762 г.) издании «Словаря…» [3, p. 252].

Немногим лучше обстоит дело с картелем в наиболее авторитетных поэтиках XVI–XVII вв. Автор самого известного в XVI столетии «Французского поэтического искусства» (1548 г.) [4] Т. Себиле об этом жанре еще не упоминает, а Н. Буало в своем «Поэтическом искусстве» (1674 г.) уже не упоминает.

Вероятно, впервые характеристику картеля дает в своем «Французском поэтическом искусстве» (1598 г.) П. Делодон д'Эгалье. Характеристика лишена стройности, это, видимо, объясняется тем, что д'Эгалье буквально на ходу формирует дефиницию не окончательно сформированного жанра. Мы даем его текст без редакторских коррективов как сам по себе стилистически показательный пример осмысления «наощупь» нового литературного феномена: «Картель – поэтический жанр, не имеющий широкого употребления среди поэтов, его использовали немногие поэты, среди которых – Депорт и Ронсар. Вот почему я скажу о нем только мимоходом (ie n'en parleray qu'en passant). Картель строится на парных рифмах, для него характерен двенадцатисложный стих… Этими чертами картель близок к элегии, отличаясь от нее тем, что суть элегии заключается в выражении тоски, а картель читается наизусть перед обществом (devant une cxpagnie). Он называется [также] маскарадом, потому что его читают в масках, предваряя начало балета, танца или схватки (combat). Содержанием картеля наиболее часто являются восхваления, обращенные на самих говорящих, а также темы любви и подвигов. Короче говоря, картель есть не что иное, как вызов на поединок, подобный тому, который вручает в виде записки (un billet), или картеля (Cartel), мужчина своему противнику. Так же и приходящие на маскарад оглашают свой картель, или вызов (deffi)… <…> Он [картель] может быть любого объема, но в среднем не превышает ста стихов (carmes)… Полагаю, что нет необходимости приводить пример картеля, так как совсем не трудно это сделать, к тому же несколько образцов содержатся в произведениях Депорта. В картеле всегда присутствует бахвальство (rodomxtade), должное убедить в том, что говорящий, чтобы прибыть сюда, преодолел столько морей, испытал множество превратностей, выдержал схватки с дикими зверями и т. д.» [5, p. 94–95] (перевод здесь и далее наш. – *В.П.*).

В добавление к определению Делодона д'Эгалье укажем на краткую характеристику картеля в поэтике (1605 г.) Ж. Воклена де Ла Френе: «Картели с вызовом, которые представляют на турнирах, – это стихотворения для удовольствия королей (pour le plaisir des Rois), используемые также… в маскарадах

(mommeries) под немой маской (soubs le masque muet) и буффонадах…» [6, p. 145]; (в оригинале стихотворный текст. – *В.П.*). Стоит еще упомянуть, что П. де Демье в «Академии поэтического искусства» (1610 г.) указывает на картель в перечне «тридцати двух поэтических жанров» французской поэзии [7, p. 19], хотя и не рассматривает его отдельно.

В русском литературоведении картель не становился еще объектом изучения. Цель данной небольшой работы заключается в дополнении жанровых характристик картеля, принадлежащих авторам XVI–XVII вв., и ответе на вопрос, почему этот жанр просуществовал так недолго.

Первоначально литературный картель является не самостоятельным жанром, а одним из элементов придворного театрализованного представления, чаще всего балета в форме маскарада. Подобные представления получают распространение в качестве итальянского влияния при Генрихе II еще до вступления короля на престол, после женитьбы (1533 г.) на Екатерине Медичи.

К середине XVI в. структура придворного балета устоялась и стала включать в себя собственно хореографические *выходы* (entrJes), повествовательные стихотворные связки между ними (rJcits) и стихи от лица персонажей (vers), в число которых могли входить и картели. Гибель короля на турнире (1559 г.) немало способствовала перемене характера придворных развлечений: турниры и конные состязания постепенно будут вытесняться из придворного быта (с 1559 по 1610 г. состоялось не более 4 турниров) театром, заимствовавшим в измененном виде некоторые турнирные элементы, в частности, картель [8, p. 178].

Проиллюстрируем характеристику картеля, данную Пьером Делодоном, конкретным образцом, наиболее полно содержащим черты жанра, перечисленные французским поэтом. Текст принадлежит П. де Ронсару, относится к 1573 году:

CARTEL
POUR LE ROY CHARLES IX
HabillJ en forme de Soleil, defiant ceux qui voudroient
au combat esprouver sa vertu
Comme le feu surmonte toute chose
Qui devant luy pour resister s'oppose,
Ainsy du fer de mon glaive pointu
Tout chevalier B terre est abatu;
Les plus vaillans redoutent ma puissance,
Et la mort pend sur le bout de ma lance.
Amour m'a fait errer de toutes pars,
Pour essayer les fortunes de Mars,
Et de mon nom remplir la terre et l'onde,
Pou avoir place en ceste Table ronde,
O j les vieux preux autrefois avoient eu
Un lieu d'honneur, loyer de leur vertu.
Or desdaignant les hazards de la guerre
Comme donteur des Monstres de la terre,
Par haut desir au Ciel je suis montJ,
O j du soleil j'ay l'habit empruntJ,
Afin de faire aux estoiles celestes
Comme aux mortels mes vertus manifestes.
Donc si quelqu'un, soit d'enhaut ou d'embas,
Veut esprouver ma puissance aux combas,
S'adresse B moy, je luy ferray cognoistre
A coups ferrez combine poise ma destre,
Se repentant bien tard de son conseil
Eh! qui pourroit resister au soleil?
[9, p. 150–151]

(Картель для короля Карла IX, одетого в костюм солнца и бросающего вызов тем, кто желал бы испытать его доблесть в бою. Как огонь превосходит все, противостоящее ему, так железо моего острого меча повергает на землю любого рыцаря. Самые храбрые опасаются моей мощи и смерти на конце моего копья. Любовь заставила меня блуждать по всем краям и испытать военную удачу, и наполнить моим именем сушу и море, чтобы удостоиться места за Круглым столом, где старинные рыцари занимали когда-то почетные места, оплаченные их доблестью. Так, пренебрегая опасностями войны, как покоритель земных чудовищ, движимый возвышенным устремлением к небу, я был вознесен к солнцу, у которого позаимствовал одеяние, чтобы, как и смертным, явить свою доблесть небесным светилам. Если же кто-нибудь, земной иль небесный, желая проверить мою силу, бросит мне вызов, я дам ему изведать железными ударами тяжесть моей десницы и испытать запоздалое раскаяние в своих намерениях. Эй! кто в силах противостоять солнцу?).

Этот монолог, извлеченный из сценария придворного представления, производит впечатление несамостоятельного произведения: слишком ощутима его зависимость от отсутствующего контекста. Понятна политико-этикетная сторона содержания – восхваление короля в форме самохарактеристики монарха, но не ясна сюжетная функция этого текста. И все же такое отдельное от сценического целого существование картелей не исключение, а норма. В отличие от обычных драматических монологов, картели не исполнялись участниками маскарада, они помещались для информирования зрителей в программу представления (в «книжечки»-либретто), выполняя, как и остальные vers,

функцию «подтекстовки» действия. Декламировались или произносились нараспев только recits. (Обратим внимание: Делодон д'Эгалье вступает в заочное противоречие с Вокленом де Ла Френе, утверждая необходимость заучивания картелей исполнителями наизусть (par cÉur), в то время как Воклен указывает на немоту масок, к которым относятся картельные тексты, – явный признак не сложившегося окончательно представления о жанре).

Поскольку сюжет и поясняющие его поэтические тексты в балетах-маскарадах играют подчиненную роль, это сказывается на содержании картелей. Когда сюжетный конфликт является не способом разрешения проблемы, а формальным поводом для разворачивания костюмированного хореографического действия, когда характеры противостоящих персонажей заданы под выполняемые ими сюжетные функции и крайне схематизированы (см., например, у Ж. А. де Баифа: защищающие Любовь («Cartel des Tenans pour Amour») – нападающие на Любовь («Cartel des Assaillans contre Amour») [10, p. 187–190], картели не выходят из границ клишированного восхваления персонажами себя и защищаемого предмета, а также непременного вызова на бой всех несогласных.

В рамках придворного театра у картеля не было иной перспективы, кроме как стать каноническим жанром в самом строгом смысле слова, то есть воплощением высшей содержательно-формальной обязательности, когда «ничего нельзя добавить, ничего убавить или изменить» [11, с. 111]. Однако и в этих рамках наблюдается варьирование – пусть и в плоскости сугубо формальной (а для XVI–XVII вв. это весьма значимо!): упоминаемый Делодоном д'Эгалье Ф. Депорт, вопреки постулированию автором поэтики попарной рифмовки для картеля, регулярно от этого правила отступает [12, p. 222–223]. Кроме того, тенденция публиковать картели отдельно от маскарадного сценария (так поступали, помимо П. де Ронсара, Ж.А. де Баиф, Ф. Депорт, О. Ложье и др.), открывала перед жанром новые возможности: будучи выведен из состава либретто и помещен в стихотворный сборник, картель должен был приобрести ту степень смысловой автономности, которая присуща любому самостоятельному произведению. Каким путем это осуществлялось?

В первую очередь в картеле реализовались возможности, изначально в нем заложенные, – диалогизм и установка на восхваление. Это нашло воплощение в таких, например, произведениях, как анонимный диалог «Стычка между амуром и миром и картель с вызовом от амура к миру», в котором к прениям на тему преимуществ и недостатков одного и другого явления добавлены характерные картельные колкости и угрозы:

L'Amour
…Ne crois pas pourtant que ie tremble,
Ny que ie crains ta rigueur
Si tu connoissois ma vigueur,
Tu ne voudrois point me desplaire
Afin d'euiter ma colere.
La Paix
Amour ce n'est pas sans mystere
Que dans ce monde on te revere,
Ie sзay que les plus ieunes gens
Ne se monstrent point negligens
Pour te faire la reverence,
Moy ie me rits de ta puissance…

[13; p. 4]

(Амур: …Не думай, однако, что я трепещу перед тобой и что я боюсь твоей суровости. Если бы ты знал мою силу, ты вовсе не пожелал бы меня раздражать, а уклонился бы от моего гнева. Мир: Амур, не обошлось без тайных происков то, что тобою грезят на этом свете. Я знаю, что наиболее юные вовсе не считают зазорным поклоняться тебе. Что касается меня, то я смеюсь над твоим могуществом…)

Очевидно, что добавления картельных формул в имеющий многовековую традицию жанр диалога недостаточно, чтобы картелю с этим жанром в конце концов не слиться. Говоря иначе, картельные элементы не обладают жанрообразующей потенцией, поскольку основным в полемическом диалоге остается все же прояснение предмета спора, который не превращается во всего лишь повод для поединка.

На пути картеля-восхваления стояла другая мощная традиция – одическая (хвалебные оды («пиндарические»), гимны, стансы социально-политического содержания и официальной адресации). Достаточно сравнить анонимный «Картель к добропорядочным французам по поводу совершеннолетия короля» и стансы Ф. Малерба «Молитва за короля Генриха Великого, отбывающего в Лимузен», чтобы стало очевидным преимущество последнего текста над первым.

В «Картеле…» приветствуется тринадцатилетие Людовика XIV как «прекраснейший день счастливейшего века» (la plus belle

iournJe du siecle la plus fortunJe), как предвестие эпохи, наступающей после «стольких войн, мучений, печалей», эпохи, в которую не будет больше слышно о «пасквилях, притеснениях церковных старост, грехе, болтунах, продажных душах при дворе, решающих вопросы войны и мира в зависимости от обещанной им платы». Газеты будут наполнены «песенками, мадригалами, триолетами, песнями о королевских деяниях (chans Royaux)», а дворец – «играми, маскарадами, танцами и песнями».

Эта модель народного счастья (правда, в придворном преломлении – с «мадригалами и триолетами») близка фольклорным представлениям о правлении «веселого и доброго» короля. Потому, может быть, неведомый автор, не забыв коротко поздравить с праздником дворянство (И ты, победное благородное сословие (Noblesse), известное храбростью, служащей благу могучего государства…), адресует свою речь в первую очередь городскому простонародью – крючникам, лодочникам, нищим, разносчикам, уличным торговцам, заключая свой призыв радоваться обобщенным обращением к горожанам (обывателям):

Braves Bourgeois on vous convie
De bien menager vostre vie,
Beuvants B la santй du Roy,
Et que chacun devant chez soy
Fasse allumer le feu de ioye,
Pour le bien que sa MaiestJ
Est enfin en maioritJ.

[14, p. 6–7]

(Славные горожане, вы призваны добром наполнить вашу жизнь, выпивая за здравие короля. Пусть каждый из вас возрадуется (зажжет огонь радости) благу вступления его Величества в пору совершеннолетия.)

Картель данного типа, не содержащий угроз и вызова врагам, уместнее было бы назвать обращением, призывом к единству народа и власти, к поддержке короля, проникнутый верой в наступление «золотого века». Те же мотивы содержатся и в упоминавшемся стихотворении Ф. Малерба:

Пред грозным именем склонятся замки в страхе,
И стены и врата окажутся во прахе,
Посты сойдут с бойниц, тревожный минет час,
Оралом станет меч – такая роль достойней,
Народ, измученный жестокой долгой бойней,
Заслыша барабан, пойдет беспечно в пляс.
Распутство и грехи в эпохе новой сгинут,
И сластолюбие и праздность нас покинут,
Немало из-за них мы претерпели бед.
Король достойнейших вознаградит по праву,
Всем доблестным вернет заслуженную славу,
Искусства возродит, лелея их расцвет.
<…>
Страданиям конец придет и лихолетьям,
С какою радостью мы это чудо встретим!..

[15, с. 608–609]. (Пер. *А. Ревича*.)

Очевидно, что одинаковость тем, мотивов и модальности обоих текстов заставляет искать ответ на вопрос о преимуществах одного над другим в плоскости формальной и связанной с ней культурно-исторической. Композиционная стройность и стансовая упорядоченность отточенных двенадцатисложников Малерба более отвечает духу официальной культуры XVII столетия. Сдержанная приподнятость тона, возвышающегося иногда и до торжественности, выгодно противостоит простодушной, какой-то даже «застольной» радости «Картеля…».

Стансы Малерба (1605 г.) полностью принадлежат XVII в., в то время как «Картель…» – даже внешне, с его не разбитым на строфы текстом, с восьмисложным стихом, кажущимся на фоне малербовых строк слишком легким для избранной темы, – XVI столетию, хотя и написан в 1651 г.

Для развития жанра картеля существовала еще одна возможность, о которой можно говорить только в сослагательном наклонении. По основным своим качествам картель, даже в составе сценария, не опубликованный отдельно, близок к ролевой лирике, то есть к форме автопрезентации персонажа, принципиально не совпадающего с автором, в *единичном речевом акте.* В стихотворной трагедии или комедии, как бы ни были «лиричны» монологи героев, их «самовыявление» осуществляется целым рядом речевых «шагов» – монологов и диалогов, не говоря уж о том, что прояснению характеров способствуют речевые действия других персонажей, создающие необходимый контекст понимания. Ролевое лирическое стихотворение таких возможностей лишено, оно и текст и контекст – в одном.

Конечно, ролевая лирика неоднородна. Уже литература античности знает ролевые тексты, основанные на априорно известном

читателю материале, например, мифологическом («Героиды» Овидия). Ролевые типы застыли в фольклорной лирике – хотя бы любитель «хорошего вина, хорошей еды и доброй компании» из французской chanson B boire («песни под выпивку» – застольной), от лица которого эта песня и поется.

Во второй половине XVII и начале XVIII вв. редкие картели встречаются в составе так называемой «легкой поэзии», где играют ту же роль, что и жанр billet – стихотворной записки с приглашением, извещением, уведомлением. В измельчавшем до роли бытового стихотворения «на случай» картеле вызов мог иметь только шутливый характер, что мы и наблюдаем в стихотворении Симона Тиссо де Пато (1655–1738):

CARTEL.
Du Capitaine du Mainon, B l'Auteur, qui lui avoit fait un dJfi quelques jours auparavant.

Enfin, je suis au rendez-vous;
Je vous veux bourrer de cent coups,
Fussent ils de pinte, ou de verre,
Des armes, vous aurez le choix,
Et nous verrons B cette fois,
Qui de vous, ou de moi, fera plut^t par terre…
[16, p. 239]

(Картель от капитана Дюменона автору, который бросил вызов капитану несколькими днями ранее. Наконец я на месте встречи. Я желаю нанести Вам сотню ударов кружкой или стаканом – выбор оружия за Вами. Посмотрим на этот раз, кто вскоре окажется на земле…)

Библиографический список

1. Этимологическая цепь выстроена с опорой на следующие издания: MJnage G. Dictionnaire Jtymologique de la langue franзoise. – P. : Briasson, 1750. – 1445 p.; NoNl, F.-J.-M., Carpentier, L.-J.-M. Dictionnaire Jtymologique, critique, anecdotique et littJraire… : 2 vol. – P. : Le Normant, 1839. – T. 1. – 796 p.
2. Le dictionnaire de l'AcadJmie franHoise, dJdiJ au Roy: 2 vol. – P. : Vve J. B. Coignard et J. B. Coignard, 1694. – T. 1. – 761 p.
3. Dictionnaire de l'AcadJmie franHoise: 2 vol. – P. : Vve B. Brunet, 1762. – T. 1. – 993 p.
4. SJbillet, T. Art poJtique franHoys. P. : E. CornJly, 1910. – XXVI. – 226 p.
5. De Laudun d'Aigaliers, P. L'art poJtique franHois. – P. : A. Du Brueil, 1598. – 206 p.
6. V. de la Fresnaye, J. L'art poJtique. – GenPve : Slatkine, 1970. – CXVII. – 230 p.
7. Deimier, P. de. L'acadJmie de l'art poJtique. – P. : J. de Bordeaulx, 1610. – 604 p.
8. Fournel, V. Les contemporains de MoliJre: 3 vol. – P. : Firmin Didot frPres, 1863–1875. – P. : 1866. – T. 2. – 674 p.
9. Ronsard, P. de. Oeuvres complPtes: 8 vol. – P. : P. Jannet, 1857–1867. – T. 4. – 420 p.
10. Ba\f, J. A. de. Huvres en rime: 5 vol. – P. : A. Lemerre, 1881–1890. – T. 2. – 496 p.
11. Ассман Я. Канон: к прояснению понятия // Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М. : Языки славянских культур, 2004. – С. 111–138.
12. Desportes, P. Les premiPres oeuvres. – Anvers : P. Vibert, 1587. – 568 p.
13. Le combat et le cartel de deffit de l'amour B la paix. En dialogue. – P. : C. Morlot, 1649. – 8 p.
14. Cartel aux bons FranHois, pour la majoritJ du Roy. – P. : Imp. de Ve I. Guillemot, 1651. – 10 p.
15. Малерб, Ф. Молитва за короля, отбывающего в Лимузен // Европейская поэзия XVII века. – М. : Худ. лит-ра, 1977. – С. 607–610.
16. Les oeuvres poJtiques de M. Simon Tyssot, Sr. de Patot: 2 vol. – Amsterdam : M. C. Le CJne, 1727. – T. 2. – 648 p.

R

УДК 82-31

ЛИРИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В ПРОЗЕ А. БИРЮКОВА

М.И. Райзман

В сборнике «Снимем необитаемый остров» А. Бирюкова две повести и пять рассказов.

Читая п**овесть «Снимем необитаемый остров»** с подзаголовком **«Короткая история в трех частях»** и вспоминая его «школьную» повесть «Сладкая отрава, легкая болезнь», выхода в свет которой автор не дождался, мы с удивлением понимаем, что встречаемся со знакомыми героями и местом действия, только герои стали постарше и время сдвинулось на несколько лет вперед.

В повести «Снимем необитаемый остров» героя зовут Миша, он студент, действие в повести длится несколько лет и относится ко второй половине 50-х гг. Оно ограничено рамками несложившейся любви. А в «Сладкой отраве, легкой болезни» один из главных героев Коля Емельянов, он школьник-старшеклассник, действие происходит в течение двух лет и относится к середине 50-х гг. В обеих повестях появляется заботливая, немного ворчливая мама; упоминается старший брат, который «дружил со своей невестой пять лет». Кажется, даже соседка Роза, долго выясняющая, кто написал сказку «Красная шапочка», «перекочевала» в «Сладкую отраву…» под именем «Розалии Павловны»; «моя любимая коммунальная квартира, жильцы которой, сколько я себя помню, находятся в сложных дипломатических отношениях» [1, с. 23]. Это – «территория ада, который разместился по адресу, указанному в моем паспорте» [1, с. 23]. Здесь же тот самый темный коридор, который встречается в «школьной» повести как «Темный коридор на той половине, где жил Коля» [2, с. 37].

В обеих повестях рассказ идет от первого лица. Да и вообще, «большая часть опубликованных рассказов и повестей А. Бирюкова, как он сам говорил, – это «непрекращающееся самоописание» [12, с. 3]. Для письма А. Бирюкова характерно пристальное внимание к приметам московского быта 50-х годов, до мельчайших подробностей точно воспроизведенных автором. (Этому принципу достоверности писатель оставался верным и в своих поздних произведениях.)

Вот вечно занятый телефон в коммунальной квартире; магазины, издавна получившие свои названия у местных старожилов; «сквер так спрятался, что знают о нем только живущие поблизости» [1, с. 16]; московская «двушка» с занавеской в проеме с щелкой справа, чтобы КД контролировала ситуацию; замок, с которым «за два года я так и не научился справляться…» [1, с. 15] Также автор внимателен к психологическому состоянию героев: вот Миша мучается в ожидании звонка от Ленки; ищет глазами Ленку на эскалаторе метро по приезде с целины, Ленка в отношениях с робким, нерешительным ровесником Мишей занимает лидирующую роль: «Ленка подошла и, не дав мне раскрыть рот, сказала:

– Воспитанные мужчины встают, когда к ним подходит женщина.

Я встал, она села. Что делать дальше, я не знал» [1, с. 16–17].

Душевное состояние героев автор передает не впрямую, а через их действия, вводя предположения, воспоминания, мечты Миши. Немаловажной особенностью манеры А. Бирюкова является юмор и ирония, скрашивающая постоянную внутреннюю пассивность влюбленного студента.

Так же детально, точно рисует он Магадан 70-х гг. в повести «Неизвестный Вам Антон», следует за судьбой Нины Дергачёвой в романе «Свобода в широких пределах, или Современная амазонка».

В доброжелательных в целом рецензиях критики не раз прямо или косвенно высказывали упрек А. Бирюкову в том, что автор сбивается на бытописательство. Так, О. Черкасов пишет, что «в искренний, очень доверительный тон повествования вдруг вплетаются случайные, несвойственные лирическому герою интонации» [15, с. 3]. Ник. Евдокимов, как бы извиняясь, замечает, что «А. Бирюков пишет о вещах и событиях мелких, малозначительных» [9, с. 9]. И тут же берет писателя под защиту: «Но это на первый взгляд. Автор повествует о чувствах человеческих с умным сочувствием, без громких фраз» [9, с. 9].

Однако бытописательство бытописательству рознь. Уже в первом сборнике оно не является самоцелью. Для «бытовика» важен момент, фиксирующий ситуацию и героя в ней. Действующие лица в бытовой повести (романе, рассказе) статичны. События в произведении могут развиваться, герои могут оказаться в новых обстоятельствах, но автора постоянно будет привлекать не столько эволюция героя, особенности его характера, интрига, сколько фон, предметы, окружающие персонажей.

У Бирюкова жизненное пространство не просто фон, указывающий место и время действия. Оно пронизано лирическим чувством героя, в котором многое угадывается от автора. Миша чувствует себя «местным патриотом». Не случайно в повести не раз говорится: «моя родная Каляевская…», «наша улица», «настоящий каляевец». О своей «малой родине» он говорит с гордостью, иронией, грустью.

Жизненное пространство главных героев повести раздвигается, мы встречаем их далеко за пределами их квартир (Ленку в мединституте, Мишу в МГУ, на целине; район Каляевской давно стал для них домом родным).

Взаимоотношения героев, особенности их характеров, разницу в их готовности к самостоятельной жизни точно определил А. Черевченко в рецензии «Станция метро «Необитаемый остров»: «Ленка – натура порывистая, своенравная и незаурядная – не может примириться с тем, что ее друг стал свидетелем ее поражения» [14, с. 3] (дважды не прошла по конкурсу в институт). Ее совершенно не устраивает роль всего лишь жены. Она «не хочет на необитаемый остров, она собирается жить среди людей… она в своем юном возрасте куда как более общественно активна… «…вы все меня недооцениваете», – говорит она позднее» [14, с. 3]. (Она настойчива, целеустремленна, трезво смотрит на жизнь, знает, чего ей следует добиваться, у нее есть то, что в быту называется характер, ей «всегда скучно, когда другие веселятся» [14, с. 3], но А. Черевченко, на мой взгляд, все же преувеличивает ее способности и возможности.) «А Михаил в силу своего возрастного эгоизма искренне не понимает причин душевного разлада, который мучит Ленку» [14, с. 3], их разногласий. Он еще витает в облаках, не представляя будущей семейной жизни.

Поэтому вряд ли прав О. Черкасов в рецензии «Знакомство продолжается…», утверждая, что Миша «от эпизода к эпизоду… становится глубже и умудреннее» [15, с. 3].

В повести «Снимем необитаемый остров», как и в «школьной» повести, скрупулезно расписано время. Так, действие в части первой – «Ссора» – происходит летом, в августе («через три недели начинаются занятия» [1, с. 11] у Миши в МГУ), в течение суток; Миша кидается к телефону, ожидая звонка от Ленки, считая часы и минуты (Ленка в очередной раз пытается поступить в мединститут); во второй части – «Танькина свадьба» – мы узнаём, что встречи Миши с Таней продолжаются два года, после первого провала на конкурсе в вуз их «свидания продолжались полгода» [1, с. 20], потом молодые люди стали встречаться реже; «в ноябре, после праздников, КД заболела» [1,с. 25]; «…в конце января Танька, Ленкина подруга, позвала нас на свадьбу» [1, с. 28]; в третьей части – «Похороны» – «после Танькиной свадьбы у нас все сломалось. Мы еще кое-как дотянули до весны. Потом у меня начались экзамены. Дней десять я болтался как неприкаянный и уехал на целину» [1, с. 34]. Возвращается в Москву Миша в середине октября. «Опять была зима… Изредка я видел Ленку, и она меня, наверное, тоже. Но это были не свидания и не встречи даже, а так…

Седьмое ноября мы гуляли своей родной группой, как всегда…» [1, с. 40] «Наш курс в том году перебрался… на Ленинские горы» [1, с. 42] (это был уже 4-й курс Миши), Миша стал встречаться с Тамарой. «В конце мая… позвонила Ленка и сказала, что КД умерла» [1, с. 45].

Такое внимание к приметам пространства и времени нужно автору, чтобы увидеть, как складывается (или, точнее, не складывается) роман молодых людей, как по-разному формируется круг их интересов, приобретается жизненный опыт.

А. Бирюков воспроизводит московский быт 50-х годов, во многом уже ушедший от нас, воспринимающийся сегодня как исторический, оставшийся в памяти старшего поколения. Нужно ли упрекать автора за эту склонность к бытописательству? Нет. Правда, следует отметить, что мир Миши во многом ограничен проблемами личных отношений с Ленкой. Достаточно бурные общественные события второй половины 50-х гг. проходят мимо него.

Вторая повесть **– «Советы улетающим на материк»** с подзаголовком «Окончание короткой истории» – посвящена другу автора Г. Прашкевичу и примыкает к первой.

Ю. Ефименко относит книгу А. Бирюкова к так называемому нравственному направлению в литературе. «Взгляд автора… обращен к основной из ценностей человеческого общения – что мы даем друг другу и насколько именно этим мы нужны близким, друзьям…» [10, с. 151].

По глубине погружения автора в душевное состояние героев эту повесть, скорее, следует отнести к одной из разновидностей лирической прозы, широко распространившейся в литературе 1960–70-х гг., – нравственно-психологической.

«Снимем необитаемый остров», несомненно, лучшее произведение в сборнике.

Повествование снова идет от первого лица. Мы встречаемся с Мишей, но уже спустя 12 лет. Он журналист, женат на Тамаре, летит в Москву, сопровождая «чукотского человека» Петю на совещание молодых передовиков сельского хозяйства. Миша недавно разменял четвертый десяток, относится к себе с иронией, называя «старым больным человеком», что не мешает ему с интересом разглядывать симпатичную стюардессу. Впрочем, с сердцем у Миши, действительно, не всё в порядке.

Мы снова встречаем знакомых героев: Ленку (она замужем, у нее растет Митька, работает она в поликлинике, «от прежней Ленки очень мало осталось в красивой, толстой, самоуверенной женщине» [1, с. 78], «властность только появилась» [1, с. 79]; мама ждет сына с Тамарой в новой трехкомнатной кооперативной квартире, хотя молодые не торопятся уезжать из Магадана.

Миша решил встретиться с Ленкой спустя десяток с лишним лет, однако ничего хорошего из этой встречи не получилось и не могло получиться: это было уже ясно из первой повести. Поэтому и назидательные советы в финале повести также не нужны.

А. Черевченко прав, заметив, что вторая повесть «перенаселена» необязательными героями – Петей Келы, мамой, играющей роль связующего звена между Мишей и Ленкой. По его мнению, А. Бирюков должен был написать новую, самостоятельную историю, поскольку история несостоявшегося романа, по сути, исчерпана уже в первой повести.

В 1978 году А. Бирюков включил в свой третий сборник – «Запах вара» – повесть «Советы улетающим на материк» с видоизмененным подзаголовком «Долгая история в двух частях». Автор объединил в ней свою первую повесть «Снимем необитаемый остров» в качестве первой части и повесть «Советы улетающим на материк» в качестве второй части.

Спустя 30 лет Г. Прашкевич писал, вспоминая о друге: «В 1973 году вышла первая, нежно мною любимая книжка Александра Бирюкова «Снимем необитаемый остров». Она касалась событий мне близких, понятных. Мы ведь были молоды. По-настоящему молоды.

Была в книжке повесть «Советы улетающим на материк».

Саша посвятил повесть мне, но имел в виду вовсе не только меня, как раз тогда перебравшегося на «материк». Он имел в виду того типичного «закаленного пассажира, который неделями тосковал в Анадыре, по месяцу пурговал в Беринговском». И получилось у него невероятно хорошо. И я, как стихи, до сих пор помню концовку этой повести. «Совет первый: если хочешь спокойно жить там, где ты живешь, то не езди в родные края. Совет, я понимаю, бесполезный.

Совет второй: если все-таки поедешь, то постарайся поменьше вспоминать. Тоже бесполезный.

Совет третий и последний: если уж тебе так хочется вспоминать, то не старайся вернуть то, что было, все равно из этого ничего не выйдет. Этому совету можно довериться» [13, с. 65].

Три из пяти рассказов – «Перед праздником», «Переулок Последний» и «Живая рыба» – С. Герасимов отметил как наиболее выразительные [8, с. 4].

Рассказы «**Ты стоишь у окна» и «Переулок Последний»** характерны для так называемой молодежной прозы, популярной в 1960-е годы, после появления первых повестей Вас. Аксенова, Анат. Гладилина, В. Липатова, А. Рекемчука, В. Семина. Да и А. Бирюкову было в то время немногим больше двадцати.

Повествование ведется от первого лица. В рассказчике снова угадывается сходство с автором. В центре «Переулка последнего» – молодые люди, отношения между ними и людьми старшего поколения складываются в соответствии с их возрастом и жизненным опытом. Этим и объясняется жесткая, с изрядной долей цинизма интонация: «Ольге Петровне было далеко за шестьдесят. Жизнь уходила из нее медленно, еле заметно, как застоявшаяся вода из нечистой раковины» [5, с. 110].

Однако эта интонация наносная, внешняя. На самом деле молодые люди увидели, почувствовали одиночество Ольги Петровны, заметили, что «Ольга Петровна никому не написала ни одного письма и сама ни от кого не получила. Ни родных, ни друзей, ни знакомых у нее, по-моему, не было… О прошлом вспоминать не любила» [5, с. 110–111]. Утешением ей были книги с приключениями и путешествиями.

Этот трагический рассказ построен на противопоставлении внешнего и внутреннего. Ключевой для понимания образа Ольги Петровны служит фраза «В джунглях нет обратной дороги». Что стоит за ней? Сожале-

ние о напрасно прожитой жизни? об одинокой старости? О какой-то роковой ошибке, допущенной в прошлом? Ответ остался «за кадром», но чуткий, внимательный читатель почувствует сострадание, которое пережили и молодые герои рассказа.

Обратим внимание на название произведения, помогающее раскрыть авторский замысел. Ольга Петровна живет не на улице, тем более не на проспекте, а в переулке, который к тому же называется Последним. Точнее, она доживает свои дни, всеми забытая, никому не нужная, женщина, которой с состраданием отнеслись лишь молодые постояльцы.

Лирическая интонация присутствует и в рассказе «Ты стоишь у окна». Впрочем, такие рассказы встречались и встречаются довольно часто в молодежной прозе.

Интересно другое. А. Бирюков выбирает не остроконфликтные ситуации, не фигуры незаурядных персонажей, а подчеркнуто обычных героев в житейских ситуациях. Для писателя важен не сюжет, а проникновение в душевный мир героев. Поэтому автор, используя приемы тонкого психологического анализа, стремится «обнаружить за видимым скрытое, спрятанное», и «это «спрятанное» глубже, мудрее, возвышеннее видимого» [8, с. 4].

В рассказе **«Перед праздником»** Инна Владимировна, юрист, инженер по кадрам, накануне Нового года впервые летит в тайгу в кратковременную командировку – везет яблоки. К своей работе она равнодушна, начальник ее раздражает, «она изнывала от свалившейся ответственности и проклинала свою судьбу». Интересы других людей ее не трогают.

«…когда она встретила Сергея, который по горло завяз в работе, она подумала: «Так и должно быть. На нем работа, на мне – семья» [4, с. 128]. Инна Владимировна «стала хорошей помощницей мужу»; дом, семья был для нее местом, где она чувствовала себя уверенно и, как ей казалось, реализовался полностью». «Она с уважением относилась к его работе и к работе вообще, но для себя всегда искала такую, чтобы быть рядом с домом, чтобы рабочий день кончался ровно в шесть, чтобы служебные вопросы лежали по вечерам в папках и не лезли в голову, раз она не на работе» [4, с. 128].

Лететь ей не хочется: боязно, дома ждут семейные предпраздничные хлопоты.

Т. Жарикова в рецензии «Добрый остров» считает, что «в командировке… Инна Владимировна ощутила на какой-то миг свою сопричастность к трудному делу, к людям, живущим в сложных условиях, сочувствие их бедам и маленьким радостям» [11, с. 3]. Но в какой момент это произошло? Когда она возмутилась, что самолет опоздал на два часа и дети в праздник могут не получить яблок? Вряд ли. Скорее, ее возмутило, что она опоздает вернуться вовремя домой.

На новом месте она обходит поселок, знакомится с людьми, узнает их проблемы, встречают ее доброжелательно, но она постоянно поглядывает на небо, ожидая самолет. Однако погоды нет, самолет не прилетает, с каждым часом растет ее раздражение, и в какой-то момент оно прорывается в истерике.

Утром приходит вертолет, она летит домой и в дороге плачет. Что послужило причиной? Может, это слезы облегчения от того, что ей повезло, она успела вернуться к празднику домой? Или слезы досады от того, что чуть не испортили ей предпраздничное настроение? «С каждой минутой все дальше была зимовка, ближе город, дом. Но Инна Владимировна не чувствовала радости» [5, с. 134]. Она вспомнила увлеченного своей работой Санина (кстати, Сергей, ее муж, был таким же). Скорее всего, это слезы обиды на себя, на то, что сама себя она лишила чего-то очень важного, замкнулась в маленьком мирке домашних забот.

Однако автор всё это не объясняет. Душевное состояние героини он передает ее поступками.

Т. Жарикова правильно считает, что, скорее всего, героиня рассказа «прилетит домой и станет прежней Инной Владимировной, потому что привычный ритм жизни опять возьмет верх над ней. Какой жизненный образ! Автор только подводит читателей к выводам: а как вы живете? Может быть, тоже не в полную силу своей натуры и… возможностей?» [11, с. 3].

В одном из писем летом 1960 года другу Е. Владимирову А. Бирюков писал: «…я, кажется, понял логику писательского труда. Берется судьба, это будущая идея. Идея заложена в самой произвольно взятой, но не придуманной судьбе. Эту идею не нужно вкладывать в уста героя. Его поступки будут ожившей идеей. Судьба или сюжет – это скелет, на скелет наращивается мясо. Путем

пересадки от самого себя. Свои наблюдения, детали, точки и запятые, принадлежащие всему человечеству…» [7, с. 34–35].

В рассказе **«Утром, днём, вечером»** сюжета как такового нет. Старый учитель физик Намус бредет по летней Москве, подходит к школе, в которой преподавал. «Когда-то одно это имя повергало в священный трепет пятиклашек и шестиклашек, а у старших оно стояло в одном ряду с именами Джоуля, Фарадея и Эдисона. Намус! Он мог все» [6, с. 137]. Теперь на школьном дворе, где мальчишки играют в чехарду, а девчонки прыгают через мяч, о нем «знают только понаслышке». Но Илья Матвеевич сохранил уважение к своей школе: оглянувшись в последний раз, он на время прячет прихваченную в магазин сумку в водосточную трубу, чтобы появиться у школы в статусе пусть отставного, на пенсии, но учителя. По этой детали читателю становится понятно, что вся жизнь его связана со школой, детьми, что он сохранил чувство собственного достоинства. Он уже не помнит своих учеников, но они вспоминают его с благодарностью. «Ему кажется, что все они, даже мальчики, похожи на его внучку» [6, с. 144].

Когда звенит звонок и школьный двор стихает, он «нагибается над асфальтовой дорожкой. Его рука быстро пишет в ряд формулу за формулой. Он пишет все, что знает. Все трудные задачи, которые не давались даже лучшим ученикам. Пишет быстро, исступленно, не замечая, что мелок уже стесался и асфальт корябает пальцы» [6, с. 143]. Зачем? Он хочет проверить, не забыл ли свои знания и умение, не утратил ли профессиональное мастерство, хочет почувствовать себя, хотя бы на миг, способным встать в строй школьных педагогов.

Если по отдельным деталям можно представить прошлое героя, увидеть то, что ему дорого, значит, образ создан рукой мастера.

Рассказ построен на автобиографическом материале. Имя физика Намуса встречается в «школьной» повести, в школе 178 учился Коля Емельянов, в котором так много от автора. Повествование идет от первого лица. Рассказчику Москва так же дорога, как Намусу его школа, и вместе они (Намус, их школа, Москва) представляют собой образ «малой родины», сложившийся в сознании автора. «…когда мне бывает худо, я иду на угол Новослободской и Подвесков, и притаившийся консервный заводик обдает меня таким безумным ароматом щей, что горести кажутся меньше» [6, с. 140].

Автор вводит себя в круг героев рассказа, его незримое участие в действии вносит лирическое начало в произведение.

В рассказе **«Живая рыба»** главным героем оказалась Наталия Ивановна, дежурная в гостинице. Она воспитывает дочку одна, без мужа, живет небогато, ноги больные, но за работу держится, и не только потому, что боится ее потерять, а потому что она человек ответственный. Живет она в коммунальной квартире, но с неуживчивыми соседями старается не вступать в конфликт: «Лучше не замечать».

Наталия Ивановна принесла из магазина живого карпа, пустила его в таз с водой, надеясь, что он сам собой уснет. Не произошло. Убить его она не смогла – рука не поднялась, отнесла в ванну, т. е. решение проблемы отодвинула на время, надеясь на помощь соседки или сестры. Она женщина добрая. Вот эта доброта и становится главной проблемой рассказа.

По мнению Т. Жариковой, «карп умирает… Погубила его, как это ни парадоксально, слишком мягкая, чрезмерно чуткая душа простой женщины» [12, с. 3]. Согласиться с этим никак нельзя. Во-первых, карпу и так было предназначено быть изжаренным на сковородке. Во-вторых, рассказ заканчивается возгласом дочери: «Подох твой карп – кверху пузом плавает» [3, с. 160]. Поэтому Наталия Ивановна ни прекрасная фея, ни злая колдунья.

Иного мнения о Наталии Ивановне Ник. Евдокимов в статье «Разве можно считать рассказ «непрестижным?»: «…не может убить живого карпа. Экая чудачка! Но чудачка эта воспринимается как образ драматичный, современный. Не сентиментальность живет в ней, не хилая интеллигентщина: и нам, читателям, жалко карпа, как жалко всю беззащитную природу, которую человек убивает, а если и не убивает своими руками, то только охает, видя ее умирание» [9, с. 9].

Того же мнения Ю. Ефименко в статье «О коротких историях»: «Жалость Натальи Ивановны по живому карпу – это продолжение ее натуры, ее… человечности» [10, с. 151]. В нравственно-философском смысле это верно, но в данном конкретном случае критик ошибается.

В рассказе проблема ставится шире, чем просто трактовка образа Наталии Ивановны или оценка ее поступка в отношении карпа. До каких пределов может простираться доброта? Есть ли вообще у доброты какие-то границы? Не превращается ли она в какой-то момент в свою противоположность?

Подводя итоги знакомства с первым сборником А. Бирюкова, можно сделать вывод о том, что писатель выходит на уровень нравственно-философского осмысления темы, не утрачивая стремления к глубокому психологическому анализу поведения своих персонажей.

Библиографический список

1. Бирюков А. Снимем необитаемый остров // Бирюков А. Снимем необитаемый остров. Повести и рассказы. – Магадан : Магадан. кн. изд-во, 1973.
2. Бирюков А. Сладкая отрава, легкая болезнь // Бирюков А. Три негодяя в одном сюжете. – Магадан : Изд. СМУ, 2006.
3. Бирюков А. Живая рыба // Бирюков А. Снимем необитаемый остров. – Магадан : Магадан. кн. изд-во, 1973.
4. Бирюков А. Перед праздником // Бирюков А. Снимем необитаемый остров. – Магадан : Магадан. кн. изд-во, 1973.
5. Бирюков А. Переулок Последний // Бирюков А. Снимем необитаемый остров. – Магадан : Магадан. кн. изд -во, 1973.
6. Бирюков А. Утром, днём, вечером // Бирюков А. Снимем необитаемый остров. – Магадан : Магадан. кн. изд-во, 1973.
7. Владимиров Е. Три портрета друга // Он отдал себя Колыме… – Магадан : Изд. СВГУ, 2008.
8. Герасимов С. [Предисловие] // Бирюков А. Снимем необитаемый остров. – Магадан : Магадан. кн. изд-во, 1973.
9. Евдокимов Н. Разве можно считать рассказ «непрестижным» // Литературная Россия. – 1980. – 22 февраля.
10. Ефименко Ю. О коротких историях // Дальний Восток. – 1974. – № 6.
11. Жарикова Т. Добрый остров // Магаданский комсомолец. – 1973. – 25 декабря.
12. Николаев К. Антон и амазонки... // Территория. – 1991. – 14 мая.
13. Прашкевич Г. Локоть друга… // Он отдал себя Колыме… – Магадан : Изд. СВГУ, 2008.
14. Черевченко А. Станция метро «Необитаемый остров» // Магаданская правда. – 1973. – 22 декабря.
15. Черкасов О. Знакомство продолжается: По страницам альманаха «На Севере Дальнем» // Магаданская правда. – 1972. – 27 июля.

R

УДК 801.3

ИЗ ИСТОРИИ НАЗВАНИЙ КОРАБЛЕЙ ОХОТСКОЙ ФЛОТИЛИИ («АЛЕКСЕЙ, БОЖИЙ ЧЕЛОВЕК»)

А.И. Семёнов

Сегодня при изучении названий русских военных кораблей обычно ученые рассматривают отдельные периоды в истории отечественного флота, наиболее исследованным оказывается сейчас петровское время. Почти нет монографий обобщающего характера, в которых имена кораблей исследовались бы на протяжении всего времени существования отечественного военно-морского флота. Некоторое исключение представляет собой научно-популярная работа «Имя на борту», опубликованная Ю.С. Крючковым свыше двадцати лет назад [5]. Эта книга посвящена в основном истории названий кораблей эпохи паруса. Автор попытался не только объяснить происхождение многих названий, но и предложил свой исследовательский понятийный аппарат, послуживший основой для реконструкции системы корабельных имен. Однако обнаруженные автором номинативные закономерности получают статус непреложных законов, что иногда приводит к ошибкам. Приведем одно из важнейших положений, выдвигаемых Ю.С. Крючковым: «Основной особенностью системы было беспрекословное требование соответствия имени рангу корабля» [5, с. 9]. Сомнения вызывает необщая закономерность в наименовании, связь между рангом корабля и его именем, проблема в абсолютизации обнаруженной закономерности, в вере ученого в «беспрекословное требование» данного соответствия.

Примером уязвимости подобной «беспрекословности требования» служит объяснение происхождения названия одного из судов Охотского военного порта – «Алексей, Божий человек». Ю.С. Крючков пишет: «В списке судов парусного флота в составе Сибирской флотилии состоял бот с названием «Алексей, Божий человек», купленный в 1788 г. Это единственное судно с таким названием за всю историю русского флота» [5, с. 127]. Отметим, что Ю.С. Крючков указывает только на один факт из истории этого корабля: его приобретение для военной флотилии в 1788 г., также подчеркивается уникальность этого наименования. Заметим, что наименование «Сибирская флотилия» принято относить к подразделению русского флота, сформированному в 1856 г. в Николаевске на основе соединения, которое с 1731 г. имело своей базой Охотск, а в 1850–1855 гг. – Петропавловск. Более корректно использовать название «Охотская флотилия» (впрочем, и этот термин поздний, относится, видимо, к 1-й половине–середине XIX в.).

Интересующий нас бот был назван в честь одного из самых почитаемых в православном мире святых. Алексий, человек Божий, отказавшийся от всех мирских благ, стал для христиан примером смирения и терпения. Он вырос в знатной и очень богатой римской семье. Перед венчанием оставил свою невесту, бежал от родителей, прожил много лет нищим, помогая страждущим. Скитания привели его вновь в родительский дом, где он, неузнанный, прожил еще 17 лет, пребывая в посте и молитве. Он выполнял самую грязную работу в отчем доме, над ним постоянно издевались слуги. Кем он был, открылось после его смерти. В царствование Алексея Михайловича, небесным покровителем которого был Алексий, человек Божий, почитание святого стало особенно заметным на Руси [7, с. 8–12].

Приступая к объяснению происхождения названия данного бота, Ю.С. Крючков обнаруживает противоречие между низшим рангом судна и принадлежностью его имени к высшему уровню иерархии, при этом переключается с религиозного мотива на монархо-династический: «Ясно, что имя столь малому судну и в столь «забытом богом» уголке Российской империи было дано не в память о царе Алексее Михайловиче, отце Петра I, начавшем строительство судов. В память Алексея Михайловича был назван линейный корабль «Алексей», спущенный в 1790 г. И хотя год его спуска совпадает со 100-летием со дня рождения царевича Алексея Петровича (1690 г.), вряд ли Екатерина II, столь ревностно продолжавшая дела Петра Великого, рискнула бы оскорбить его память, дав имя опального царевича крупному кораблю. Скорей всего название «Алексей» перешло к кораблю от придворной яхты, спущенной в 1777 г. и названной в память Алексея Михайловича, умершего в 1676 г.» [5, с. 127–128]. Отметим, что здесь в рассуждениях Ю.С. Крючкова впервые появляется имя сына Петра I. Добавим, что нет каких-либо ссылок на источники, которые бы подтвердили факт присвоения имени «Алексей» линкору и «придворной яхте» в честь отца Петра I. Далее Ю.С. Крючков пытается связать название охотоморского судна с образом несчастного Алексея Петровича: «И все же, откуда этот одинокий “Алексей, Божий человек”? В Большой энциклопедии (1900 г.) говорится, что Алексей – «лишившийся добровольно мирских благ и подвергший себя, Христа ради, всевозможным унижениям в доме родного отца». Отсюда ассоциация с положением царевича Алексея Петровича, который выступил против деяний Петра I (в защиту, якобы, русской церкви и старых обычаев), подверг себя унижениям и гонениям в доме отца. Название «Алексей, Божий человек», по-видимому, поздний отголосок памяти об Алексее Петровиче (70-летие казни, 1718 г.). Это подтверждается и самым низким рангом судна (небольшой бот), которому было дано имя, и отдаленностью флотилии, в которой судно проходило службу как бы в ссылке. Известно, что после казни тело Алексея Петровича было захоронено под лестницей, ведущей на колокольню Петропавловского собора, вдали от пышных гробниц русских царей и цариц» [5, с. 128].

Единственным источником сведений о русских военных судах на Тихом океане в XVIII – первой половине XIX в. для Ю.С. Крючкова является знаменитый труд Ф.Ф. Веселаго [2]. Несмотря на значимость этой работы, ее одной недостаточно: в ней об интересующем нас боте сведений почти нет, можно узнать лишь, что он «куплен в 1788 г.» и «разобран в 1801 г.» (ничего не говорится о датах постройки, размерах корабля и пр.) [2, с. 724–725].

А.С. Сгибнев и А.И. Алексеев сообщают о том, что бот «Алексей» был приобретен у купцов Пановых за 10 000 рублей в 1788 г. На момент покупки этого судна для нужд Охотского порта, задачей которого было снабжение портов в Охотском и Беринговом морях, с корабельным составом сложилась тяжелая ситуация. Некоторые суда погибли в кораблекрушениях, другие были списаны из-за ветхости, в 1787 г. несли службу только два судна. Первоначально количество кораблей увеличили за счет приобретения за 14 000 рублей в 1787 г. у купца Кузнецова бота «Св. Николай», который, к несчастью, разбился в ноябре 1787 г. Вновь было решено купить у купцов судно, так в дальневосточной флотилии и появился «Алексей». Беды, происходившие в Охотском порту, А.С. Сгибнев и А.И. Алексеев объясняют отчасти и тем, что в это время Охотском руководят «сухопутные» начальники (военный комендант полковник Козлов-Угренин и ведавший гражданскими присутственными местами коллежский асессор Кох). Они мало интересовались морскими делами, больше занимались поборами, казнокрадством, рукоприкладством и прочими неблаговидными, но привычными делами, что немало способствовало их личному обогащению [1, с. 92–94; 9, с. 61–64, 76, 78–79]. Менее всего эти люди заботились об увековечении в корабельном имени памяти царевича Алексея Петровича. Сведений о каком-то особенном отношении упомянутых охотоморских начальников к сыну Петра I не обнаружено. Сомнительно, чтобы государственные чиновники, рискуя потерять свои насиженные места, смогли бы пойти против официальной версии гибели Алексея Петровича. После смерти царевича было объявлено, что он умер «от апоплексии». Апологетически настроенные биографы Петра I утверждают также, что перед своей скоропостижной кончиной царевич был прощен отцом. Впрочем, слухи о насильственной смерти сына Петра I появились быстро, и официальная пропаганда, конечно, с ними боролась [3, с. 118–130].

Имеющиеся в нашем распоряжении исторические сведения о судьбе бота «Алексей», несмотря на свою неполноту, свидетельствуют о том, что указанные охотские чиновники вообще не имели отношения к появлению имени данного бота. Этот корабль оказался во флотилии до определенной степени случайно, при ином стечении обстоятельств он продолжил бы ходить на промысел к Алеутским островам. Перечисляя суда, находившиеся в составе Охотской флотилии в 1800 г., А.С. Сгибнев называет этот бот «двадцатилетним старцем», возможно, у исследователя были какие-то сведения о том, когда этот корабль был построен еще в качестве купеческого судна [9, с. 76]. Возможно, бот спущен на воду около 1780 г. З.Н. Зубкова и Р.В. Макарова приводят сведения о том, что судно «Алексей», принадлежавшее купцам Пановым, ходило на промысел на Алеутские острова в 1781–1786 гг. (мореход Е. Деларов, передовщик Коренев) [4, с. 41; 6, с. 186]. При включении в состав Охотской флотилии интересующий нас бот не переименовывали, судно служило под тем же названием, которое присвоили ему прежние хозяева. Можно, конечно, заподозрить в вольнодумстве купцов Пановых, но сравнение названий купеческих судов второй половины XVIII в. показывает, что это имя совершенно соответствует дальневосточной ономастической практике того времени. В подавляющем большинстве на Тихом океане купцы нарекали свои суда в честь святых и церковных праздников [6, с. 182–187]. Итак, при объяснении происхождения названия интересующего нас корабля от гипотезы, связанной с образом Алексея Петровича, следует отказаться.

В документах и в исторических исследованиях имя интересующего нас корабля приводится по-разному: «Алексей, Божий человек», «Св. Алексей», «Алексей» (употребление церковной формы «Алексий» не обнаружено). Компоненты названия могут меняться местами, так, в рапорте И. И. Биллингса от 12 сентября 1789 г. можно найти вариант «Алексей, человек божий» [8, с. 255–256]. В опубликованных документах (обычно в современном графическом оформлении) и в исследованиях полное имя этого корабля представлено несколькими вариациями: после первого компонента ставят запятую (см. приведенный выше пример из письма И.И. Биллингса), тире (см. работу А.И. Алексеева [1, с. 94]) или вовсе обходятся без пунктуационных знаков. Последний вариант можно считать традиционным, его используют, например, авторы наиболее авторитетных справочников по корабельному составу русского парусного флота – Ф.Ф. Веселаго и

А.А. Чернышев (см. [2] и [12]). В XVIII в. вариативность корабельных названий, образованных от имен святых и наименований церковных праздников, является обычным делом в русской ономастической практике. Например, название одного из наиболее известных охотоморских судов XVIII столетия, «Святой архангел Гавриил» (бот, прежде всего, известен как судно 1-й Камчатской экспедиции В. Беринга), в официальной переписке XVIII в. чаще представлено в сокращенном, измененном виде: «Св. Гавриил», «Гавриил», «Гаврила», «Гаврил», «Санкт Гавриил» [10, с. 35–36].

Итак, происхождение названия бота флотилии Охотского порта, предложенное Ю.С. Крючковым, плохо соотносится с теми немногочисленными фактами, которые удалось найти в литературе.

Ю.С. Крючков, сосредоточившись на иерархических, «вертикальных» связях, почти не уделяет внимания «горизонтальным» отношениям, например, изучению специфики ономастических явлений в территориальных подразделениях флота. Долгое время (XVIII – первая четверть XIX в.) в ономастиконе Охотской флотилии ведущая роль принадлежала названиям религиозного характера, затем они были вытеснены «региональными» именами, такими, как «Охотск», «Гижига», «Камчадал» [11]. Для Охотской флотилии не было нужды строить линейные корабли, с задачей снабжения дальневосточных портов вполне справлялись небольшие транспортные суда низших рангов, для именования которых, как выясняется, активно применялись «религиозные» названия, т. е. использовались наименования, которые, по Ю.С. Крючкову, могли быть только у кораблей высших рангов. Перед нами региональная особенность в употреблении общерусской ономастической модели. Ее активное функционирование является частью ономастического освоения дальневосточных территорий. Эти имена отражали официальную идеологию, соответствовали мировоззрению русских моряков того времени. Имена этой тематической группы также были очень распространены и среди русских купеческих судов на Тихом океане. Действительно, интересующее нас корабельное имя лишь один раз встретилось в истории русского военного флота, но во флотилии Охотского порта (а первоначально и среди названий купеческих судов) на фоне других имен данной тематической группы оно уже не выглядит столь «одиноким». Важно видеть в присвоении данного имени следование той номинативной практике, которая сложилась во второй половине XVIII в. на Дальнем Востоке.

Более внимательное изучение корабельных названий, распространенных в территориальных подразделениях русского военного флота, будет способствовать более полному описанию общей ономастической системы судовых имен, гораздо яснее представит существовавшие в прошлом и развивающиеся сегодня системные связи в этой области ономастики, позволит также уточнить сведения, собранные в книге Ю.С. Крючкова.

Библиографический список

1. Алексеев А.И. Охотск – колыбель русского Тихоокеанского флота. – Хабаровск, 1958.
2. Веселаго Ф.Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. – СПб., 1872.
3. Голиков И.И. Деяния Петра Великого… – Изд. 2-е. – Т. 7. – М., 1838.
4. Зубкова З.Н. Алеутские острова: Физико-географический очерк. – М., 1948.
5. Крючков Ю.С. Имя на борту. – М., 1989.
6. Макарова Р.В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. – М., 1968.
7. Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия. – М., 2001. – Т. 2.
8. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. : сб. документов. – М., 1989.
9. Сгибнев А.С. Охотский порт с 1649 по 1852 г. (Исторический очерк) // Морской сборник. – 1869. – № 11. – С. 1–92.
10. Семёнов А. И. Гавань Святого Гавриила // Во тьму филологий влазьте… : сб. науч. статей. – Магадан, 2009. – С. 29–39.
11. Семёнов А.И. Названия кораблей Охотской флотилии, образованные от имен святых // Духовно-нравственное воспитание в региональном культурно-образовательном пространстве: сб. докл. IX обл. Рождеств. образоват. чтений (Магадан, 27–28 февр. 2009 г.). – Магадан : Изд-во СВГУ, 2009. – С. 265–269.
12. Чернышев А. А. Российский парусный флот: Справочник: в 2 т. – М., 2002. – Т. 2.

УДК 82(091)

ПУТЕВЫЕ ПОВЕСТИ И. БАЛАЕВА В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИЙ ЛИРИКО-ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЗЫ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ

М.А. Юрина

Документальная путевая проза северо-восточного региона России имеет давнюю историю и богатые традиции, зародившиеся еще в произведениях писателей конца XIX – начала XX в. В. Серошевского и В. Тана-Богораза. На протяжении прошлого столетия эти традиции усваивались, приобретали новое проблемное и художественное наполнение в произведениях Т. Семушкина, Вл. Леонтьева, А. Бирюкова и других авторов. Особую исповедально-романтическую окраску тенденция документального отражения жизни Северо-Востока России получила в повестях О. Куваева и А. Мифтахутдинова. Эти писатели чутко уловили и подхватили важные особенности развития русской прозы 60-х гг. XX в. – лирической (В. Солоухин, О. Берггольц, В. Катаев), «молодежной» (В. Конецкий, А. Битов, Ю. Казаков) и «природоведческой» (К. Паустовский, М. Пришвин, В. Бианки).

Своеобразный синтез различных художественных влияний и «скрещиваний» послужил фундаментом для возникновения принципиально нового литературного явления в региональном историко-культурном процессе: лирико-документального приключенческого повествования о жизни Северо-Востока России. Насыщенное романтическим пафосом, оно, с одной стороны, внесло значительный вклад в развитие отечественной литературы, а с другой – вдохновило целый ряд последователей. Среди них – один из северных писателей-«природоведов» Николай Петрович Балаев. Автор незаурядных путевых повестей, наполненных пафосом защиты природы региона («Солнечные птицы» (1987), «Там, за холмами» (1987), «Бурый призрак Чукотки» (1988)), он был лично знаком с О. Куваевым и А. Мифтахутдиновым, являлся почитателем их таланта и ярко, талантливо развил, обогатил их традиции.

Близость путевых произведений Н. Балаева и «первооткрывателей» северной лирико-романтической прозы проявляется как в некоторой идентичности тематики, так и схожести художественного мира и, прежде всего, сюжетно-композиционной структуры: общей этологической направленности повествования, подобии экспозиций, наличии авторских отступлений-пояснений, документальных ретроспекций и включений, лирических размышлений... Так, например, важным экспозиционным элементом у писателей является описание некоей географической «загадки», «легенды», которая настолько захватывает, привлекает пытливый ум путешественника, что заставляет немедленно приступить к ее исследованию. У О. Куваева это таинственная розовая чайка («Птица капитана Росса»), поверье о «серебряной», «загадочно не тающей мягкой горе» («Не споткнись о полярный круг»), попытка исследовать сказочную, таинственную «страну минералов», «магических» мидий («Зажгите костры в океане»). У А. Мифтахутдинова – задача разведать тайны «маленького земного шара» («Очень маленький земной шар») или «добыть» чукотского божка Кереткуна и «найти другие редкие предметы материальной культуры» [2, с. 71] чукчей и эскимосов, разведать зону ареала тюленей и найти следы знаменитого Алитета («Орден Костяной Пластинки»).

Н. Балаев обычно так же, как и его соратники, говорит о «легендарной» загадке, побудившей героев отправиться в путешествие. Чаще всего содержание этой чудесной «тайны» намечается уже в заглавии произведения: в «Солнечных птицах» – поверье о невероятных птицах, не улетающих на юг, а «где-то» впадающих в зимнюю спячку до первых лучей весеннего солнца; в «Буром призраке Чукотки» – предание о могучем Кадьяке, огромном буром медведе, обнаружить которого пытался, как пишет автор, сам Олег Куваев. Однако сам способ «заявки» этих таинственных фактов у Н. Балаева своеобразен, отличен от манеры его предшественников. Автор старается максимально заинтриговать читателя и использует для

этого особые композиционные приемы. Так, повесть «Солнечные птицы» имеет короткую, сжатую экспозицию: это диалог, в котором персонажи узнают о таинственных необычных птицах, дают им определение («солнечные»), выражают свое недоверие к рассказу собеседника, однако сразу же собираются в дорогу, чтобы проверить полученные сведения. В «Буром призраке Чукотки» загадка основана на внезапно испытанном героями страхе от фантастического видения огромного, «с сопку», животного, похожего на Кадьяка. На протяжении повести этот страх подкрепляется подтверждающими легенду эпизодами-«встречами» других персонажей со страшным зверем.

Путевые произведения О. Куваева и А. Мифтахутдинова содержат приключенческие сюжетные элементы: без них не обходятся, например, описание жизненного пути главного героя «Птицы капитана Росса» или повествование о полных опасностей и лишений изысканиях геологов в «Очень маленьком земном шаре». У Н. Балаева компонент авантюры не только подхватывается, как дань традициям его старших товарищей, но и усиливается, даже несколько утрируется. Иногда путевая повесть превращается у художника едва ли не в особого рода «детектив». Герои проводят своеобразное «расследование», собирая «показания свидетелей» и разнообразные «улики» – факты, подтверждающие или опровергающие ту или иную гипотезу.

Так, в повести «Бурый призрак Чукотки» сын и жена рассказчика неожиданно являются свидетелями шествия огромных зверей-«мамонтов», а поведение испугавшихся собак только подтверждает реальность этой встречи. Персонажи, подобно героям классического детективного или научно-фантастического романа, пытаются найти ей достоверное объяснение: говорят об иллюзии, «рефракции», однако отвергают эту гипотезу. Преодолевая страх перед неведомым, они безуспешно пытаются исследовать «улики»-следы животных и не находят объяснения загадки. Затем участником страшного столкновения становится друг семьи Рентгенолог, пришедший от встречи со страшным существом в такой ужас, что его руки «намертво» деревенеют. Тут же выясняется, что неведомым зверем является медведь фантастического размера и причудливой окраски: «бело-рыже-красно-фиолетовый». Атмосфера таинственности и страшной опасности усиливается благодаря нарастанию различных гиперболических слухов и легенд о Кадьяке, облетевших окрестность. Впоследствии одно из поселений посещает и повергает в трепет «силуэт огромного зверя» с невероятными, чудовищными контурами: «…походил на медведя, но голова была непомерно огромной, и она торчала далеко впереди на длиннейшей шее и свисала к самой земле» [1, с. 37].

А между тем рассказчик, как истинный исследователь, кропотливо собирает свидетельства, выслушивает «показания» еще одного «потерпевшего», не преминувшего, в свою очередь, подчеркнуть ужасающее впечатление от внешности зверя: «…а ко мне морда. Во!.. Рыжая! Язык желтый! Глаза в огне! И одного уха начисто нет!» [1, с. 41]. И в результате определенных умозаключений, сверки слухов, исследования звериных следов, благодаря знаниям натуралиста повествователь приходит к вполне реалистическому объяснению событий: героем необыкновенных происшествий явился Умка, белый медведь, вымазавшийся в красных болотах.

Важно заметить, что сюжет повести по своей структуре и эмоциональному накалу несколько смыкается с традиционным детективным, однако события произведений Н. Балаева, конечно, обходятся без кровавых подробностей и посвящены совсем иному: их основная загадка не в раскрытии преступления, а в разведывании интригующей тайны природы. И поэтому главным повествовательным стержнем книг писателя является рассказ о жизни обитателей северной земли, наполненный волнующей лирико-романтической аурой. И в этом Н. Балаев снова неизменно сходится со своими коллегами: О. Куваевым и А. Мифтахутдиновым. Возвышенный пафос их произведений присутствует уже в самих заглавиях – гиперболичных и масштабных: «Не споткнись о Полярный круг», «Зажгите костры в океане», «Очень маленький земной шар». Север часто идеализируется обоими авторами: в их ранних путевых произведениях почти нет отрицательных персонажей. Перед читателем предстают истинные романтики Севера, восторженно встречающие на своем пути каждое новое явление, героически преодолевающие тяготы путешествия.

Повести О. Куваева и А. Мифтахутдинова проникнуты и романтической символикой. Так, у О. Куваева часто возникают образы птиц, огоньков, костров, воплощающие духовное начало, мотив пути, поиска истины («Весенняя охота на гусей», «Птица капитана Росса», «Зажгите костры в океане» и др.). Образ костра, света также символичен и у А. Мифтахутдинова. Он возникает в одном из авторских отступлений повести «Очень маленький земной шар» и получает особую смысловую нагрузку в «Ордене Костяной Пластинки»: возникающий в «Главе открытий» образ маяка видится своеобразным символом северного товарищества, верности, стремления к мечте.

Романтическая атмосфера повестей Н. Балаева, согласно утвержденной его соратниками традиции, также присутствует в интригующих, наполненных поэзии заглавиях и общей интонации повествования. Герои не перестают восхищаться красотами природы, восторженно пускаются в приключения, проникаются легендами и поверьями Севера, дают поэтические определения и имена встретившимся им на пути явлениям. Так, таинственных птиц они называют не только «солнечными», но и «сказочными», светившиеся во тьме огни в их представлении – «Летучий Огонь и его Огнята», одно из лесотундровых мест – «царство таинственной Нутэнут», «страна туманов» («Солнечные птицы»); торжествующий удачную охоту медведь – «Умка-победитель», похожий на «пирата после добычи», он же и «бурый призрак», и «Великий скиталец» («Бурый призрак Чукотки»).

Романтика ощущается и в наличии наполненных возвышенным пафосом сцен. Так, в повести «Солнечные птицы» поистине поэтичной и торжественной видится сцена подвижнического спасения своего племени старым горным бараном, бывшим Вожаком, от, казалось бы, неминуемого нападения голодных волков. Патетическим пафосом наполнены у Балаева и другие наиболее значимые сцены и эпизоды: торжественное празднование удачной охоты Умкой («Бурый призрак Чукотки»), встреча героев с невиданными птицами, не улетающими на юг («Солнечные птицы») и другие.

Сближает произведения Н. Балаева и основоположников северной лирико-документальной прозы и глубоко взволнованный, полный любви и нежности к природе голос автора. Повествователь искренне недоумевает и негодует по поводу варварского отношения некоторых современников к Северу и его обитателям, рассказывает о своих изысканиях, научных открытиях, делится с читателем соображениями о происходящем. Автор стремится быть максимально объективным, однако и в его интонации иногда «прорываются» трепетные ноты: «Местопребывание белого медведя очень специфично. Оно постоянно в движении: льды ломаются, одни исчезают, другие родятся заново… Поэтому у белого медведя нет четко очерченной территории, как у его наземного бурого собрата… Белый медведь вполне заслуживает данное ему прозвище – Великий скиталец» [1, с. 49]. В финале каждого произведения звучит некоторое сожаление о том, что разгадка того или иного секрета найдена и приходится расставаться с легендой. И все же герои не теряют надежду на новые приключения и тайны: «Хорошая страна. Тут, наверное, еще есть всякие тайны. – Да весь белый свет сделан из сплошных тайн, – кивнула жена. – Очень хороший этот белый свет, – сказал сын» [1, с. 120]. Такое же сожаление, наряду с восхищением сделанными открытиями, мы наблюдаем и в финалах путевых повестей О. Куваева и А. Мифтахутдинова, что также свидетельствует о близости произведений авторов.

Таким образом, путевые повести Н. Балаева 80-х гг. XX в. органично вливаются в общий поток лирико-документальной прозы Северо-Востока России, включают некоторые литературные традиции региона и одновременно свидетельствуют о незаурядном даровании прозаика, оригинальности его творческой манеры.

Библиографический список

1. Балаев Николай. Бурый призрак Чукотки : Повести, рассказы. – М., 1991.

2. Мифтахутдинов А. Очень маленький земной шар : Повесть и рассказы. – М., 1972.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334.2

ПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: К ПОПЫТКЕ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ОСНОВНЫХ КОНЦЕПЦИЙ[1]

А.В. Вторушина

Попытки изучить различные аспекты потребления продуктов питания предпринимались в рамках многих научных дисциплин, среди которых можно назвать антропологию, экономику, диетологию, маркетинг и пр. В социологии же интерес к данной тематике возник сравнительно недавно, при том, что о важности изучения питания как социальной практики в свое время писал еще русско-американский ученый П.А. Сорокин, указывая на ту роль, которую играет нехватка продовольствия в увеличении случаев девиации (преступности, взяточничества, вымогательства и пр.), и как следствие, в развитии социальных и политических катаклизмов. Голод, по словам ученого, не только усиливает апатию и индифферентность, он вызывает рост девиантного поведения, подавляет инстинкт самосохранения, деформирует психосоциальное «я» личности [14, с. 467].

Целенаправленный интерес обществоведов и культурологов к изучению телесных практик, связанных с питанием, возрос с возникновением собственно социологии потребления. Разработку подходов, направленных на изучение потребления пищи, осуществил ряд известных ученых XIX–XX вв. Среди них: Т. Веблен, П. Бурдье, Дж. Ритцер и др. Однако, несмотря на активизацию интереса к данной тематике, четко оформленные и законченные социологические концепции, характеризующие практики питания, как в западной, так и в отечественной социологии, так и не сложились.

В данной статье мы попытаемся систематизировать все подходы, а также отдельные научные взгляды, идеи, концепции, которые разрабатывали (-ют) различные ученые в качестве моделей интерпретации потребления продуктов питания. При этом надо отметить, что общей, объединяющей для всех этих моделей является мысль о питании не столько как физиологическом сколько социальном и культурном процессе.

В результате проведенного анализа научной литературы мы пришли к следующей классификации взглядов, определяющих специфику социологического анализа практик питания.

1. Классовый подход (П. Бурдье, Д. Саутертон, М. Уокер, Ю. Захарова, А. Голова и пр.), анализирующий практики питания через концепты образа и стиля жизни.

2. Структуралистский (семиотический) подход (С. Лич, К. Леви-Стросс, С. Кириленко и др.), рассматривающий потребление продуктов питания как дискурс, систему знаков и символов, создающую основу для коммуникации в обществе.

3. Культурологический подход, рассматривающий практики питания через концепт «культуры питания» (С. Лич, А. Гофман, А. Муратова, П. Расионеро и др.).

4. Феноменологический подход, рассматривающий потребление продуктов питания как одно из составляющих процесса конструирования «жизненного мира» индивида, как смыслопорождающую практику и одновременно практику, наполненную множеством социальных значений (С. Алехандро, Ж. Рёкерт-Джон, М. Трёнингер, Б. Халькиер, Е.Ю. Ганскау и др.).

5. Интеракционистско-ролевой подход, рассматривающий потребление продуктов питания как сферу социальной интеракции, в процессе которой происходит передача и освоение социального опыта различными акторами (К. Вульф, В.И. Ильин и др.).

Кратко остановимся на каждом из перечисленных выше подходов. Наиболее значимой фигурой, представителем классового подхода, на наш взгляд, является П. Бурдье. Так, в своей концепции вкуса ученый обращает внимание на то, что устойчивое воспроизводство определенных практик питания выглядит как стратегия, но при этом может не быть продуктом никаких стратегических намерений, а скорее делом привычки, усвоенной инкорпорированной ментальной

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке Северо-Восточного государственного университета.

схемы, выраженной в здравом смысле и манерах поведения человека [2, с. 14]. При этом вкусы преобразуют физические свойства потребительских благ в символические выражения классовых позиций.

Другой важный момент в анализе П. Бурдье – различение «формы» и «содержания» в потреблении. С точки зрения ученого, «содержание» отражает функциональное использование: то есть принимать пищу для того, чтобы не испытывать чувство голода. «Форма» же касается главным образом процесса сервировки, порядка подачи блюд, а также других ритуалов [3, с. 137].

П. Бурдье пишет также, что для высших классов в потреблении продуктов питания значительно важнее форма, тогда как для низших классов – содержание, подразумевая при этом под классами группы, ранжированные по общей сумме аккумулированных капиталов всех видов (социального, культурного, символического и пр.).

Рассматривая тело как наиболее очевидную материализацию вкуса, П. Бурдье указывает, что восприятие различными классами тела и воздействия на него потребляемой пищи различаются. Так, рабочие классы отдают предпочтение силе и покупают дешевые, питательные пищевые продукты, в то время как профессионалы (средний и высший классы) скорее концентрируются на здоровье, предпочитая вкусную, здоровую, легкую и нежирную пищу [3, с. 138]. П. Бурдье также отмечает существование взаимосвязи вкуса к определенным блюдам с концепцией полового разделения труда и экономикой домохозяйства.

Идеи о классовой природе практик питания являются довольно распространенными в западной и отечественной социологии. Так, в результате ряда исследований некоторыми учеными за рубежом были сделаны значимые обобщения о наличии корреляции между потреблением продуктов питания и позициями, занимаемыми индивидами в социальной структуре общества [6, с. 93–94].

Среди российских исследований можно назвать работу Ю. Захаровой, которая направила свой научный интерес на изучение стилей потребления россиян, где под стилем потребления понимаются сознательные, устойчивые предпочтения определенных наборов продуктов питания и отказ от других в пространстве соответствующей социальной структуры. Она провела ряд интервью с представителями различных социальных слоев с целью выявления статусных особенностей их питания. В результате проведенного исследования Ю. Захаровой было установлено, что потребление продуктов в основных стратах современного российского общества дифференцировано по следующим параметрам: предпочитаемый набор продуктов; усилия, затрачиваемые на приготовление еды; отличие питания в будние и выходные дни, отличие праздничного и повседневного питания; манеры, традиции, ритуалы, связанные с приемом пищи; питание вне дома [6, с. 93–109].

Особым образом стоит упомянуть в данном контексте исследования, посвященные изучению связи здорового образа жизни и практик питания (К. Хупкенс, М. Томлинсон, В. Тапилина и пр.). В частности, К. Хупкенс рассмотрел классовые различия мотивов выбора продуктов и норм пищевого воспитания [6, с. 94]. Основной гипотезой при этом послужило ее предположение, что высшие и средние классы (учитывая и уровень образования) предпочитают более «здоровые» практики потребления продуктов и напитков, чем низшие.

В социологической науке также были предприняты попытки определить особенности практик питания не только в стратификационном срезе структуры общества, но и в географическом (специфика потребления продуктов питания в различных регионах мир, страны и пр.). Так, отечественные социологи на базе данных официальной статистики выделили следующие типы питания: мегаполисное, городское, огородно-деревенское и промыслово-скотоводческое [12].

Среди представителей структуралистского направления наиболее заметными фигурами являются Э. Лич и К. Леви-Стросс. В частности, интересным, на наш взгляд, является подход к потреблению пищи, сформулированный Э. Личем. В своей работе «Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов» он рассматривает питание как элемент культурной, а иногда и сакральной практики. Например, тот способ, которым человек готовит кофе, и те приспособления, которые он использует при этом, несут информацию о его культурном багаже. Иными словами, все разнообразные невербальные параметры культуры, такие, как пища, приготовление еды и пр., – организованы в модельные конфигурации так, чтобы включать закодированную информацию по аналогии со звуками, словами обычного языка [11, с. 162].

К. Леви-Стросс в своей работе «Структурная антропология» анализирует национальную кухню как разновидность языка, которая может быть аналитически разложена на составные элементы, называемые «густемами», сгруппированными согласно некоторым структурам по принципу противопоставления и корреляции. Так, различия между английской и французской кухнями антрополог выражает посредством трех противопоставлений: эндогенная/экзогенная (т. е. исходные продукты местные или привозные); центральная/периферийная (основная еда и сопровождающие ее продукты); маркированная/немаркированная (т. е. вкусная или безвкусная). В английской кухне, например, основные блюда из местных продуктов готовятся невкусно, эта пища сопровождается употреблением блюд, приготовленных на основе импортных продуктов, все различительные ценности которых носят существенно маркированный характер (чай, фруктовый торт, апельсиновый мармелад, портвейн). Во французской кухне, напротив, противопоставление эндогенная/экзогенная очень незначительно или вообще исчезает, и одинаково маркированные «густемы» оказываются скомбинированными между собой как в центральных позициях, так и в периферийных.

К. Леви-Стросс также интересуется вопросом, применим ли подобный способ определения национальных практик питания по отношению, например, к китайской кухне, если ограничить свой анализ предыдущими оппозициями. По мнению ученого, это возможно, если ввести другие противопоставления, такие, как, противопоставление кислое/сладкое, которых нет во французской кухне. Кроме того, французская кухня диахронична (одни и те же противопоставления не имеют места в различные моменты приема пищи), китайская же кухня мыслится в синхронии, то есть одни и те же противопоставления способны образовать все составные части какой-нибудь трапезы [10, с. 32–36].

Для построения исчерпывающей по своей полноте структуры, рассуждает далее К. Леви-Стросс, следовало бы еще обратиться к другим противопоставлениям, например, между жареным и вареным мясом, играющим столь большую роль в кухне поселений Центральной Бразилии. Наконец, некоторые несовместимости вполне сознательно допускаются определенной социальной группой и являются нормативными: горячительный продукт/прохладительный продукт; молочный напиток/алкогольный напиток; свежие фрукты/фрукты в состоянии брожения и т. д.

В итоге, К. Леви-Стросс на основе рассуждений о практиках питания в различных культурах, задает проблемное поле и для будущих антропологических и социологических исследований: необходимо выяснить, обнаруживаются ли оппозиционные структуры, выявленные в национальной кухне, в других сферах того же общества или различных обществ. По мнению ученого, если удастся установить общность этих струткур для нескольких сфер, то можно будет делать заключение о наличии значимых ценностей, бессознательных установок, господствующих в данном обществе или в данных обществах [10, с. 37].

«Сложность исследования символического значения пищи, как и других предметных реалий культуры, связана с тем, что она не создана специально для передачи сообщений. Специфика знаковых свойств бытовых предметов определяется их промежуточным положением между миром утилитарным и миром символическим», — так пишет отечественный исследователь С. Кириленко, основные взгляды которого на практики питания также скорее выражают основы семиотической концепции [8]. Пища, по его мнению, выполняет знаковые функции при вхождении в определенную знаковую систему: «Информативные коды пищи возникают в процессе коммуникации и тесно связаны с социальным и культурно-историческим контекстом» [8]. Так, одной из современных тенденций в области потребления пищи является рационализация и унификация питания, что проявляется в валеологическом подходе к пище, ориентации на критерии науки.

Культурологический подход предполагает рассмотрение вопроса потребления продуктов через концепт «культуры питания». В рамках данного подхода исследователи рассуждают о феномене питания (в частности, национальной кухне) как важнейшем элементе культурной системы общества. Агротехника, выращивание сельскохозяйственной продукции, выбор пищи, представления о вкусе и полезности, режиме питания и многие другие аспекты регулируются культурными установками [13].

Приведем в качестве иллюстрации пример одного этнографического наблюдения, описанного в научной литературе: «На одном острове существовал варварский обычай, связанный с каннибализмом. Прибывшим на остров миссионерам-европейцам удалось его отменить. В результате туземцы

постепенно перестали выращивать рис, который до сих пор служил для них основной пищей. Оказалось, что главное предназначение риса – ритуальное: совершая каннибальский обряд, поедали рис. Утратив сакральное применение, рис потерял свое значение для туземцев» [13].

В данном случае первичность утилитарного в пище абсолютно неочевидна. Из приведенного выше отрывка видно, что архаические пищевые табу мало связаны с представлением о питательной ценности продуктов. Иными словами, пища, обладающая высоким семиотическим статусом (ритуальная), не рассматривается как способ утоления голода либо, наоборот, употребляется чрезмерно, превышая всякий порог насыщения.

О том, что питание для масс людей является традиционным социальным действием, выполняемым автоматически, говорит и наш отечественный социолог А. Гофман. Ученый в работе «Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения» утверждает, что хотя «питание и подвергается воздействию моды, тем не менее, остается в значительной мере во власти обычая» [5, с. 135]. Правда, в другом месте этой же книги он высказывает иную идею, подчеркивая, что в настоящее время мода стала вторгаться и в такую относительно консервативную область человеческого поведения, как питание, воздействуя на рацион и способы приготовления пищи. Появились феномены модной еды, модных диет и т. д.

Истоки интеракционистско-ролевого подхода можно обнаружить в работе З. Фрейда «Тотем и табу». В частности, он обращает внимание на этическую, моральную функцию общественной жертвенной трапезы в архаических обществах, суть которой заключалась в древних представлениях людей о совместном потреблении еды и питья. А именно, есть и пить с кем-нибудь означало для человека (сотрапезника) одновременно символ и подтверждение социальной общности и принятия на себя определенных взаимных обязательств. Причины подобных взглядов древних людей были обусловлены устойчивой убежденностью человека того времени, что родство основывается не только на факте происхождения, но и на пище, которой он питается и обновляет свое тело. Иными словами, с чужаками никто и никогда не будет делить общей трапезы, так как чужой состоит из другого материала. Причем если в древних обществах совместная трапеза означало родство клана, то сегодня современная трапеза, по мнению З. Фрейда, характеризует семейное родство [15, с. 53–69].

Современный немецкий социолог К. Вульф считает, что социальное действие – это, в первую очередь, чувственно-телесное подражание культурным практикам, соучастие в их конструировании. А поскольку питание является базовым проявлением телесных практик, то они и создают сообщество в первую очередь: «члены семьи во время приема пищи удостоверяют перед лицом друг друга свою принадлежность к семье» [4, с. 25]. Даже если длительность, интенсивность и стиль трапезы значительно различаются в разных семьях, говорит ученый, все же в ритуальном отношении во многих из них сохраняется подобие. Так, остается неизменной важнейшая форма семейного воспитания – беседа за столом. В центре обсуждения могут быть при этом различные темы – школьные успехи, проблемы детей. На первый план, таким образом, выступает социализирующая функция пищи.

О социализирующей функции еды и ее влияния на культуру общения упоминает также В.И. Ильин в работе «Поведение потребителей», когда последнее превращается в объект потребления, покупаемый как право посидеть в уютном месте за чашкой кофе. Через кафе и рестораны формируется и удовлетворяется еще и потребность в путешествиях: все большую популярность приобретают этнические и тематические заведения, создающие возможность феномена, который В.И. Ильин называет «кулинарным путешествием». «Сегодня вы в Китае (китайский ресторан), а завтра – в Америке (американский бар)» [7, с. 186].

Феноменологический подход представлен преимущественно результатами качественных социологических исследований практик питания, проводимых в различных странах мира. В частности, здесь можно упомянуть работы, посвященные анализу стратегий и моделей потребительского поведения, факторов доверия к тому или иному товару, феномену экологического сознания, проблеме полисемичности еды и пр. [9, с. 154–168].

Из известных нам авторов только Ф. Бродель, историк, представляющий научную школу Анналов, проанализировал питание в контексте повседневности, раскрыл исторические аспекты, связанные с особенностями распространения и потребления пищи, влияния материального фактора на социаль-

ную организацию, на развитие капитализма в Европе [1, с. 268–389]. Однако Ф. Бродель рассуждает все же в контексте исторического знания, хотя в значительной степени социологизированного.

Другое дело – собственно социология, которая до сих пор не подходила к анализу потребления продуктов питания именно как к одной из основных форм реализации повседневной жизни людей. При этом каждые из рассмотренных нами выше идей, взглядов, концепций, так или иначе, проблематику повседневности затрагивают. В частности, образ жизни в социологической теории часто интерпретируется именно как синоним повседневности, интеракционистско-ролевой подход непосредственно анализирует инкорпорированность практик питания в ежедневную деятельность людей, связанную с ретрансляцией социального опыта: культурологический подход, опять же, делает акцент на базовых характеристиках повседневной жизни – обычаях, ритуалах, нормах, ценностях и т. д. Что касается феноменологического подхода, то, на наш взгляд, он ближе всего подошел к пониманию потребления пищи через концепт повседневности.

И все же, несмотря на то что социология способна анализировать большинство явлений только в контексте экзистенциальной социологии (социологии повседневности), очень часто эта связь с повседневной жизнью теряется, либо же замещается системой иных категорий, а именно: социального класса и образ жизни, культуры и национальных обычаев, социализации и передачи социального опыта, коммуникативных функций еды и пр. На наш взгляд, необходимо более четко сформулировать связь потребления продуктов питания и повседневности, реабилитировать повседневность как самостоятельную социологическую категорию, что и составит в дальнейшем задачу нашего собственного социологического исследования.

Библиографический список

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное / пер. с фр. – 2-е изд. – М. : Весь мир, 2006.
2. Бурдье П. Практический смысл / пер. с фр. – СПб. : Алетейя, 2001. – («Gallicinium»).
3. Бурдье П. Начала / пер. с фр. – М. : Socio-Logos, 1994.
4. Вульф К. К. Генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал / пер. с нем. – СПб. : Интерсоцис, 2009.
5. Гофман А.Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. – 3-е изд. – СПб. : Питер, 2004.
6. Захарова Ю. Формирование практик потребления продуктов питания в современном российском обществе // Люди и вещи в советской и постсоветской культуре : сб. статей / О. Ечевская [и др.]. – Новосибирск : НГУ, 2005.
7. Ильин В.И. Поведение потребителей. – Сыктывкар : Изд-во Сыктывкарского университета, 1998.
8. Кириленко С. Особенности символизации пищи в современном обществе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://redyar.samara.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=422&Itemid=382
9. Кьернис У. Доверие и недоверие потребителей к продуктам питания в скандинавских странах // Социология потребления / под ред. Л. Т. Волчковой, Ю. Гронова, В. Н. Мининой. – СПб. : Социол. об-во им. М.М. Ковалевского, 2001.
10. Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. с фр. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. – (Серия «Психология без границ»).
11. Лич Э. Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов / пер. с англ. – М. : Восточная литература, 2001.
12. Мартынов А.С., Виноградов В.Г. Питание и образ жизни // Web-Атлас: Окружающая среда и здоровье населения России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://biology.krc.karelia.ru/misc/atl/ra00.htm.
13. Муратова А.С. Едение как выражение культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.prakultura.ru/school/culture/meal/cultural/.
14. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / пер. с англ. – М. : Политиздат, 1992.
15. Фрейд З. Тотем и табу / пер. с нем. – СПб. : Азбука классика, 2006.
16. Халькиер Б. Потребительский риск: экологическое сознание и управление риском в потреблении продовольствия // Социология потребления / под ред. Л.Т. Волчковой, Ю. Гронова, В.Н. Мининой. – СПб. : Социол. об-во им. М.М. Ковалевского, 2001.
17. Halkier B., Jensen I. Butter in, butter fried, butter on top: Performing and positioning in relation to «healthier» food habits among Pakistani Danes / B. Halkier, I. Jensen // Paper for Sociology of Consumption Research Network, at European Sociological Association Conference. – Lisboa. – 2–5 September. – 2009.
18. Rickert-John J. The Semantics of Naturalness: re-assuring consumers in an insecure food market // Paper for Sociology of Consumption Research Network, at European Sociological Association Conference. – Lisboa. – 2–5 September. - 2009
19. Truninger M. Cooking with Bimby: conventions, kitchen technologies and competences // Paper for Sociology of Consumption Research Network, at European Sociological Association Conference. – Lisboa. – 2–5 September. – 2009.

БИОЛОГИЯ. ЭКОЛОГИЯ

УДК 639.223.5

МНОГОЛЕТНЯЯ ИЗМЕНЧИВОСТЬ РАЗМЕРНОГО СОСТАВА И СООТНОШЕНИЯ ПОЛОВ НЕРЕСТОВОГО СЕВЕРООХОТОМОРСКОГО МИНТАЯ

О.В. Прикоки, А.А. Смирнов

Введение

Тихоокеанский минтай (*Theragra chalcogramma*) – самый многочисленный вид рыб в северной части Тихого океана. Он обитает в Беринговом, Охотском, Японском морях. Максимальная длина достигает 93 см, а масса 5 кг. Предельный возраст, определенный по чешуе – 18 лет [13].

Нерест минтая в северной части Охотского моря проходит в весенний период, в основном на глубинах от 150 до 350 м, куда смещаются производители и где образуются плотные преднерестовые и нерестовые скопления [14], причем нерест часто проходит под льдом. Икра минтая пелагическая, выметывается либо в толще воды, либо у дна [1].

Тихоокеанский минтай является главным объектом как российского, так и мирового промысла, причем основная часть его запасов сосредоточена в Охотском и Беринговом морях [6].

Первые значимые исследования минтая, обитающего в Северо-Охотоморской подзоне Охотского моря начались с начала 70-х гг. XX в. [3; 4]. Изучение минтая этого района продолжается и по настоящее время [2; 5; 9; 11; 12].

Учитывая высокую степень промысловой эксплуатации минтая, считаем необходимым проанализировать изменения некоторых многолетних биологических показателей этого важного объекта промысла, что позволит спрогнозировать состав уловов в будущие годы.

Материал и методика

Основой для настоящей работы послужили многолетние материалы, собранные в 1983–2010 гг. авторами и сотрудниками Магаданского НИИ рыбного хозяйства и океанографии. Сбор биологических материалов осуществлялся в марте-апреле из траловых уловов средне- и крупнотоннажных судов в Северо-Охотоморской подзоне Охотского моря. Было собрано и проанализировано более 900 тыс. экз. половозрелого минтая.

Результаты и обсуждение

Длина тела

Длина тела у рыб является одним из важнейших биологических показателей. Следует отметить, что под длиной тела в настоящей работе мы, как это и принято в ихтиологии, подразумеваем длину по АС (по Смиту) то есть от конца рыла до конца средних (самых коротких) лучей хвостового плавника.

Нерестовая часть группировки минтая, обитающего в Северо-Охотоморской подзоне Охотского моря, в 1983–2010 гг. состояла из рыб, имевших длину тела от 30 до 86 см. Среднемноголетний размер за весь период наблюдений составил 39,2 см, а доминирующую группу составили особи в интервале 38–42 см (табл. 1).

В годы с высоким уровнем численности стада (1983–1992 гг.) доля мелкоразмерных рыб (30–38 см) была невелика, а средняя длина по годам наблюдений изменялась незначительно: от 42,5 см (1992 г.) до 46,9 см (1991 г.).

В период, когда численность стада снизилась (1993–1998 гг.), доля мелкоразмерных особей увеличилась, а средняя длина по годам наблюдений снизилась, но сильных колебаний этого показателя не наблюдалось: он менялся от 41,1 см (1997 г.) до 43,8 см (1998 г.).

В первые годы (1999–2003 гг.) периода восстановления численности стада (1999–2010 гг.) доля мелкоразмерных особей увеличилась еще больше, а средние размеры по годам наблюдений продолжили снижение, колеблясь от 38,1 см в 2001 г. до 39,1 см в 2000 г. В последующие годы доля молоди снизилась, а средний размер вырос, варьируя от 41,4 см в 2004 г. до 44,6 см в 2008 г.

Доля крупного (более 50 см) минтая, составляя в целом незначительное количество, несколько увеличилась в период снижения численности и в последние годы периода восстановления. Предельный размер нерестового минтая, обитающего в Северо-Охотоморской подзоне, был наименьшим

при высокой численности стада (74 см), в годы снижения численности он вырос до 82 см, в период восстановления достиг 86 см.

Таким образом, при снижении общей численности, у североохотоморского минтая, видимо, включились компенсаторные механизмы, в частности, начала расти доля молоди.

Соотношение полов

Доля самок североохотоморского минтая изменялась по годам наблюдений довольно значительно: от 35,3 (1983 г.) до 60,6 % (1991 г.). Среднемноголетняя доля самок за весь период наблюдений составила 53,7 % (табл. 2).

В среднемноголетнем аспекте самки начинали преобладать с возраста 7 лет (62,2 %), а с возраста 12 лет самцов вообще не отмечалось. В годы с высоким уровнем численности стада (1983–1992 гг.) у рыб младших возрастов (4–5 лет) самок было меньше, чем самцов. Их доля у 4-годовиков колебалась от 17,6 % в 1983 г. до 44,6 % в 1987 г. Исключение составили 1985 г. (52 %) и 1989 г. (51,3 %), но и тогда доля самок была лишь несколько выше, чем самцов. У рыб в возрасте 5 лет самки также были в меньшинстве: их минимум (20 %) был отмечен в 1984 г., максимум – в 1985 г. (44,7 %). Исключение – 1989 г. (50,8 %).

В период снижения численности (1993–1998 гг.) по всем годам наблюдений доля самок в возрасте 4–5 лет была значительно меньше, чем самцов.

На этапе восстановления численности (1999–2010 гг.) самок в возрасте 4–5 лет было незначительно меньше, чем самцов этих же возрастов (для 5-годовиков – во все годы наблюдений, для 4-годовиков исключение составили 2000 г. (57,4 %), 2008 г. (50,4 %) и 2009 г. (72,0 %).

У рыб среднего возраста (6–9 лет) самки уже начали доминировать в подавляющем большинстве случаев. Лишь в возрасте 6 лет, в период высокой численности, самок было меньше, чем самцов, кроме 1988 г., когда они составляли 69,0 %.

У 7- и 9-летних рыб только в отдельные годы (1983 г. – у 7-леток, 1984 г. – у 8-леток) самцы превалировали. Мы считаем, что явление вызвано не внешними или внутренними причинами, а малым количеством особей этих возрастных групп, взятых на анализ.

У минтая старших возрастов (10 лет и более) самки доминировали во всех возрастных группах и годах наблюдений.

Подобная картина наблюдается и у сельдей, обитающих в морях Дальнего Востока – в младших возрастных группах преобладают самцы, в старшевозрастных – превалируют самки [7].

Некоторые авторы [8; 10] считают, что колебания в половой структуре популяции происходят в связи с изменениями условий жизни и кормовой базы.

Однако проанализированные нами данные показывают, что эти изменения половой структуры связаны и с ростом либо снижением численности стада, которые, вероятно, вызваны как изменениями окружающей среды, так и антропогенным фактором (прессом промысла).

Заключение

Нерестовая часть группировки минтая, обитающего в Северо-Охотоморской подзоне Охотского моря, в 1983–2010 гг. состояла из рыб, имевших длину тела от 30 до 86 см. Среднемноголетний размер составил 39,2 см. При снижении численности в группировке возрастала доля мелкоразмерных рыб.

Соотношение полов у нерестового североохотоморского минтая с возрастом изменялось – в младших возрастных группах было больше самцов, в старшевозрастных – численно доминировали самки. За исследуемый период средняя доля самок составила 53,7 %.

Таблица 1

Размерный состав минтая Северо-Охотоморской подзоны в различные годы, %

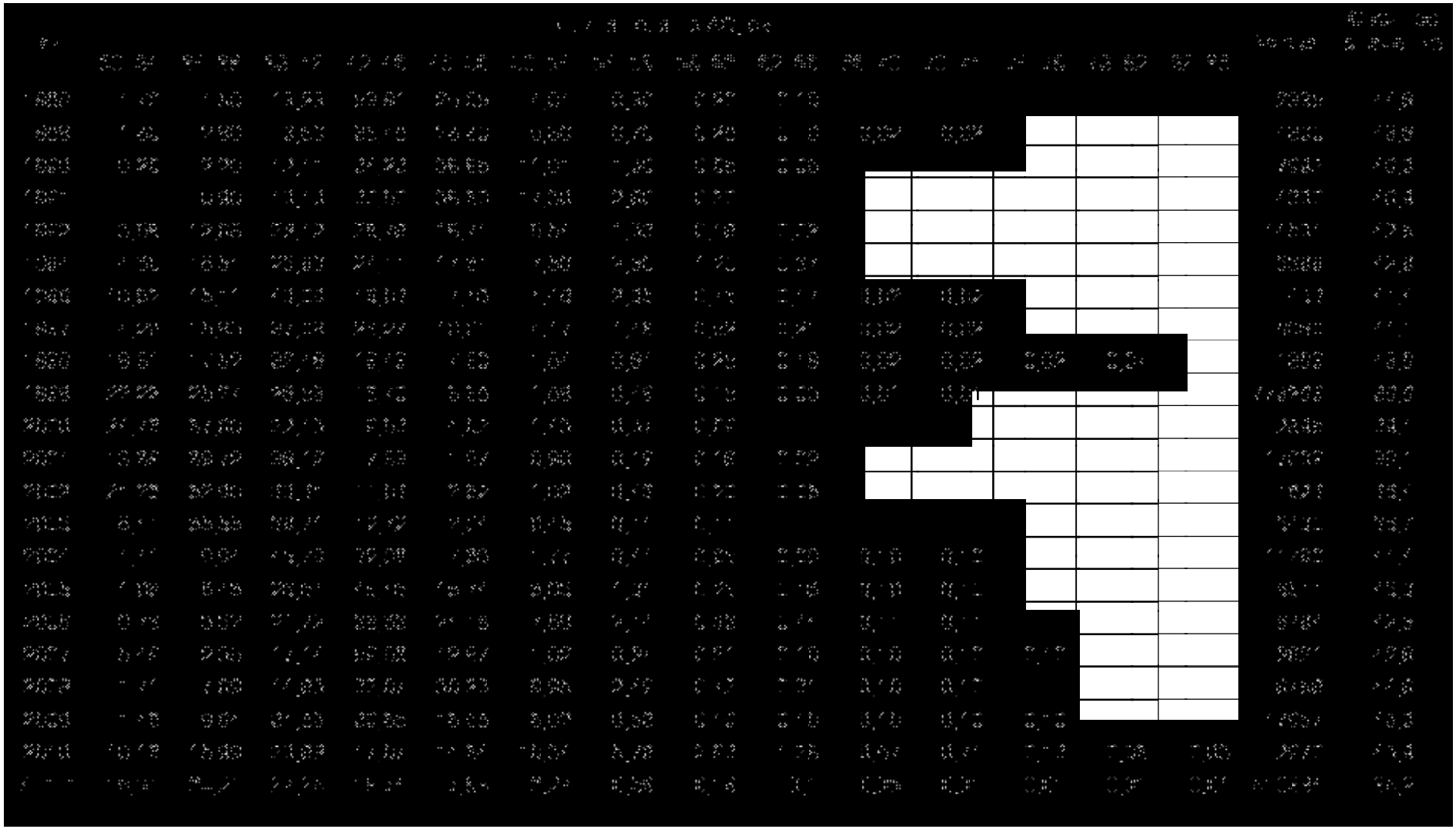


Таблица 2

Доля самок минтая Северо-Охотоморской подзоны по возрастным группам в 1983–2010 гг., %

[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]

Библиографический список

1. Антонов Н.П. Промысловые рыбы Камчатского края: биология, запасы, промысел. – М. : ВНИРО, 2011. – 244 с.

2. Буслов А.В. Рост минтая и размерно-возрастная структура его популяций. – Петропавловск-Камчатский : Изд-во КамчатНИРО, 2005. – 224 с.

3. Вышегородцев В.А. Притауйская популяция минтая // Экология, запасы и промысел минтая. – Владивосток : ТИНРО, 1981. – С. 89–99.

4. Вышегородцев В.А. Минтай северной части Охотского моря (диссертация). – Магадан : Архив Мф ТИНРО, 1986. – 206 с.

5. Кузнецов В.В. Минтай северной части Охотского моря: зигзаги регулирования / В.В. Кузнецов, Е.Н. Кузнецова // Рыбное хозяйство. – 2010. – № 2. – С. 47–49.

6. Кузнецов В.В. Популяционная структура запаса минтая *THERAGRA CHALKOGRAMMA* северной части Охотского моря и вопросы его промыслового использования /В.В. Кузнецов, Б.Н. Котенев, Е.Н. Кузнецова // Вопросы рыболовства. – 2008. – Т. 9. – № 1 (33). – С. 110–127.

7. Науменко Н.И. Биология и промысел морских сельдей Дальнего Востока. – Петропавловск-Камчатский : Камчатский печатный двор, 2001. – 330 с.

8. Новоженов Ю.И. Соотношение полов – специфический параметр элементарной популяции // Журн. общ. биол. – 1971. – Т. 32. – № 1. – С. 37–44.

9. Овсянников Е.Е. Динамика пространственного распределения икры и молоди минтая в северной части Охотского моря / автореф. дис. … канд. биол. наук. – Владивосток : Архив ТИНРО-центра, 2011. – 20 с.

10. Поляков Г.Д. Приспособительная взаимосвязь изменчивости популяции рыб // Изд. АН СССР. – 1962. – Вып. 42. – С. 5–63.

11. Смирнов А.В. Динамика размерно-возрастной структуры и формирование промыслового запаса охотоморского минтая в конце 1990-х–начале 2000 гг. / А.В. Смирнов, Г.В. Авдеев // Известия ТИНРО. – 2003. – Т. 135. – С. 94–112.

12. Смирнов А.А. Минтай северной части Охотского моря: биологические показатели в период весенней путины и перспективы промысла / А.А. Смирнов, А.В. Вакатов // Рыбное хозяйство. – 2010. – № 6. – С. 56–57.

13. Фадеев Н.С. Справочник по биологии и промыслу рыб северной части Тихого океана. – Владивосток : ТИНРО-Центр, 2005. – 366 с.

14. Шершенков С.Ю. Изучение запасов, промысел и прогнозирование ОДУ североохотоморского минтая / С.Ю. Шершенков, Ю.К. Семенов, А.А. Смирнов // Сб. науч. трудов Магаданского НИИ рыб. хоз-ва и океанографии. – 2009. – Вып. 3. – С. 349–365.

R

УДК 631.4

ПОЧВЕННО-РАСТИТЕЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИРОДНОГО ЗАПОВЕДНИКА «МАГАДАНСКИЙ»

А.А. Пугачёв, Е.А. Тихменев

Государственный природный заповедник «Магаданский» состоит из 4 отдельных участков – кластеров, отстоящих друг от друга на 200-500 км: Кава-Челомджинского (заболоченное междуречье рек Кавы и Челомджи), Ольского (западная оконечность полуострова Кони), Ямского (полуостров Пьягина и Ямские острова) и Сеймчанского, наиболее удаленного участка, расположенного в долине р. Колыма. По геоботаническому районированию Б.П. Колесникова (1961) вся территория заповедника входит в Восточно-Сибирскую таежную подобласть светлохвойных лесов. При этом Кава-Челомджинский, Ольский и Ямский участки относятся к Магаданскому округу Охотской провинции редколесий и лесов, а Сеймчанский участок – к Юкагирскому округу Колымско-Верхоянской провинции лиственничных редколесий.

Почвообразующие породы территории остаются слабо изученными. Можно выделить следующие их типы: а) элювиально-делювиальные отложения коренных пород различного генезиса и химического состава; б) мореные суглинки и супеси; в) покровные суглинки и супеси; г) верхнечетвертичные морские отложения; д) верхнечетвертичные озерно-аллювиальные отложения; е) верхнечетвертичные ледниково-морские отложения; ж) современные аллювиальные отложения; з) современные морские отложения; и) эоловые отложения. Почвенный покров Кава-Челомджинского, Ольского и Ямского участков заповедника находится на территории магаданской почвенно-географической провинции [6], приуроченной к водосборам рек, впадающих в Охотское море. В реч-

ных долинах распространены рыхлые гравийно-галечниковые и глинистые отложения (супеси, суглинки), преимущественно аллювиального и озерно-аллювиального происхождения. На склонах речных долин развиты плащи делювиальных отложений. Многолетняя мерзлота носит прерывистый характер. Днища речных долин находятся в талом состоянии, широкое распространение имеют таликовые зоны.

Кава-Челомджинский участок находится в юго-западной части Магаданской области, прилегает к охотоморскому побережью, включая часть Ямо-Тауйской депрессии. Характеризуется высоким биоразнообразием [3; 7].

Физико-химические свойства почв. Пойменные почвы имеют супесчаный и легкосуглинистый гранулометрический состав с обильным включением гальки и небольших валунов. Рассматриваемые почвы характеризуются слабокислой реакцией почвенного раствора, относительно невысокой гидролитической кислотностью, низкой обеспеченностью подвижными соединениями фосфора и калия, высокой гумусированностью минеральных горизонтов (табл. 1).

Подзолы иллювиально-железистые (гумусовые) формируются на хорошо дренируемых элементах рельефа, приуроченные к супесчаным, песчаным и суглинистым породам, обладающим свободным внутренним дренажом. Рассматриваемые почвы характеризуются высокой гумусированностью (до 14 % в горизонте A_2h), низкими значениями $pH_{сол.}$ (4,3–5,5), слабой насыщенностью почвенно-поглощающего комплекса основаниями (17–44 %), бедностью подвижными элементами минерального питания. Почвенный покров высоких плоских террас довольно сложный, фоновыми являются торфяные болотные льдисто-высокомерзлотные и торфянистые почвы. Все они характеризуются наличием в профиле многолетней мерзлоты. Вторые террасы представлены пятнистостями и микрокомплексами подзолов иллювиально-гумусовых. Они имеют песчаный гранулометрический состав и подстилаются гравийно-галечниковым аллювием. Многолетняя мерзлота отсутствует. Почвенный покров первой террасе (3–4 м над урезом реки) образуют старопойменные торфянистые и торфяные почвы. Верхние части минеральной толщи почв легкосуглинистые или супесчаные. На глубине 40–90 см они подстилаются щебнисто-галечниковым аллювием. Многолетняя мерзлота отсутствует, сезонная исчезает в июне. На высоких (2,5–3,0 м над меженным уровнем реки) частях пойм фоновыми являются пойменные дерновые, перегнойно-дерновые и торфянисто-перегнойные почвы супесчаного, реже легкосуглинистого гранулометрического состава. Многолетняя мерзлота отсутствует.

Таблица 1

Аналитическая характеристика подзолов и старопойменных почв

Горизонт	Глубина, см	pH_{KCl}	Гумус по Тюрину, %	Гидролитическая кислотность	Обменные $Ca^{2+}+Mg^{2+}$,	Степень насыщенности, %	Ил, %
				мг-экв./100 г почвы			
Подзол иллювиально-многогумусовый							
01	0–4	3,4	93,2*	76,7	16,8	18	–
02	4–11	2,7	88,3*	149,0	7,6	10	–
A_1E_1	11–15	2,8	6,7	19,3	1,9	9	3
Bhf	>15	4,8	3,0	6,9	2,3	25	2
BC	>15	4,7	1,9	6,2	2,6	30	0
Старопойменная мелкодерновая							
A_0	0–4	5,3	92,56*	н/о	26,2	–	–
A_0A_1	4–11	5,4	3,14	14,7	5,3	26	7
Bh	12-22	5,5	1,60	9,3	3,2	26	16
Bf_1	30–40	5,5	0,75	4,5	4,0	47	8
Bf_2	>42	5,7	0,38	1,9	5,4	74	4

Примечания: «*» – потеря при прокаливании; н/о – не определялось.

В составе мелкозема пойменных мелкодерновых почв доминирует фракция песка и мелкой пыли. Пойменные дерново-глеевые почвы отличает более тяжелый гранулометрический состав, преобладание в нижних горизонтах восстановительных процессов и оглеения. Они характеризуются среднекислой реакцией и высокой гидролитической кислотностью, распределение которой в почвенном профиле четко коррелирует с содержанием гумуса.

мается выше 4 и, как правило, находятся в пределах 3,0–3,8 (табл. 2). Их минеральная толща насыщена гумусом. Содержание его составляет 3,2–6,6 % (в отдельных случаях 15,5 %). Гидролитическая кислотность в торфянистых и торфяных горизонтах достигает 26,5 мг-экв. и более, а в минеральных снижается до 4,0 мг-экв./100 г почвы. Количество поглощенных оснований достаточно высокое. Содержание подвижных форм фосфора низкое (до 10 мг/100 г).

Таблица 2

Аналитическая характеристика торфяно-глееземов

Горизонт	Глубина, см	pH_{KCl}	Гумус по Тюрину, %	Гидролитическая кислотность	Обменные основания		Степень насыщенности, %
					Ca	Mg	
				мг-экв./100 г почвы			
01	0–8	3,4	95,2*	н/о	13,4	9,3	–
02	8–18	3,4	92,2*	26,5	24,0	9,9	56
$02A_0$	18–27	4,0	47,1*	17,3	23,1	9,7	65
G_1h	30–35	3,6	3,2	0,9	6,7	8,2	95
G_2h	35–45	3,7	6,6	4,0	7,7	7,8	79

Примечания: «*» – потеря при прокаливании; н/о – не определялось.

Почвы лиственничных лесов и редколесий характеризуются сильнокислой реакцией, очень высокой обменной и гидролитической кислотностями, полной ненасыщенностью основаниями органогенных и подзолистых горизонтов, что отмечалось А.Т. Мажитовой [2]. В иллювиальной части профиля наблюдается заметное повышение значений pH. По существу закрепление элементов питания осуществляется лишь в нижнем слое лесной подстилки и торфянистых горизонтах. Основными чертами фракционно-группового состава гумуса подзолов иллювиально-гумусовых является: 1 – доминирование фульвокислот над гуминовыми кислотами в иллювиальной части профиля; 2 – резкое преобладание в составе гуминовых и фульвокислот подвижных и агрессивных фракций; 3 – очень низкое содержание фракций гуминовых и фульвокислот, способных образовывать устойчивые комплексы с Ca.

Болотные мерзлотные торфяные почвы формируются в условиях избыточного увлажнения на элементах рельефа, отличающихся затрудненным поверхностным и внутрипочвенным дренажем.

Для них характерно наличие торфяного слоя, близкое к поверхности залегание мерзлоты, холодность профиля. Почвы очень кислые: pH солевой вытяжки редко подни-

На участке заповедника «Полуостров Кони» в долинах рек Ямы и Поперечной на отметках, не превышающих 80–100 м над уровнем моря, на площади около двух тысяч гектаров сохранился так называемый «ямский очаг» еловых лесов. Ель сибирская здесь представляет крайний северо-восточный форпост ареала этого вида [3; 6; 7]. При этом в подавляющем большинстве случаев доля участия ели в составе древостоев лиственничных лесов не превышает 2–3, в некоторых случаях – до 4 единиц. За границей лесничества, но в непосредственной близости от нее, вблизи р. Халанчига ель сибирская поднимается в каменноберезники до высоты порядка 120–130 м над уровнем моря. Здесь к вершинам и к верхним частям склонов приурочены горные бруснично-кассиопеево-лишайниковые и кустарничково-лишайниковые кедрово-стланиковые тундры. В почвенном покрове преобладают подзолы иллювиально-гумусовые.

Почвы горно-тундровых экосистем характеризуются сильной каменностью, преобладанием в составе мелкозема грубодисперсных фракций, обусловленных доминированием процессов физического выветривания почвообразующих пород (табл. 3). Содержание ила очень низкое, что связано со слабой биохимической активностью почв и рядом сопутствующих явлений, к числу кото-

Таблица 3

Аналитическая характеристика подбуров

Горизонт	Глубина, см	$pH_{водн.}$	Гумус по Тюрину, %	Гидролитическая кислотность	Обменные основания		Степень насыщенности, %	Подвижные формы	
					Ca	Mg		K_2O	P_2O_5
				мг-экв./100 г почвы				мг/100 г почвы	
A_0	0–3	3,6	75,9*	н/о	17,1	4,4	–	19	9
A_0A_1	3–15	3,7	17,0	12,4	7,7	3,6	48	5	3
ABh	15–26	4,1	7,8	6,5	3,3	2,3	46	5	1
Bh	30–40	4,2	2,3	4,1	3,0	сл.	42	3	1
BC	50–60	4,4	1,4	1,4	2,0	сл.	59	3	1

Примечания: «*» – потеря при прокаливании; н/о – не определялось;сл. – менее 0,5.

рых относятся агрегирование коллоидных и предколлоидных частиц в более крупные отдельности. Их органо-аккумулятивные горизонты отличаются высокими значениями актуальной и потенциальной кислотности. В горизонтах Bhf и BC реакция среды в значительной степени нейтрализуется. Распределение поглощенных оснований имеет четко выраженный аккумулятивный характер. При этом относительно низкое содержание кальция и магния объясняется низкой зольностью опадов и интенсивным выщелачиванием оснований в условиях гумидного климата. Групповой состав гумуса характеризуется: 1 – доминированием фульвокислот; 2 – резким преобладанием подвижных и агрессивных фракций; 3 – очень низким содержанием гуминовых и фульвокислот, способных образовывать устойчивые малоподвижные комплексы с кальцием и магнием (фракция 2); 4 – заметной дифференциацией относительного содержания отдельных фракций по профилю.

В средних частях склонов обычны кедровники шикшево-лишайниковые, где сомкнутость кедрового стланика достигает 0,7, высота 2,0–2,5 м, средний возраст до 200 лет. Проективное покрытие травянисто-кустарничкового яруса 50 %; шикша черная, багульник стелющийся и брусника. Наряду с ними присутствуют вейник лапландский, луазелеурия лежачая, филлодоце голубая, голубика, осока круглая, плаун. Проективное покрытие лишайникового покрова до 60 %. В этих условиях развиваются различные подтипы и виды подзолов иллювиально-гумусовых, образующих сочетание двух групп пятнистостей.

К нижним частям склонов приурочены кедровники багульниково-брусничные с сомкнутостью 0,7–1,0, высотой 2,5–3,0 м и возрастом более 200 лет. Наряду с кедровым стлаником распространена ольха кустарниковая и береза Миддендорфа. Проективное покрытие травяно-кустарничкового яруса – 5 %. Мхи и лишайники распространены спорадично. Почвенный покров образован различными видами подзолов иллювиально-многогумусовых, различающихся между собой характером нижней части органогенного горизонта (торфянистый или перегнойный) и мощностью гор A_2.

К межгорным долинам приурочены кедровники шикшево-долгомошные с сомкнутость кедрового стланика 0,9–1,0, высотой 3,0–4,8 м и возрастом около 250 лет. Среди стланика встречаются береза Миддендорфа и рябинник рябинолистный. Лиственница Каяндера образует верхний разреженный полог леса. Почвенный покров здесь более сложный, чем в предшествующем ландшафте. Его образуют различные подтипы, роды и виды подзолов иллювиально-гумусовых, различающихся между собой по мощности органогенных и подзолистых горизонтов, наличию или отсутствию в почвенном профиле многолетней мерзлоты и, соответственно, присутствию надмерзлотного оглеения .

Сеймчанский участок заповедника. Основанием для его выделения стали особые природные условия, в частности, наиболее высокие летние температуры (средняя температура июля 15,6 °С), обеспечивающие развитие здесь наиболее продуктивных лиственничных и тополево-чозениевых лесов. На рассматриваемой территории заповедника широко представлены *криоземы грубогумусовые типичные*. Они характеризуются супесчаным- легкосуглинистым гранулометрическим составом (табл. 4). Им свойственна высокая кислотность, значительная гумусированность и насыщенность почвенно-поглощающего комплекса обменными основаниями.

Таблица 4

Аналитическая характеристика криоземов грубогумусовых

Горизонт	Глубина, см	$pH_{водн.}$	Гумус по Тюрину, %	Гидролитическая кислотность	Обменные основания			V, %
					Ca	Mg	Сумма	
				мг-экв./100 г почвы				
A_0	0–5	4,1	н/о	48,8	22,4	18,8	41,2	46
Bgh	2–11	3,4	10,5	49,0	6,2	3,9	10,1	17
Bg	12–22	4,5	2,9	5,0	5,0	4,4	9,4	65
BCgh	25–35	4,7	1,5	4,6	5,8	2,2	8,0	63
BCg	40–50	4,8	1,9	2,0	11,8	3,9	15,7	89

Примечания: «*» – потеря при прокаливании; н/о – не определялось.

Своеобразием участка является формирование *криоаридных типичных почв* относительно широко распространены в верховьях р. Колымы, хотя и занимают небольшие площади [8]. Они развиваются на крутых склонах южных экспозиций под термофильной степной растительностью. Маломощные (1–3 см) подстилки этих почв состоят из опадов *Dryopteris fragrans, Selaginella sibirica, Poa ochotensis, Festuca lenensis, Agropiron boreale* и других травянистых многолетников. Под ними формируются гумусовые (A_1) или дерновые карбонатные горизонты (Ad, Ca) темно-коричневой, реже черной окраски мощностью от 3–4 до 10–15 см. Глубже залегает бурая недифференцированная минеральная толща, постепенно переходящая в некарбонатную сильнощебнистую породу.

Криоаридные почвы резко отличаются от описанных выше почв по целому ряду показателей. Они имеют нейтральную реакцию со слабощелочными значениями pH в перегнойном горизонте (A_0A_1), очень низкую гидролитическую кислотность, высокое содержание обменных оснований и практически полную насыщенность (табл. 5). По качественному составу гумус этой почвы отличается от гумуса подзолов. Для него характерно значительно меньшее относительное содержание подвижных фракций гуминовых и фульвокислот, значительное участие фракций, связанных с кальцием, и ничтожное содержание агрессивной фракции фульвокислот. Нейтральная реакция, интенсивная аккумуляция в верхнем минеральном горизонте обменных оснований, накопление в нем гумуса in situ из корневого опада указывают на развитие своеобразного дернового процесса.

Таким образом, почвенно-растительные комплексы государственного заповедника «Магаданский» характеризуют практически весь спектр компонентов природной среды юга рассматриваемой территории. При этом доминирующие группы и типы почв не являются специфичными только для заповедника. Они широко представлены в субарктических областях Евразии и Северной Америки, что дает возможность использовать материалы исследований в более широком географическом аспекте.

Таблица 5

Аналитическая характеристика криоаридных почв

Горизонт	Глубина, см	Сумма фракций, %		$pH_{водн.}$	Гумус по Тюрину, %	Гидролитическая кислотность	Обменные основания		Насыщенность, %
		< 0,01 мм	< 0,001 мм				Ca^{++}	Mg^{++}	
						мг-экв./100 г почвы			
A_0	0–2	–	–	7,0	87,78*	13,4	86,4	13,1	88
A_0A_1	2–6	–	–	7,4	23,2	11,2	45,2	9,1	83
A_1Bh	6–16	27	7	6,6	4,3	0,0	16,3	2,8	100
Bh	17–27	23	6	6,3	2,4	0,0	10,5	2,1	100
Bh, Ca	30–40	18	5	6,5	2,1	0,0	9,8	1,3	100
BCh, Ca	45–55	22	7	6,9	2,1	0,0	11,1	1,8	100

Примечания: «*» – потеря при прокаливании; н/о – не определялось; «–» – отсутствуют.

Библиографический список

1. Васьковский А.П. Охрана ландшафтов // Проблемы изучения и охраны ландшафтов Северо-Востока СССР. – Владивосток : ДВО АН СССР, 1988. – С. 137–147.

2. Мажитова А.Т. О подзолах континентальных районов Крайнего Северо-Востоке Азии / Почвоведение. – 1987. – № 7. – С. 5–15.

3. Мочалова О.А. Анализ флоры полуострова Кони (северная часть Охотского моря) // Ботан. журн. – 1999. – Т. 84. – № 3. – С. 44–35.

4. Павлов Б.А. Почвы и почвенный покров Ямского лесничества госзаповедника «Магаданский» : препринт. – Магадан : ИБПС ДВО РАН, 1991. – 52 с.

5. Почвенно-географическое районирование СССР (в связи с сельскохозяйственным использованием земель). – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 422 с.

6. Тихменев Е.А. Лесные ресурсы / Е.А. Тихменев, П.Е. Тихменев, В.И. Харламов // Ландшафты, климат и природные ресурсы Тауйской губы Охотского моря. – Владивосток : Дальнаука, 2006. – С. 313–330.

7. Утехина И.Г. Государственный природный заповедник «Магаданский» // Биологическое разнообразие Тауйской губы Охотского моря. – Владивосток : Дальнаука, 2006. – С. 698–709.

8. Хохряков А.П. О степной флоре в бассейне верхней Колымы / А.П. Хохряков, А.В. Шаткаускас // Почвы и растительность мерзлотных районов СССР. – Магадан : Кн. изд-во, 1973. – С. 136–140.

R

УДК 597.553.2:575.174

О ВРЕМЕННОЙ СТАБИЛЬНОСТИ ПОПУЛЯЦИОННО-ГЕНЕТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ЖЕЛТОПЁРОЙ КАМБАЛЫ *LIMANDA ASPERA*, ТАУЙСКОЙ ГУБЫ, ОХОТСКОЕ МОРЕ

С.П. Пустовойт, Р.Р. Юсупов

Наряду с четырехбугорчатой, палтусовидной, звезчатой и некоторыми другими видами камбал [2; 7], высокая численность желтоперой камбалы (*Limanda aspera*) в Охотском море обусловливает ее лидирующее положение как промыслового объекта. По этой причине сейчас наблюдается заметный интерес к изучению биологии указанного вида [5; 6; 12–16]. В последние годы начаты исследования генетической изменчивости желтоперой камбалы, обитающей в северной части Охотского моря [9; 10]. Несмотря на высокое хозяйственное значение данного вида, удивительно мало работ, посвященных учению генетической структуры его популяций [17]. Изучение популяционно-генетической структуры промысловых видов рыб является необходимым условием разработки научно обоснованных способов эксплуатации их запасов.

Ранее нами показана существенная генетическая дифференциация выборок из 6 географически разобщенных локальностей Тауйской губы [9; 10]. Полученные результаты позволяют предполагать существование хорошо заметной пространственной структуры популяций вида. Вместе с тем показана некоторая межгодовая неоднородность генных частот у выборок, полученных в одной локальности за разные годы сбора материала. Цель работы – оценить временную (межгодовую) стабильность генных частот в выборках разных лет, собранных в одной локальности Тауйской губы.

Материал и методика

Материал (замороженные пробы мышц) собран во время промысла в прибрежье бухты Гертнера в районе от устья р. Дукча до мыса Нюкля в период с 2008 по 2010 г. Всего собрано 5 выборок, даты и количество проб указаны в табл. 1 и 2.

Электрофорез белков проводили в блоках 5% полиакриламидного геля [4]. Исследована генетическая изменчивость следующих локусов (с указанием номеров по Кодексу Ферментов): глицерол-3-фосфатдегидрогеназа (*G3PDH**, 1.1.1.8), малатдегидрогеназа (*MDH**, 1.1.1.37), изоцитратдегидрогеназа (*IDHP**, 1.1.1.42), 6-фосфоглюконатдегидрогеназа (*PGD**, 1.1.1.44), эстераза (*EST-1**, «медленная», *EST-2**, «быстрая», 3.1.1.), фосфоглюкомутаза (*PGM**, 5.4.2.2). Гистохимическими методами в блоках геля выявляли активность перечисленных локусов [15; 18]. Аллели полиморфных локусов обозначали по их относительной электрофоретической

Таблица 1

Частоты аллелей локусов глицерол-3-фосфатдегидрогеназы (*G3PDH), малатдегидрогеназы (*MDH**) и изоцитратдегидрогеназы (*IDHP**) в выборках желтопёрой камбалы бухты Гертнера**

Таблица 2

Частоты аллелей полиморфных локусов эстеразы (*EST-1*, EST-2) и фосфоглюкомутазы (*PGM**) в выборках желтопёрой камбалы бухты Гертнера**

подвижности в геле в соответствии с рекомендациями номенклатуры генов, кодирующих белки у рыб (Shaklee et al., 1990).

Статистический анализ: по частотам генотипов находили частоты аллелей и подсчитывали наблюдаемую (Ho) и ожидаемую (Hs, по Неи, [19; 20]) гетерозиготность для нахождения фиксационного индекса F_{IS} = 1– Ho/Hs. Указанный индекс пригоден не только для определения соотношения наблюдаемой и ожидаемой гетерозиготности, но и для определения соответствия экспериментальных частот генотипов рассчитанным по формуле Харди-Вайнберга ($\chi^2 = F_{is}^2 n$, [19]). Статистически значимые отличия в частотах генов между выборками находили при помощи теста χ^2 [3].

Результаты и обсуждение

За трехлетний период сбора материала не отмечены статистически достоверных отличий в частотах исследованных генов (табл.1., все значения χ^2 меньше табличных). Данный факт указывает на высокую временную стабильность генетической структуры камбалы, обитающей в исследованном участке прибрежья. Практически во всех генетических определениях популяции подчеркивается временная стабильность генетических признаков, характерных для данной популяции. Например, «популяция – это группа перекрестно размножающихся организмов, имеющая своеобразный генофонд, и обладающая демографической преемственностью во времени…» [8, с. 96]. О важности стабильности в передачи наследственной информации для каждой популяции указывает Ю.П. Алтухов [1].

Кроме того, в нашем исследовании не обнаружено случаев значимого несоответствия экспериментальных частот генотипов рассчитанным по формуле Харди-Вайнберга. Если бы данный факт имел место (т. е. имелся бы дефицит гетерозиготных генотипов), то он был бы связан либо с наличием инбридинга, либо с присутствием так называемого эффекта Валунда. Высокая численность желтоперой камбалы не позволяет считать возможным существенное влияние инбридинга. Напомним, что эффект Валунда возникает при наличии подразделенности в популяции, т. е. если в исследованной совокупности особей присутствуют генетически различающиеся выборки [8; 11]. В исследованной нами совокупности выборок отсутствует эффект Валунда, что отрицает наличие существенных генетических отличий в темпоральных выборках камбалы. С точки зрения популяционной генетики это означает отсутствие подразделенности у камбалы, обитающей в летний период в акватории Тауйской губы от бухты Гертнера до мыса Нюкля. Свободно скрещивающиеся особи, обитающие в данной локальности, поддерживают стабильные в череде поколений частоты генов. По этой причине не обнаружена временная гетерогенность аллельных частот.

Итак, проведенное нами популяционно-генетическое исследование желтопёрой камбалы позволяет предполагать наличие единой нерестовой популяции. Пока ее границы можно определить в пределах прибрежного участка от бухты Гертнера до мыса Нюкля. Последующие исследования могут позволить уточнить границы данной популяции.

Библиографический список

1. Алтухов Ю.П. Генетические процессы в популяциях. – М. : ИКЦ «Академкнига», 2003. – 431 с.
2. Дьяков Ю.П. Динамика популяций массовых видов камбал (Pleuronectidae) западнокамчатского шельфа // Известия ТИНРО. – 2009. – Т. 158. – С. 117–127.
3. Животовский Л.А. Популяционная биометрия. – М. : Наука, 1991. – 269 с.
4. Засыпкин М.Ю. Генетическая структура популяций настоящих тюленей подсемейства *Phocinae* Охотского моря // Генетика. – 1987. – Т. 23. – № 2. – С. 336–343.
5. Золотов А.О. Использование оценок возрастного состава желтоперой камбалы (*Limanda aspera*) западной части Берингова моря по чешуе и отолитам в виртуально-популяционном анализе // Известия ТИНРО. – 2006. – Т. 147. – С. 36–46.
6. Золотов А.О. Особенности размерно-возрастной структуры, линейного роста и полового созревания желтопёрой камбалы *Limanda aspera* юго-западной части Берингова моря // Известия ТИНРО. – 2008. – Т. 152. – С. 99–113.
7. Ильинский Е.Н. Современное состояние запасов и размещение камбал в Охотском море / Е.Н. Ильинский, А.В. Четвергов // Известия ТИНРО. – 2002. – Т. 130. – С. 1104–1121.
8. Картавцев Ю.Ф. Молекулярная эволюция и популяционная генетика. – Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 2009. – 280 с.
9. Пустовойт С.П. О генетической дифференциации желтопёрой камбалы *Limanda aspera*, обитающей в Тауйской губе, Охотское море / С.П. Пустовойт, Р.Р. Юсупов // Цитология и генетика. – 2011. – Т. 45. – № 3. – С. 57–62.

10. Пустовойт С.П. О генетической изменчивости желтопёрой камбалы *Limanda aspera*, обитающей в Тауйской губе, Охотское море / С.П. Пустовойт, Р.Р. Юсупов // Тез. докл. Всерос. науч. конф. «Чтения памяти академика К.В. Симакова» (Магадан, 25–27 ноября 2009 г.) // отв. ред. И.А.Черешнев. – Магадан : СВНЦ ДВО РАН, 2009. – С. 196.

11. Хедрик Ф. Генетика популяций – Москва : Техносфера, 2003. – 592 с.

12. Юсупов Р.Р. Плодовитость желтопёрой камбалы *Limanda aspera* (Pleuronectidae) северной части Охотского моря // Вопросы рыболовства. – 2009. – Т. 10. – № 2–38. – С. 284–291.

13. Юсупов Р.Р. Промыслово-биологическая характеристика североохотоморских камбал в условиях возросшего их промысла / Р.Р. Юсупов, А.И. Каика // Сб. науч. трудов Магаданского НИИ рыбного хозяйства и океанографии. – 2008. – Вып. 3. – С. 396–406.

14. Юсупов Р.Р. К вопросу о промысловой мере североохотоморских камбал / Р.Р. Юсупов, Ю.А. Шилин, А.И. Каика // Сборник научных трудов Магаданского НИИ рыбного хозяйства и океанографии. – 2004. – Вып. 2. – С. 201–213.

15. Aebersold P.B., Winans G.A., Teel D.J., Milner G.B., Utter F.M. Manual for starch gel electrophoresis: a method for the detection of genetic variation // NOAA Technical Report NMFS 61. – 1987. – 19 p.

16. Daniel N.G., Acuna E.I. Annual and batch fecundities of yellowfin sole, *Limanda aspera*, in the eastern Bering Sea // Fishery Bulletin. – 2001. – V. 99. – P. 108–122.

17. Grant W.S., Bakkala R., Utter F.M., Teel D.J., Kobayashi T. Biochemical genetic population structure of yellofin sole, *Limanda aspera*, of the north Pacific Ocean and Bering Sea // Fishery Bulletin. – 1983. – V. 81. – № 4. – P. 667–677.

18. Manchenko G.P. Detection of enzymes on electrophoretic gels: A handbook. – CRC Press. Inc., Boca Raton, FL, 1994. – 440 p.

19. Nei M. F-statistics and analysis of gene diversity in subdivided populations // Annual Human Genetics. – 1977. – V. 41. – P. 225–233.

20. Nei M., Kumar S. Molecular Evolution and Phylogenetics. – Oxford University Press, 2000. – 329 p.

21. Shaklee J.B., Allendorf F.W., Morizot D.C., Whitt G.S. Gene nomenclature for protein-coding loci in fish // Transaction of the American. Fisheries Society. – 1990. – V. 119. – № 1. – P. 2–15.

R

ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ

УДК 338:61

ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ КАК УСЛОВИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ГОСУДАРСТВА

Т.А. Асотова

В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537, в разделе 6 «Здравоохранение» ***впервые*** говорится, что «основными направлениями обеспечения национальной безопасности в сфере здравоохранения и здоровья нации Российская Федерация на среднесрочную перспективу определяет усиление профилактической направленности здравоохранения, ориентацию на сохранение здоровья человека, совершенствование в качестве основы жизнедеятельности общества института семьи, охраны материнства, отцовства и детства».

Физическое и душевное здоровье нации является чрезвычайно важным элементом экономической и политической жизни общества, значимым компонентом мировоззренческой и идеологической позиции. Позитивное здоровье нации благотворно сказывается на культуре, образовании, здравоохранении, науке; в здоровом обществе эти сферы процветают. И, напротив, в нездоровом обществе процветают преступность, наркомания, алкоголизм; распадаются культура и образование, притупляются самосознание и гордость за свой народ, развивается своеобразный комплекс неполноценности и ущербности нации [1].

Состояние здоровья нации самым прямым и непосредственным образом сказывается на экономике: с одной стороны, нарушения в общественном здоровье ведут к колоссальным хозяйственным потерям, с другой стороны, неэффективная экономика придает кумулятивные импульсы негативным явлениям – вначале развиваются первичные признаки деградации – пьянство, преступность, наркомания, а затем в процесс включаются вторичные факторы – растет количество психических и сердечно-сосудистых заболеваний, самоубийств, происходит нарастание количества инвалидов по здоровью и инвалидов с детства, растет число невыходов на работу [4].

Необходимо определить механизм воздействия общественного здоровья на российскую экономику, а также роль и значение физической культуры и спорта в рассматриваемых процессах.

Потери от пьянства и алкоголизма. Потери от пьянства и алкоголизма в нашей стране представляют собой весьма значительную величину, которая складывается из разных компонентов (рис.1).

Величину экономических и социальных потерь от пьянства и алкоголизма можно оценить следующими цифровыми данными: согласно статистике каждое третье преступление совершается в состоянии опьянения. Наиболее частой причиной смерти людей, злоупотребляющих алкоголем, являются тяжелые травмы, отравления и другие несчастные случаи (27 % от всех смертельных случаев), от расстройства сердечно-сосудистой системы умирает 18 %, от новообразований – 14 %, от цирроза печени – 7 %, кончают жизнь самоубийством 7 %. В целом от 60 до 72 % лиц, злоупотребляющих спиртными напитками, не доживает до 50 лет [3].

Необходимо также отметить, что алкоголь в значительной степени способствует росту в обществе числа инвалидов (по общему заболеванию, из-за производственного травматизма, вследствие нетрезвого зачатия детей и пр.). Так, за последние семь лет количество инвалидов в России увеличилось в 2,5 раза и составило к 2008 году более 10 млн человек, из которых 500 тысяч – инвалиды-дети.

Очевидно, что чрезмерное употребление алкоголя приводит к колоссальным хозяйственным потерям, исчисляемым десятками миллиардов рублей. При этом коэффициент полезного действия экономики существенно уменьшается, разбалансируется производство и сфера распределения, перегружается система социального страхования и медицинского обслуживания.

Потери от табакокурения. Экономические и социальные потери от табакокурения во многих странах огромны и связаны, преж-

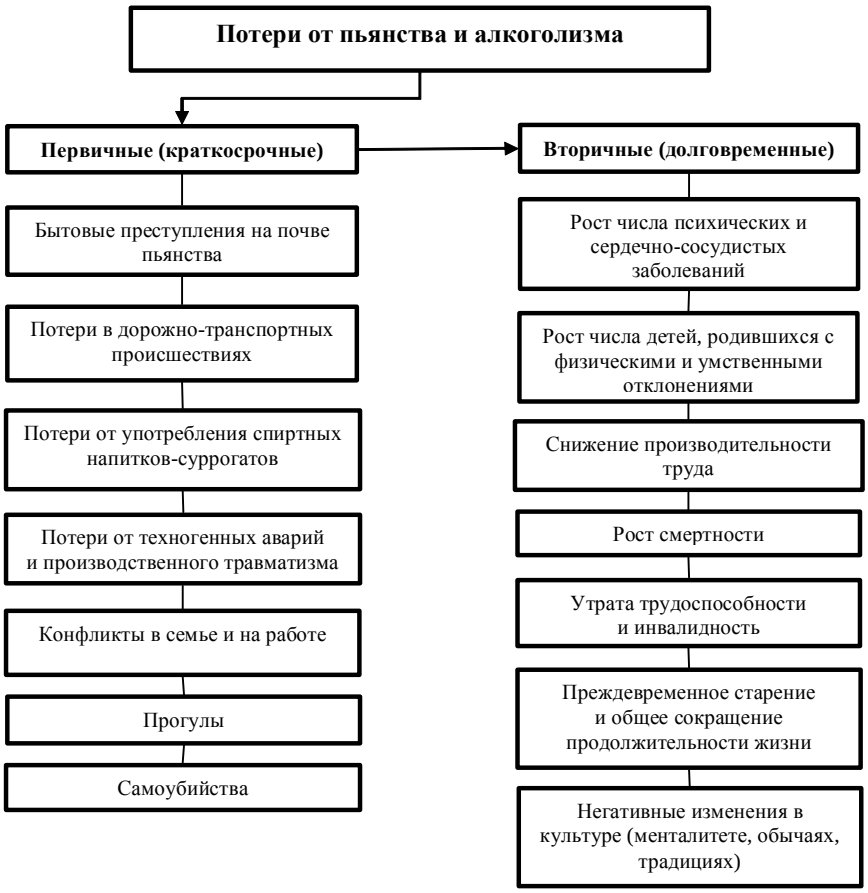


Рис.1. **Структура потерь от пьянства и алкоголизма**

де всего, с ухудшением состояния здоровья курящих. Так, согласно результатам исследования, проведенного в Швейцарии, ежегодно в этой стране от курения погибают 4 тыс. человек. Люди, выкуривающие более 20 сигарет в день, имеют продолжительность жизни на 8 лет ниже средней.

В нашей стране по состоянию на 2008 г. каждый россиянин выкуривает в год 1931 сигарету (или более 96 пачек). Но даже эти данные не полностью отражают всю картину. Дело в том, что табак, помимо нанесения прямого вреда, выступает еще дополнительным провоцирующим агентом в человеческом организме. Всестороннее изучение этой проблемы, как в нашей стране, так и по линии Всемирной организации здравоохранения, показало, что курение губит людей, вызывая у них целый ряд смертельных заболеваний или способствуя их возникновению. Злостные курильщики заболевают раком легких в 30 раз чаще, чем некурящие.

Помимо рака легких, при целом ряде заболеваний коэффициент смертности у курящих в несколько раз выше, чем у некурящих. Так, при бронхите уровень смертности выше у них в 6 раз, при раке гортани – в 5 раз, раке пищевода и желудка – в 3 раза, при болезнях кровообращения – в 2,5 раза, при болезнях коронарных сосудов – почти в 2 раза и т. д.

Специалисты отмечают, что внезапная смерть от ишемической болезни сердца отмечается среди курильщиков в 5 раз чаще, чем у некурящих. Аналогичные данные по США таковы: средний возраст умерших от сердечных приступов у некурящих равен 67 годам, у заядлых курильщиков – 48 годам [5].

Табакокурение наносит экономике огромный ущерб, который оценивается астрономическими цифрами. По результатам исследований, проведенных в Ирландии, курение обходится ирландской экономике в 5 миллионов евро в день в виде пропусков работы по болезни, более частого отсутствия на работе и снижения производительности труда. Только перекуры и отсутствие на работе обходятся стране в 385 млн евро.

Потери от наркомании. На начало XXI в. наркотики употребляют свыше 180 млн человек, т. е. около 4 % всех жителей планеты старше 15 лет. Наибольшее распространение имеет марихуана – ее потребляют бо-

лее 142 млн человек. Далее следуют синтетические наркотики (амфитамины) – 30,5 млн человек, а затем – кокаин – 13,4 млн человек, героин и опиаты – 8 млн человек. Среди них устойчиво растет число граждан Российской Федерации [3].

По данным правоохранительных органов и органов здравоохранения, на начало 2009 г. общее число граждан России, употребляющих наркотики на регулярной основе, превышает 3 млн человек.

В России к 2009 г. не осталось ни одного региона страны, где не были бы зафиксированы случаи употребления наркотиков или их распространения. Наркомания окончательно превратилась в масштабную общенациональную проблему, несущую прямую угрозу государству, так как каждый наркоман, по экспертным оценкам, вовлекает в употребление наркотиков 13–15 человек.

Чрезвычайно велики экономические и социальные потери от наркомании. Только за последние два года они превышают 5 млрд руб. Моральный ущерб российскому обществу вообще не поддается никакому подсчету. При этом наркомания в России продолжает «молодеть». По последним данным, более 60 % наркоманов – люди в возрасте 16–30 лет и почти 20 % – школьники.

Массовая физическая активность и спорт позволяют успешно противостоять столь интенсивному распространению наркотиков в молодежной среде, так как именно они являются действенной альтернативой этой социальной болезни.

Такие негативные явления, как пьянство и алкоголизм, табакокурение и наркомания, являются основными факторами снижения продолжительности жизни россиян, которая на 10–20 % ниже, чем у жителей стран Евросоюза. Соответственно, хозяйственный ущерб от этих факторов, по сравнению с развитыми странами, необычайно высок и исчисляется сотнями миллиардов рублей.

На графике представлен анализ продолжительности жизни в России за период 1980–2010 гг. и ожидаемые показатели до 2020 г. (рис. 2). Продолжительность жизни в России растет, но по-прежнему на 7 лет короче, чем продолжительность жизни в «новых» странах Евросоюза, т. е. в бывших странах социалистического лагеря, и на 13 лет короче, чем в «старых» странах Евросоюза (данные 2010 г.). Показатели ожидаемой продолжительности жизни установлены в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» на уровне 73 лет к 2020 г.

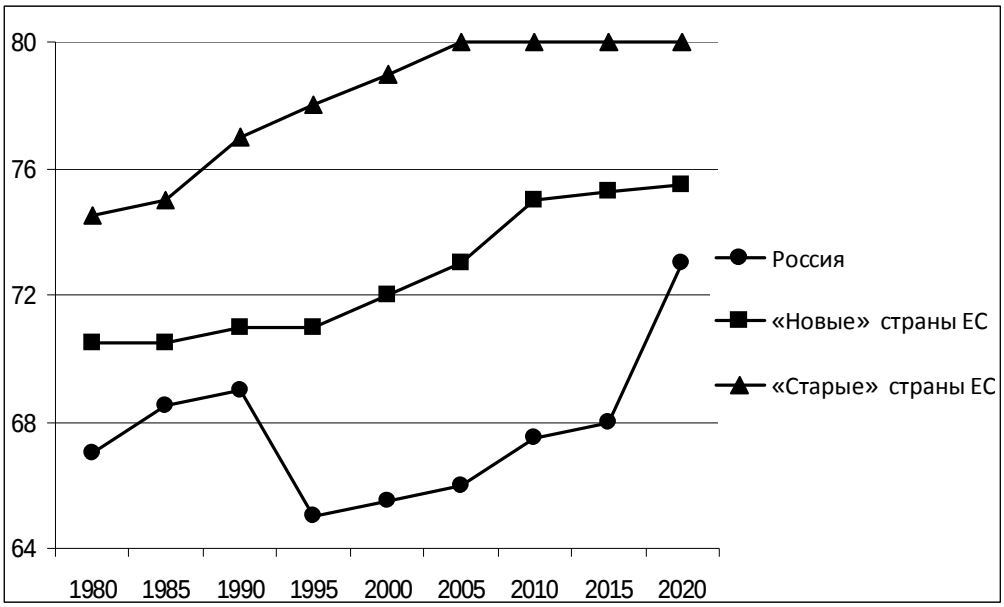


Рис.2. **Динамика продолжительности жизни в России и ожидаемые показатели до 2020 гг.**

Общий коэффициент смертности — вторая важнейшая характеристика. В России он составляет 14,7 и падал за последние 3 года. Но он по-прежнему в 1,3 раза выше, чем в «новых» странах ЕС и в 1,6 раз выше, чем в «старых» странах ЕС. В 1986 г. коэффициент смертности в России был на уровне «старых» стран ЕС и равнялся 10,5 на 1000 населения. Прирост произошел из-за роста смертности трудоспособного населения [5].

Таким образом, общественное здоровье и состояние российской экономики находятся в прямой зависимости. Решить двуединую задачу по повышению продолжительности жизни россиян, с одной стороны, и снижению огромных экономических потерь – с другой, можно при помощи развития массового, оздоровительного спорта и соответствующей спортивной инфраструктуры, формирования навыков здорового образа жизни у молодого поколения.

Также очевидно воздействие физической культуры и спорта на экономический рост.

Как известно из экономической теории, повысить благосостояние какой-либо страны возможно только за счет неуклонного экономического роста. Для обеспечения стабильного экономического роста правительство может избрать два основных пути: либо продвигаясь в направлении использования большего количества факторов производства – труда, земли и капитала (экстенсивный экономический рост), либо используя более совершенную технику и технологию, внедряя в производство новейшие научные достижения, повышая качественный уровень рабочей силы и производительность труда (интенсивный рост).

С точки зрения ограниченности и редкости ресурсов наиболее рационально ориентироваться на вариант интенсивного экономического роста. Опираясь на экономические исследования, проведенные в этой области в странах с развитой рыночной экономикой, можно определить конкретные количественные критерии, характеризующие долю каждого из факторов производства в экономическом росте в контексте вклада тех компонентов, которые связаны с использованием трудовых ресурсов.

Данные диаграммы (рис. 3) свидетельствуют, что увеличение трудозатрат дает 1/3 прироста реального дохода и 2/3 прироста обеспечиваются повышением производительности труда [2]. Последнее объясняется научно-техническим прогрессом, т. е. интенсивными факторами.

В свою очередь, производительность труда зависит от качества рабочей силы – от физических и интеллектуальных возможностей рабочих и служащих. Обеспечивая гармоничное физическое развитие, физкультура и спорт способствуют усилению естественных защитных сил организма, повышению его сопротивляемости болезням. В результате регулярных занятий физкультурой и спортом в экономической системе снижается общее количество невыходов на работу по болезни, что оказывает позитивное влияние на рост ВВП и благосостояние общества.

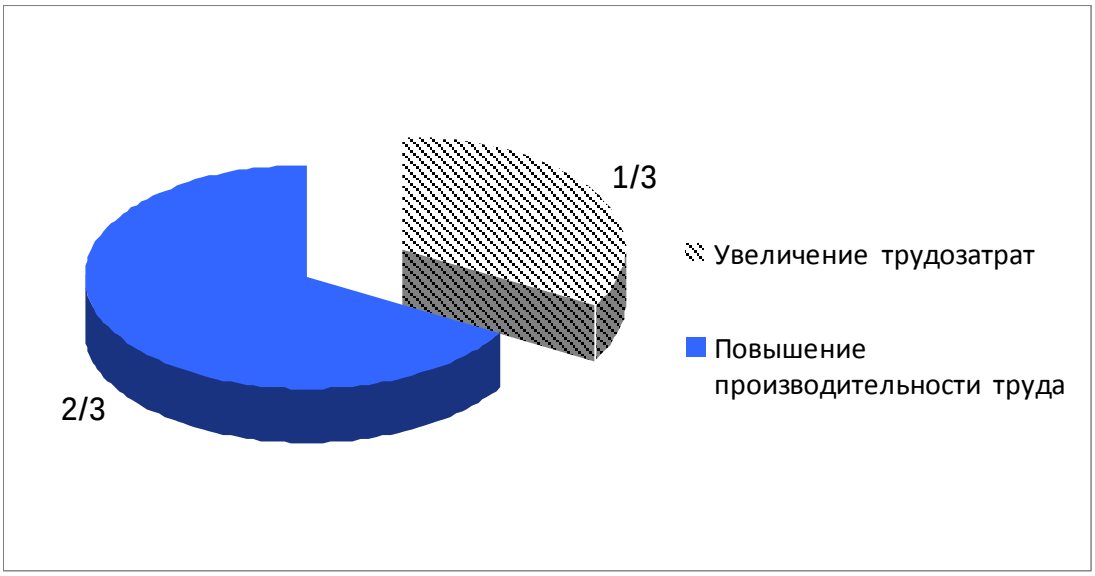


Рис. 3. **Доля факторов экономического роста**

Систематические занятия физическими упражнениями, спортом, туризмом и другими видами физической культуры, существенно повышая физическую работоспособность человека, сказываются благоприятно и на умственной деятельности. Многочисленные экспериментальные и эмпирические данные свидетельствуют, что физкультура и спорт значительно продлевают трудоспособный возраст человека, увеличивают продолжительность его жизни. В современных условиях, когда население многих стран неуклонно стареет, проблемы продления трудоспособного возраста, которые напрямую связаны с проблемами пенсионного обеспечения граждан, имеют первостепенное значение.

Тип экономического роста, его устойчивость и динамика во многом зависят и от конкурентоспособности рабочей силы – его дисциплинированности, аккуратности, целеустремленности и работоспособности. Все эти характеристики представляют собой существенные конкурентные преимущества трудящихся во всех сферах экономики: в промышленности, на транспорте, в строительстве, в сельском хозяйстве и других отраслях хозяйственной деятельности. Посредством физической культуры и спорта школьники, студенты и работники всех сфер хозяйственной деятельности развивают в себе такие качества, как самодисциплина и целеустремленность, самоконтроль, тренируют волю и мускулы [3].

В настоящее время в России лишь 8,7 % населения занимается спортом. Для сравнения: в США регулярно занимается спортом и физической активностью (делают пробежки, посещают фитнес-клубы и т. д.) 40 % населения, в Германии численность занимающихся спортом еще больше – 60 % [5]. Такое положение дел нельзя признать удовлетворительным.

Для увеличения продолжительности жизни и улучшения состояния здоровья россиян в стране планируется реализовать программу по формированию у населения навыков здорового образа жизни.

Основными задачами данной программы являются:

– формирование ответственного отношения каждого человека к своему здоровью, здоровью членов семьи, ближайшего социального окружения и общества в целом;

– создание интернет-портала по формированию здорового образа жизни, а также открытие «горячей» телефонной линии;

– поддержка региональных и корпоративных инициатив, направленных на формирование здорового образа жизни;

– развитие инфраструктур, позволяющих реализовать отдельные аспекты и формы здорового образа жизни, – здравоохранения (особенно в части профилактической и реабилитационной медицины), образования, корпоративной культуры и т. п.;

– разработка модели индивидуального и общественного здоровья, проектирование и запуск системы мониторинга основных показателей здорового образа жизни;

– подготовка и проведение изменений в законодательстве, стимулирующих здоровый образ жизни.

Для реализации этих задач в 2009 г. уже создано более 500 центров здоровья в 83 субъектах федерации, основным направлением работы которых является сохранение здоровья граждан и формирование у них здорового образа жизни. Каждый центр рассчитан на 200 тысяч человек городского населения. В 2010 г. осуществлялась закупка и дооснащение медицинским оборудованием центров здоровья, подготовка медицинских работников по вопросам профилактики заболеваний. К концу 2010 г. в Российской Федерации дополнительно введено 193 центра здоровья для детей.

В качестве приоритетных направлений в рамках программы Министерство здравоохранения и социального развития РФ определяет реализацию мероприятий по профилактике табакокурения и злоупотребления алкоголем. В коммуникационную программу войдут также две подпрограммы: «Региональный и корпоративный опыт» и «Организация системы профилактики».

Планируется, что по завершении первого года реализации программы будут достигнуты следующие целевые показатели:

– число медицинских работников, прошедших обучение по профилактическим мероприятиям, составит не менее 15 %;

– количество человек, обратившихся в кабинеты медицинской профилактики, составит не менее 10 % взрослого населения субъекта РФ;

– количество человек, обратившихся в центры здоровья, составит не менее 5 % обслуживаемого региона;

– число посещений портала составит не менее 3000 обращений в день;

– число звонков на «горячую линию» составит не менее 300 в день [4].

Актуальность проблемы формирования здорового образа жизни вызвана возрастанием и изменением характера нагрузок на организм человека в связи с усложнением общественной жизни, увеличением рисков техногенного, экологического, психологического, политического и военного характера, провоцирующих негативные сдвиги в состоянии здоровья.

Здоровый образ жизни – это предпосылка для развития разных сторон жизнедеятельности человека, достижения им активного долголетия и полноценного выполнения социальных функций. Здоровый образ жизни должен нравиться, а не быть обременяющим занятием, поэтому важно «составить» его с учетом индивидуальных особенностей человека, его целей. Формирование здорового образа жизни – это задача не только органов государственной власти, но и всего общества. Формирование навыков здорового образа жизни у молодого поколения должно стать одним из приоритетов деятельности органов власти всех уровней.

Здоровье – фактор национальной безопасности и стабильности общества; это условие устойчивого развития государства и конкурентоспособности бизнеса.

Библиографический список

1. Выступление министра Минздравсоцразвития России Т. Голиковой «Об итогах работы Минздравсоцразвития России в 2009 году и задачах на 2010 год».
2. Галкин В.В. Экономика спорта и спортивный бизнес: учеб. пособие. – М. : КНОРУС, 2006.
3. Курс экономической теории : учеб. пособие / под ред. М.Н. Чепурина, Е.А. Киселевой. – Киров: Изд-во «АСА», 2003.
4. Официальный сайт Департамента здравоохранения Магаданской области.
5. Официальный сайт Совета при Президенте России по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике www.rost.ru.
6. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537. «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».

R

УДК 330.45+639.2(571.65)

СТАТИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА РЫБНОЙ ОТРАСЛИ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Л.А. Голикова

В соответствии с диалектикой любая экономическая система зарождается, развивается, добивается успехов, ослабевает и прекращает свое существование либо переходит на новую ступень развития. Именно поэтому к понятию «жизненный цикл системы» как изменению состояния с определенной последовательностью в течение времени усиливается определенный интерес. В работе [1] указывается, что «жизненный цикл не исчезает, не завершается в «никуда», а лишь переходит от одной фазы к другой, а эволюционирующие структуры переходят из одного состояния в другое, от одной формы к другой. Завершение есть начало нового процесса. Такова природа окружающего мира нелинейных процессов». Существуют различные типы моделей жизненного цикла [2]. Однако почти все они имеют некоторые общие черты, в частности, такие факторы, как возраст, объем, темп роста отрасли на разных стадиях развития системы. В целом многочисленные концепции жизненного цикла подтверждают его нелинейность, причем каждый этап (рождение, рост, зрелость, старение) является следствием предыдущего. При этом предполагается возможность экономических бифуркаций, т. е. разветвление на альтернативные траектории [3] (рис. 1.).

В ряде работ [4–6] предлагается использовать различные экономико-математические, статистические и другие методы для

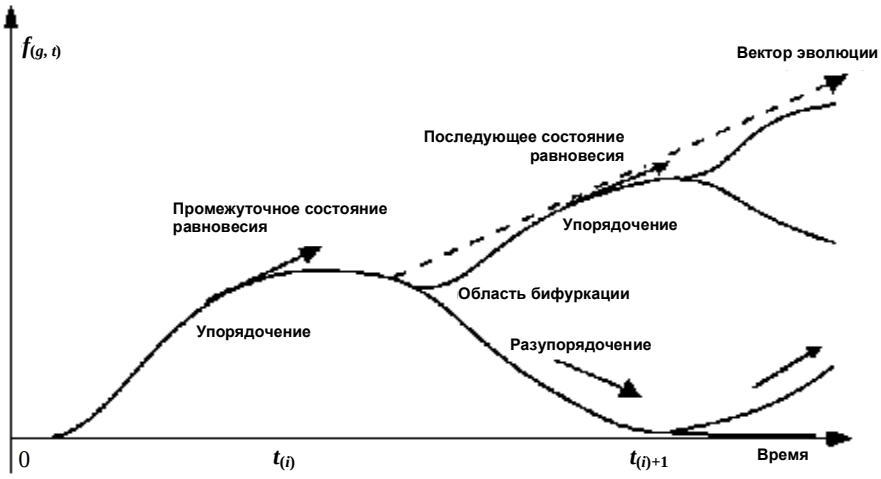


Рис. 1. **Эволюционирующий жизненный цикл**

анализа и прогнозирования нелинейных процессов эволюции экономических систем, в частности логистические кривые, которые имеют несколько характерных периодов, а именно «латентный период» – зарождение процесса, далее «период роста» (высокие темпы), затем период резкого замедления роста параметров – «период сатурации (насыщения)». Именно в этом периоде предполагается «качественный скачок» – переход на новый уровень развития системы.

Описанный выше подход может быть использован, на наш взгляд, и в случае анализа жизненного цикла отрасли.

Цель нашего исследования исследовать жизненный цикл рыбной отрасли Магаданской области, используя указанные выше математико-статистические методы. Исходная информация представлена динамическим рядом объемов добычи по рыбной отрасли (тыс. т) за период 1932–2009 гг.

Анализ информации показал, что развитие рыбной отрасли за указанный временной интервал можно условно разбить на несколько периодов, которые будут отличаться и качественно и количественно в силу действия целого ряда объективных, субъективных и даже форсмажорных факторов. И тем не менее в целом развитие отрасли подчинялось нелинейной циклической закономерности, т. е. описывалось логистическими кривыми.

Более подробно рассмотрим развитие отрасли за период 1964–2009 гг. (рис. 2.).

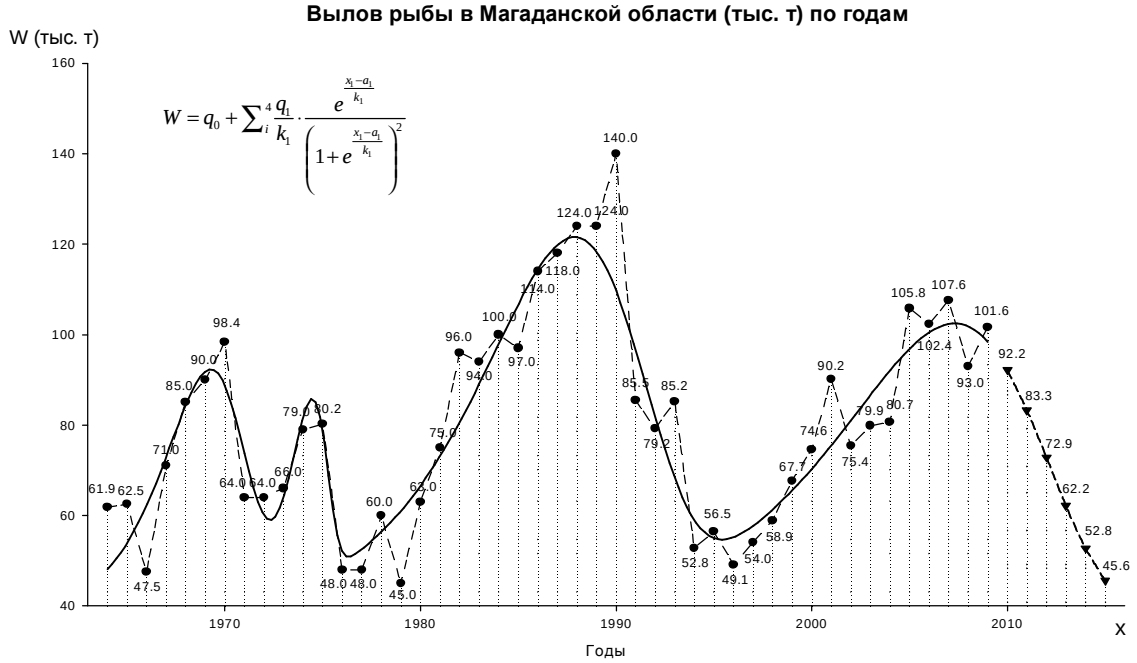


Рис. 2. **Циклическая закономерность развития рыбной отрасли (объем добычи) за период 1964–2009 гг.**

Указанная закономерность логистическими кривыми для каждого периода:

$$W = q_0 + \sum_i^4 \frac{q_1}{k_1} \cdot \frac{e^{\frac{x_1 - a_1}{k_1}}}{\left(1 + e^{\frac{x_1 - a_1}{k_1}}\right)^2}, \; S_{ост} = 7,7, \qquad (1)$$

где W – теоретический улов; x – год (пунктиром обозначены прогнозные значения).

Значения параметров приведены в табл.

Таблица 1

Значения параметров логистических кривых для каждого периода

i	0	1	2	3	4
q_i	37,5	69,2	74,4	87,7	107,3
a_i	–	2,01	0,935	4,08	5,04
k_i	–	284,9	101,6	892,9	890,3

Величина остаточной дисперсии S = 7,7 свидетельствует о хорошей аппроксимации данной закономерности. На рис. 2 показаны также возможные прогнозные значения до 2015 г.

Для дальнейшего анализа и расчета прогнозных значений будем использовать «кривые насыщения» в более удобном виде, используя формулу [6]:

$$y_t = \frac{k}{1 + 10^{(a + b \cdot t)}}, \qquad (2)$$

где k – предел насыщения, a и b – параметры. Определим период 1976–2009 гг., который, на наш взгляд, дает достаточно реальное представление о развитии отрасли. Однако из этого динамического ряда исключен отрезок времени с 1991 по 1996 г., на который приходится процесс перехода к рыночным отношениям, характеризующийся четко проявляющейся нестабильностью. Таким образом, будут проанализированы два динамических ряда: 1976–1989 и 1997–2009 гг.

Оба ряда аппроксимируются логистическими кривыми, параметры которых определены по методу трех точек [6]: уровни динамики в начале, середине и в конце ряда. Непременным условием является равенство расстояний (n) между этими уровнями: $n = 6$.

y_0 = 48 (1976); y_1 = 94 (1983); y_2 = 124 (1989).

В результате расчетов получаем:

k=140; a=0,2826; b=–0,0988.

Следовательно, уравнение примет вид:

$$y_t = \frac{140}{1 + 10^{(0,2826 - 0,0988 \cdot t)}}, \; S = 6,6 \qquad (3)$$

где k = 140 – предел насыщения, S – остаточная дисперсия.

Причем если в начале периода средний темп составил 113,5 %, то в последующем он снизился до 105,8 %, и уровень 1983 г. можно было бы считать «точкой перегиба», а предел насыщения k=140 (тыс. т) соответствовал бы 1991 г., т. е. необходим был бы новый качественный скачок (бифуркация) на уровне «точки перегиба».

Если бы, начиная с 1985 г., можно было обеспечить увеличение темпов до 110 %, то получили бы динамику, представленную в табл. 2, где предел насыщения (k=140) соответствует 1989 г., с последующим увеличением добычи до 170 т в 1991 г. Однако определяющим фактором стал переход к рыночным отношениям.

Перейдем к анализу периода 1997–2009 гг. Начало развития характеризуется достаточно высокими темпами 109–112 % за первые три года (латентный период), затем темпы роста несколько снижаются, в частности, за период 2002–2009 гг. средний темп составил 105 %. Для построения логистической кривой зададим исходную информацию:

y_0(1997) = 54,1; y_1(2003) = 79,9; y_2(2009) = 101,6; n = 6.

В результате расчетов получим уравнение для данного периода:

$$y_t = \frac{130}{1 + 10^{(0,1489 - 0,0698 \cdot t)}}, \; S_{ост} = 7,1. \qquad (4)$$

Таблица 2

Возможные варианты добычи по рыбной отрасли с учетом логистической закономерности (тыс. т)

Год	1983	1984	1985	1986	1988	1989	1990	1991
Т=100 %	94,0	99,4	105,2	111,3	117,8	124,5	132,0	139,6
Т=110 %	–	–	–	115,7	127,3	140,0	154,0	170,0

Таким образом, данный процесс идет с замедлением темпов, т. е. вступает в период сатурации с «пределом насыщения», равным 130 тыс. т.

Если предположить, что после 2009 г. в течение определенного периода темп сохранится на уровне 105%, то «предела насыщения» в 130 тыс. т кривая достигнет к 2014 г. (табл. 3).

Для сравнения сопоставим нашу информацию с этапами, предложенными в стратегии «Размещения объемов вылова водных биологических ресурсов по Российской Федерации на период до 2020 года» (Магаданская область) (табл. 4).

Поэтому, имея достаточно большой период времени (динамический ряд), мы попытались выявить некоторую циклическую закономерность, которая может быть вызвана, указанными выше причинами, рассчитав кумулятивные итоги объемов добычи с учетом биологических циклов (рис. 3.).

Закономерность описывается логистическим уравнением, аналогично указанному выше.

Из рис. 3 следует, что в период после 2011 г. возможно снижение объемов добычи биологических ресурсов в ближайшие 3–4 года с учетом биологических ритмов.

Таблица 3

Возможный вариант объемов добычи по логистической кривой

2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
101,6	106,7	112,0	117,6	122,9	129,2	135,6

Таблица 4

Объемы добычи по этапам Стратегии (тыс. т)

Этапы	Года								
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Стратегия	100	–	–	–	–	130	–	–	150
Расчеты	118	123	129	136	142	150	157	165	173

Таким образом, если начиная с 2012 г. сохранить ежегодный темп роста на уровне 105 %, то установленного стратегией объема в 150 тыс т. к 2020 г. можно было бы достичь уже в 2017 г.

Рассчитаем логистическое уравнение, учитывая этапы Стратегии по годам:

$y_0(2012) = 100$; $y_1(2017) = 130$; $y_2(2022) = 165$.

Получаем уравнение в виде:

$$y_t = \frac{209}{1+10^{(0,0334-0,0638\cdot t)}},\ S_{ост} = 7,1. \qquad (5)$$

При этом «предел насыщения» – 209 тыс т. может быть достигнут на уровне 2027 г.

Описав аналитически возможные стратегии, рассмотрим данный процесс несколько с других позиций. Дело в том, что ресурс, с которым мы имеем дело, – биологический, имеющий свои законы развития, в силу которых происходит его естественное увеличение или уменьшение, что, безусловно, сказывается на объемах добычи в те или иные периоды.

Таким образом, используя статистическую информацию за достаточно длительный период, мы дали аналитическое описание «жизненного цикла» отрасли. На следующем этапе попытаемся применить некоторый сценарный подход – метод стратегических ограничений для расчётов на перспективный период [5; 7].

Идея метода заключается в том, что при приближении к периоду «насыщения» (k_i) необходим «качественный скачок (бифуркация)», скорее всего в точке «перегиба» (замедления темпов), для осуществления которого целесообразно использовать возможные инновационно-инвестиционные резервы, что приведет к росту темпов развития отрасли и переходу на новый качественный уровень. В целом процесс носит шаговый характер (стратегические ограничения), причем на каждом шаге появляется возможность рассчитать прогнозный уровень (предел насыщения) в сложившихся технико-экономических условиях. Однако возможно развитие сценария по другому варианту, который называется нормативно-целевой и отвечает на вопрос: «Что необходимо сделать, чтобы?..».

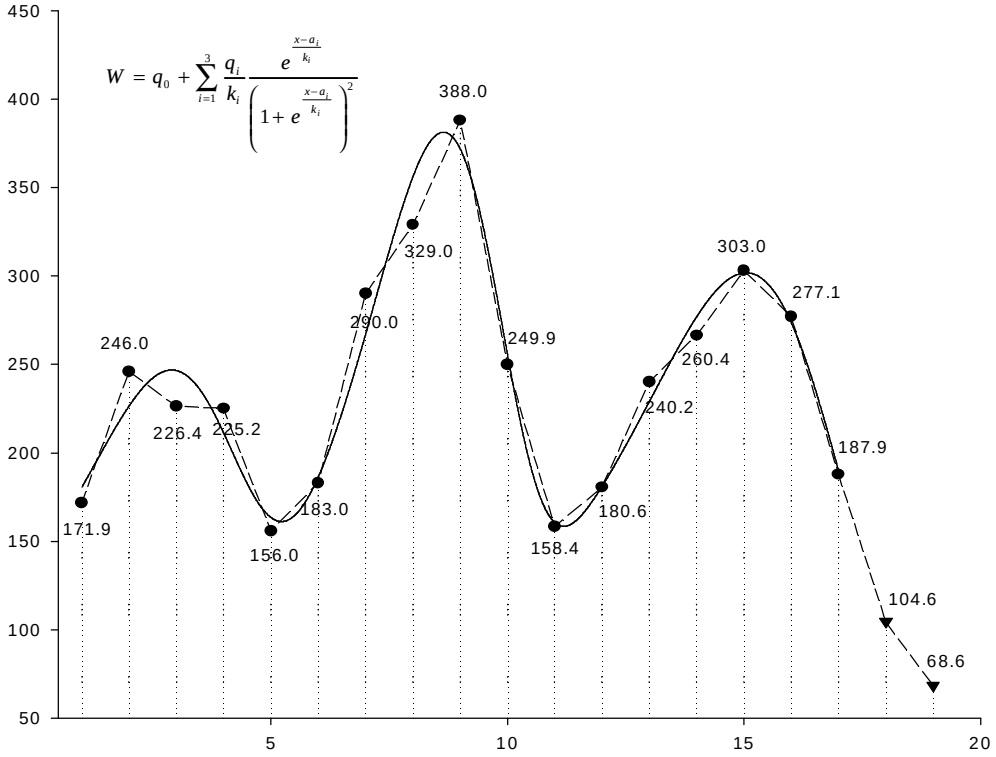


Рис.3. **Логистическая закономерность динамики объемов добычи с учетом возможных биологических циклов** (точки соответствуют номеру периода)

В этом случае, задается некоторый нормативный предел, например, исходя из Стратегии развития региона, и расчеты позволяют определить возможную скорость (темпы роста) для достижения цели. В частности, предположим, что объем в 209 тыс т. можно рассматривать как некоторый норматив объема добычи рыбной отрасли Магаданской области.

Далее рассмотрены несколько возможных сценариев. Во-первых, с учетом «Стратегии вылова водных биологических ресурсов по РФ на период до 2020 года», в соответствии с которой сохраняется темп 105 % и после 2020 г., или возможна бифуркация с темпом 108 % (табл. 5).

Во-вторых, в настоящее время разработана «Стратегия социально-экономического развития Магаданской области до 2025 года».

В этом случае возможны сценарии развития с учетом расчетов, приведенных выше (табл. 6).

Таблица 5

Сценарии развития рыбной отрасли Магаданской области (объемы добычи, тыс. т)

***k* = 209, тыс. т**	$\bar{T}$ **(%)**	**2021 г.**	**2022 г.**	**2023 г.**	**2024 г.**	**2025 г.**	**2026 г.**	**2027 г.**
Сценарий 1	105	157	165	174	182	191	200	209
Сценарий 2 (бифуркация)	108	162	175	189	198	209		

Таблица 6

Возможные сценарии развития рыбной отрасли Магаданской области (объем добычи, тыс. т)

***k* = 130, тыс. т**		**2011 г.**	**2012 г.**	**2013 г.**	**2014 г.**							
1 этап	$\bar{T}$ =105 %	112	118	124	1300							
***k* = 209, тыс. т**		**2015 г.**	**2016 г.**	**2017 г.**	**2018 г.**	**2019 г.**	**2020 г.**	**2021 г.**	**2022 г.**	**2023 г.**	**2024 г.**	**2025 г.**
2 этап	$\bar{T}$ =106 %	138	146	155	164	177	185	196	209			
3 этап	$\bar{T}$ =107 %									223	239	256

Таким образом, используя статистическую информацию и математико-статистические методы, мы сделали попытку количественно описать динамику отрасли и возможные сценарии ее перспективного развития. Однако очевидно, что любой прогноз носит вероятностный характер и может корректироваться с учетом реальных условий и мнений экспертов-специалистов.

Графическое изображение «жизненного цикла» рыбной отрасли (сценарный подход).

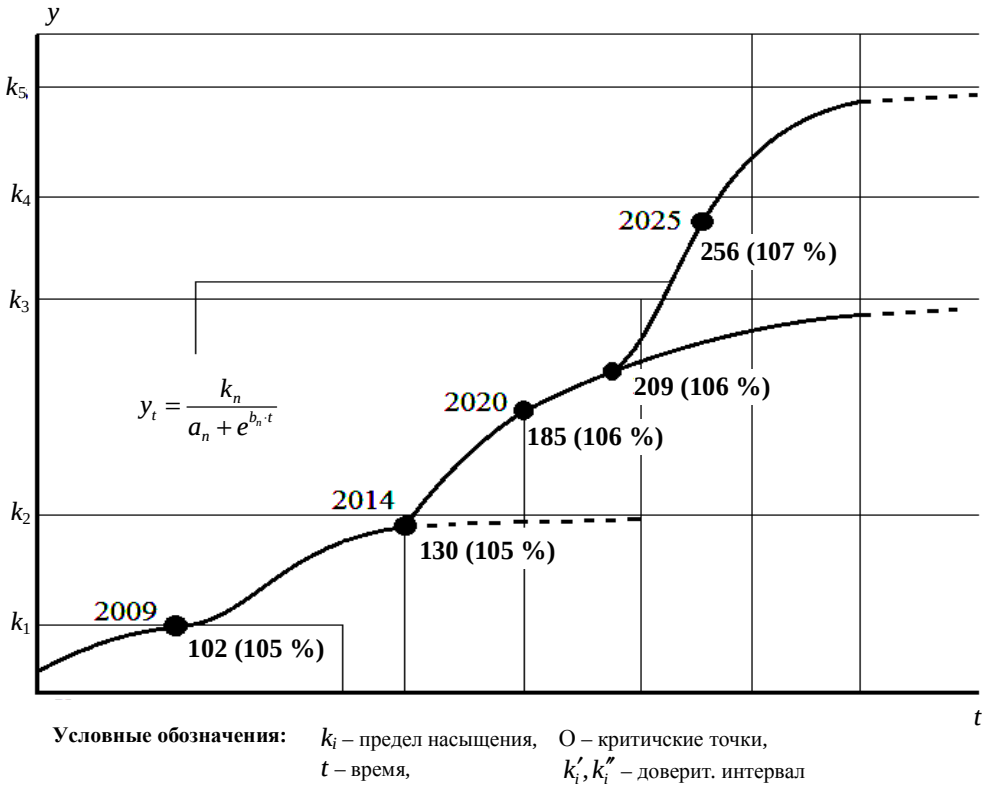


Рис.4. **Сценарий развития рыбной отрасли Магаданской области**

Библиографический список

1. Голикова Л.А. Прогнозирование обобщенных показателей развития горнодобывающей промышленности в регионе // Никитин В.С. Прогнозирование развития регионального горнопромышленного комплекса. – М. : Наука, 1982. – С. 125–131.

2. Любушин Н.П. Концепция жизненного цикла: от качественного описания – к количественной оценке / Н.П. Любушин, Н.Э. Бабичева // Экономический анализ: теория и практика. – 2010. – № 23. – С. 76–91.

3. Мильнер Б.З. Теория организации : учебник. – М. : Инфра-М, 2002. – 480 с.

4. Садченко К.В. Законы экономической эволюции. – М. : Дело и сервис, 2007. – 238 с.

5. Саркисян С.А. Прогнозирование развития больших систем / С.А. Саркисян, Л.В. Голованов. – М. : Статистика, 1975. – С. 40–45.

6. Формченкова Л.В. Анализ факторов конкурентоспособности организаций на различных стадиях жизненного цикла // Экономический анализ : теория и практика. – 2010. – № 33. – С. 46–52.

7. Четыркин Е.М. Статистические методы прогнозирования. – М. : Статистика, 1989. – С. 123–140.

R

УДК 911.3:316 (571.56)

ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАК РЕСУРС ОСОБОГО РОДА ПРИ РАЗВИТИИ ХОЗЯЙСТВА СЛАБООСВОЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ (на примере Якутии)

М.Ю. Присяжный

Экономико-географическое положение (ЭГП) *и развитие территории.* ЭГП является важнейшей частью ресурсов положения любого объекта, оказывая наиболее сильное воздействие на развитие пространственных экономических систем в целом, и рассматривается в качестве особого типа ресурсов, который обеспечивает территорию ресурсами взаимодействия и служит важным стимулом ее хозяйственного освоения.

Категория «ЭГП» является исторически изменчивой, степень выгодности или невыгодности которой не постоянна. Существуют определенные, как правило, непродолжительные, периоды времени, в которые значимость ресурсов положения для развития территории является определяющей.

Вопросы оценки влияния экономико-географического положения на развитие территории ранее затрагивались автором [8]. В данной статье мы попытаемся рассмотреть возможность задействования и использования ресурсов положения Якутии в качестве фактора развития республики и обустройства ее территории. Эта цель связана с рядом проблем, определяющим ход процесса освоения территории в современный период [10].

Роль ресурсов положения в разные периоды истории. Исторический экскурс показывает, что изначально освоение территории Азиатской России русскими землепроходцами, введение новых форм экономической деятельности происходило с Севера. Огромные массивы суши были исследованы и вовлечены в территориальное разделение труда межрегионального уровня благодаря естественным водным артериям, имеющим меридиональное направление течения.

С середины XVII века современная территория республики превращается в регион с важнейшими транзитными пунктами, что позволило в исторически короткие сроки вовлечь в сферу влияния России Северо-Восток Азии и значительную часть Северной Америки. Все крупнейшие экспедиции русских землепроходцев и исследователей пролегали через Якутию. Указанные факторы способствовали развитию инфраструктуры (производственной, транспортной, социальной и др.), главным образом, в части поселений, расположенных на реках республики, игравших роль естественных путей.

В этот, сравнительно благоприятный с точки зрения использования ресурсов положения, период времени, возникли и превратились в центры освоения Северо-Востока Азии Якутск, Верхневилюйское-Оленск-Вилюйск, Верхнеколымск, Верхоянск, Зашиверск, Крепость-Нижнеколымск, Походск, Среднеколымск и другие острожки – опорные базы управления и освоения территории. Спустя непродолжительный отрезок времени Россия потеряла свои владения на американском континенте и вынуждена была сменить вектор освоения. Все усилия государства на восточном направлении были переориентированы на более южные «азиатские» территории России, а именно: в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье.

Особого внимания заслуживает вопрос развития Северного морского пути (СМП). Исторические материалы говорят о том, что со времен Мангазеи в XVII–XVIII вв. подход российских властей в части использования иностранцами этого, по сути международного, а по факту – внутреннего, водно-транспортного пути носил по преимуществу запретительный характер [5]. Все это не способствовало поступательному экономическому развитию прилегающих к будущему Северному морскому пути территорий, а косвенно поощряло превращение Якутии и смежных с ней регионов страны в окраину с колониальным типом хозяйства.

Положение Якутии существенно изменилось лишь с получением прав на суверенитет в составе нового государства – Советской России – и с началом активной, пусть с преобладанием геополитической составляющей и недостаточным объемом инвестиций, экономической деятельности на Севере. Инициированное советской властью в

1920–1930-х гг. «движение» демографических и торгово-экономических масс на Север было во многом вынужденной мерой. Это определялось невозможностью в новых условиях, на фоне Октябрьской революции 1917 г. традиционных взаимоотношений в системе «Россия-Мир», предполагавших в том числе и активное использование морских коммуникаций наиболее развитых зарубежных стран.

Справедливости ради надо сказать, что главным фактором такой активности являлась необходимость инфраструктурного обеспечения создания минерально-сырьевой базы для проводившейся в те годы индустриализации страны. В результате деятельности Главного управления СМП при СНК СССР в довоенный период (1932 г. – июнь 1941 г.) шло активное промышленное, транспортное, культурное и иное[1] освоение Арктики. Перевозки по северной трассе привели не только к развитию приморских районов (ныне это территории пяти улусов – Анабарского, Булунского, Усть-Янского, Аллаиховского и Нижнеколымского), но и к всестороннему изучению условий навигации и развитию здесь связанного с морским речного судоходства [2]. Все это выявило потенциал транзитного положения республики на пересечении важных водных транспортных артерий мира.

Перегонка самолетов в годы Второй мировой войны из США в СССР на восточно-европейский театр военных действий союзников также продемонстрировала исключительную важность ресурсов положения Якутии в системе международных воздушных коридоров. Значительно улучшилась транспортная инфраструктура в пределах территории Якутии (аэродромы, взлетные полосы, авиаплощадки и т. д.). Последовавшее вслед за этим начало «холодной войны» и недостаточная техническая оснащенность мировой авиации того времени привели к новому закрытию Арктики для гражданского использования мировым сообществом. Северо-Восток Азии оказался единственным районом непосредственного соприкосновения двух супердержав – СССР и США и был закрыт для гражданского использования. Не могло быть и речи об экономическом сотрудничестве соседних северных районов-аналогов. Российский сектор продолжал развиваться в отрыве от мировой экономической и транспортной системы. В условиях формирования международных транспортных коридоров страна сознательно, в ущерб себе и своим регионам, отказалась от оказания транспортных услуг, включая обслуживание транзитных перевозок грузов и пассажиров зарубежных стран.

С началом перестройки 1980-х гг. в бывшем СССР и общим потеплением международного политического климата обстановка в Арктике и на Севере в целом кардинальным образом изменилась. В новых условиях гигантская территория, осваивавшаяся выборочно созданием очагов горнодобывающей промышленности, может рассматриваться не только как вместилище ресурсов.

Новую оценку получило ЭГП отдельных регионов, административных образований и поселений республики. На уровне регионального законодательства в 2002 г. были определены критерии труднодоступных и отдаленных местностей, в качестве которых признаны: отсутствие круглогодичного автотранспортного и водного сообщения; наличие естественных преград для передвижения любого вида наземного транспорта и отсутствие оборудованных посадочных площадок для авиационного транспорта, а также значительная отдаленность местности от улусного (районного) центра. Всего названным критериям в республике соответствуют отдельные местности (населенных пунктов, сел и производственных участков), расположенные в пределах 29 улусов Якутии [9].

На фоне деструктивных процессов 1990-х гг. относительно новые факторы, предпосылки географического пространства являются реальной основой для развития республики в ближайшей и отдаленной перспективе. Новое качество приобрели ресурсы положения Якутии в системе мировых транспортных артерий: обширная территория как «ресурс особого рода», особое географическое положение, которое характеризуется широким выходом к Северному Ледовитому океану.

[1] Например, военно-стратегическое. Можно также назвать оборудование многочисленных полярных станций (острова Жохова, Котельный, Преображенский, Четырехстолбовой, мыс Шалаурова, бухты Амбарчик и Тикси). Об этом периоде красноречиво говорит и название одного из островов в Восточно-Сибирском море близ побережья Нижнеколымского улуса – остров ГУСМП (Государственное управление северного морского пути).

Кроссполярные авиамаршруты. Якутия является «задворками» с точки зрения традиций освоения России, регионом с ненадежной, отрывочной системой связи. В свою очередь, международное сообщество интересует идея использования просторов Арктики для разработки системы транзитных кроссполярных авиамаршрутов, кратчайшими из которых являются и проходящие через территорию Якутии.

В настоящее время благоприятные особенности географического положения республики как нельзя лучше способствуют реализации проектов по созданию авиамостов, соединяющих североамериканский континент со странами Юго-Восточной Азии. Создание полярных маршрутов, которые значительно сокращают полетное время, приводит в свою очередь к появлению существенно больших коммерческих возможностей. Подавляющая часть действующих сегодня между Северной Америкой, Восточной и Юго-Восточной Азией маршрутов возникла в 1960–1980-е гг. В начале XXI в. рисунок авиатрафиков не полностью устраивает основные страны потребители (США, Канада, Китай, Сингапур, Южная Корея, Малайзия, Япония и др.) как по затратам времени на перевозку грузов и пассажиров, так и по себестоимости производимых перевозок.

По инициативе Российско-Американской координационной группы по управлению воздушным сообщением разработаны и подготовлены к технической эксплуатации проходящие над территорией России четыре воздушные трассы, две из которых пересекают воздушное пространство Якутии. Первая из «якутских» – «Полярная-3» проходит через Тикси-Жиганск-Вилюйск-Олекминск, вторая – «Полярная-4» – через Чокурдах-Чагду-Магдагачи. Наиболее сложным было решение вопроса об открытии воздушного коридора через границу России с КНР.

С прокладкой указанных международных авиамагистралей через территорию республики и Северный полюс упрощается сообщение между странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Обслуживание новых воздушных линий увеличит поступления в бюджет десятка субъектов Российской Федерации, в том числе и Республики Саха (Якутия).

Северный морской путь. Аналогично авиалиниям ситуация может складываться и в отношении СМП, хотя вопрос об его использовании весьма неоднозначен.

С одной стороны, отныне этот морской путь широко открыт всему миру. В изменившихся условиях возможны каботажные перевозки по нему, что, несомненно, интересует мир в части решения глобальной проблемы прямой связи Европы с Восточной Азией и Северной Америкой.

С другой стороны, арктический сектор России требует особого внимания в отношении «явного» или «опосредованного» проникновения в него иностранных держав. Прямым подтверждением наших слов являются два противоречащих друг другу названия статей в главной газете Якутии: «Отныне Севморпуть открыт всему миру» и «Арктические границы – на замок» [4; 7].

Моря Северного Ледовитого океана, считавшиеся до недавнего времени внутренними морями России, теперь и де-факто перестали быть таковыми. Отныне Северный морской путь – мировое достояние, что открывает его для плавания под всеми флагами. По предложению Минтранса России, согласованному с Минобороны, Федеральной пограничной службой и Федеральной службой безопасности России разрешен заход грузовых судов под иностранными флагами в порты и пункты на арктическом побережье страны. Пропуск через государственную границу РФ этих судов будет осуществляться в установленных морских пунктах как по прибытии, так и по убытии. Таким образом, на субарктическом континенте и в циркумполярной цивилизации, по крайней мере в Российской части, почти не осталось более закрытых зон.

Однако все перечисленное для Республики Саха (Якутия) означает также потребность паритетного участия в пограничной политике страны. В соответствии с отмеченным выше решением Правительства России в Якутии проводится проверка готовности приграничных арктических улусов по обеспечению режима пограничной зоны. На местные муниципальные власти Анабарского, Булунского, Усть-Янского, Аллаиховского и Нижнеколымского улусов (перечислены в порядке следования с запада на восток) возложены работы по установке пограничных знаков. Паспортно-визовой службе респуб-

лики поручена перерегистрация граждан приграничной зоны, все жители которой должны оформить отметку в паспорте о том, что они постоянно проживают в ее пределах. Вновь, как это было ранее, выезд в северные улусы регламентирован наличием разрешения или статусом постоянного резидента.

Современная постановка арктических границ на замок, без сомнения, будет иметь определенное воздействие на все составляющие инфраструктуры северных территорий. Так, в селе Саскылах Анабарского улуса планируется строительство ряда объектов инфраструктуры (производственной, транспортной, социальной и пр.) для пограничной заставы. Речь идет о восстановлении пограничной службы в республике. Первые погранзоны появились в Якутии на стыке 1950–1960-х гг., когда в ответ на военные приготовления вооруженных сил США на Аляске, в Гренландии и арктическом секторе Канады по всему советскому побережью Северного Ледовитого океана были расположены части Арктической группы войск. Вплоть до середины 1990-х гг. попасть на «север» было затруднительно даже для жителей более южных районов Якутии. Для иностранцев особый режим арктических регионов сохраняется и сейчас [1].

Что будет? Итак, экономико-географическое положение Республики Саха (Якутия) традиционно называется невыгодным. Это определяет устоявшиеся в российском государстве стереотипы в отношении всего Северо-Востока Азии. Известно, что важным свойством развития транспорта является территориальная совместимость мест производства и потребления его продукции [11]. Снижение объемов производства в последнее десятилетие привело к появлению резервов в транспортной системе региона. Одновременно под влиянием внешней открытости российских пространств происходит существенная трансформация экономических условий развития отдельных российских регионов [3], особенно проявившаяся в таком субъекте, как Якутия. Чтобы задействовать транспортный «потенциал» Якутии, необходимо в кратчайшие сроки использовать возникший период геополитического благоприятствования и новое качество ресурсов положения республики. Это позволит как найти работу для находящихся в депрессивном состоянии транспортных центров, так и обеспечить поступательное развитие территории за счет вовлечения новых частей республики во внешнеэкономическую деятельность.

Своей реализации ждет акцентировано сформулированная еще в самом начале «холодной войны», но звучащая столь современно, надежда использовать все преимущества экономико-географического положения Якутии, а именно:

– близость Якутии к Северному полюсу;

– ее роль на трассе Северного морского пути и на северных воздушных трассах;

– стратегическое значение территории, связанное с ее положением на северо-востоке страны, в непосредственной близости к Америке, Японии и Китаю [6].

На базе новых видов транспорта и транспортной техники в корне изменится система транспортного обслуживания северных улусов республики и традиционных отраслей. Предстоит создать новый флот малой авиации. Модернизированная коммуникационная структура будет способствовать интенсивному хозяйственному обмену между регионами и континентами.

В отдаленной перспективе, по мере роста системы международной интеграции, важное место в хозяйственных связях России и прилегающих регионов мира будет принадлежать закольцованной сети магистральных железных дорог, соединяющих Сибирь с Чукоткой и Аляской. Транспорт, средства связи и информатики, являясь главными опорами в развитии Якутии, обеспечат ей более выгодные позиции в российской и мировой экономике. Это позволит реализовать основные стратегические направления расширения участия республики в географическом разделении труда.

Библиографический список

1. Алексеев Н. Погранзоны в Якутии – дело не новое. – Якутия, 2003. – 23 августа.

2. Боякова С.И. Главсевморпуть в освоении и развитии Севера Якутии. – Новосибирск : Наука, 1995. – 127 с.

3. Вардомский Л.Б. Пространство России под влиянием внешней открытости // Российские регионы в новых экономических условиях. – М. : ИГ РАН,1996. – С. 12–20.

4. Гарский А. Отныне севморпуть открыт всему миру. – Якутия, 2003. – 30 апреля.

5. Котляков В.М. Российский Север в новых условиях / В.М. Котляков, Г.А. Агрант // Изв. РАН. Сер. «География». – 1994. – № 5. – С. 37–45.

6. Кротов В.А. Объяснительная записка к экономико-географическому атласу Якутской АССР. – Иркутск, 1947. – 52 с.

7. Николаев А. Арктические границы – на замок. – Якутия, 2003. – 22 июля.

8. Присяжный М.Ю. Ресурсы положения Якутии в системе мировых транспортных артерий // Общество и власть. Молодые ученые о перспективах социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) : сб. науч. трудов. – Якутск : Изд-во Якутского ун-та, 2001. – Вып. 1 (4). – С. 73–77.

9. Присяжный М.Ю. Географические основания развития отдельных частей Якутии в кратких описаниях улусов, наслегов и населенных мест республики. – Якутск : НИПК «Сахаполиграфиздат», 2003. – 696 с.

10. Присяжный М.Ю. Проблемы совершенствования форм освоения регионов Севера в переходный период и на перспективу // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2010. – № 3. – С. 42–46.

11. Раднаев Б.Л. Транспорт Востока России в новой социально-экономической и геополитической ситуации. – Новосибирск : Изд-во Сиб. отд-ния СО РАН, 1996. – 128 с.

R

СТРОИТЕЛЬСТВО. ТРАНСПОРТ

УДК 629.1.02:629.11.012.5

ПОВЫШЕНИЕ ТОЧНОСТИ РАБОТЫ СИСТЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ СХОЖДЕНИЯ УПРАВЛЯЕМЫХ КОЛЕС АВТОТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В ДВИЖЕНИИ

В.И. Рассоха, В.Т. Исайчев

Статья продолжает цикл публикаций, посвященных ресурсосбережению автомобильных шин за счет регулирования схождения управляемых колес в движении, в которых приведены: результаты анализа зависимостей между параметрами автомобильных шин и их эксплуатационными характеристиками; роли оптимизации схождения управляемых колес в задаче повышения срока службы шин; пассивных и активных методов регулирования схождения, а также направления совершенствования систем активного регулирования схождения, разработанных с участием одного из авторов [3, с. 154–160]; конструкция и принцип действия базового варианта системы активного регулирования схождения управляемых колес в процессе движения [4, с. 21–23]; варианты конструктивных решений системы [2, с. 138–143]; обоснование оптимальной конструкции датчикового узла системы [1, с. 18–22].

Система активного регулирования схождения управляемых колес в процессе движения, как и любая механическая система, обладает инерционностью, вследствие чего после достижения оптимального схождения и прекращения процесса регулирования управляемые колеса будут продолжать некоторое время поворачиваться, что потребует нового цикла работы системы по устранению возникшего в результате «перерегулирования» обратного отклонения схождения, и т. д.

Для учета инерционности элементов системы при регулировании и определения ее пороговых значений необходимо выявить зависимость параметров системы от состояния автотранспортного средства (АТС), в том числе и угла отклонения схождения управляемых колес от оптимального значения.

Пусть при воздействии некоторых факторов (износ сопряжений, загрузка АТС, дорожные условия, скорость и режимы движения и т. д.) схождение управляемых колес АТС отклонилось в отрицательную сторону на угол 2δ от оптимального положения (см. рис.). Если перевод распределительного устройства в нейтральное положение будет производиться при достижении нулю боковых реакций дороги, действующих на управляемые колеса, то за счет инерционности элементов системы будет происходить «перерегулирование» схождения управляемых колес на угол δ_u' в противоположную (в рассматриваемом случае – положительную) сторону.

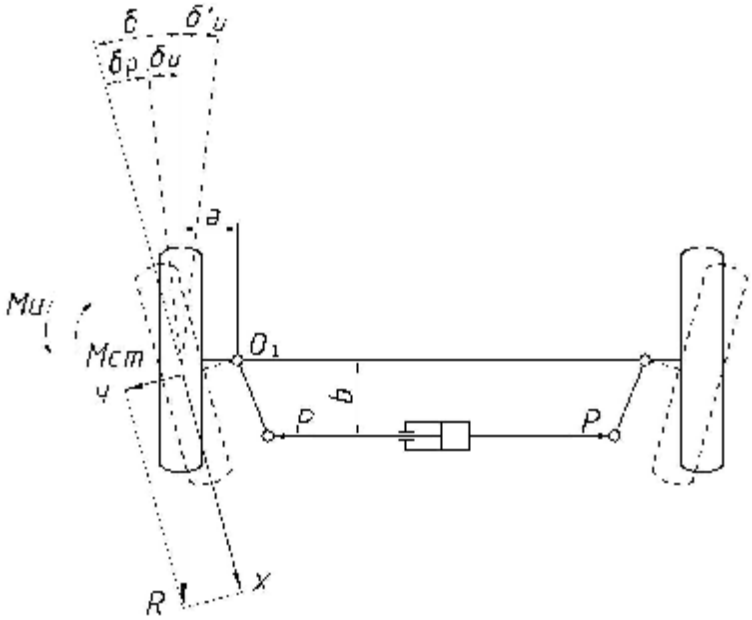


Рис. **Схема к расчету инерционности системы**
(углы δ, δ_p, δ_u и δ_u' для наглядности намеренно завышены по отношению к величинам, возможным в эксплуатации)

На основании сказанного, процесс регулирования (восстановления оптимального схождения), можно условно представить протекающим в две фазы:

1) *силовое восстановление* части (угол δ_c) отклонения текущего схождения от оптимального за счет воздействия исполнительного механизма;

2) *инерционное дорегулирование* на угол $\delta_и$ до оптимального схождения за счет инерции элементов системы.

Тогда угол отклонения схождения управляемого колеса от оптимального положения будет равен:

$$\delta = \delta_р + \delta_и. \qquad (1)$$

При оптимальном схождении управляемых колес на них действуют только нормальные и касательные реакции дороги. При отклонении схождения управляемых колес от оптимального на угол 2δ на колеса (на рисунке они изображены штриховой линией) действуют нормальные, касательные и боковые реакции дороги. Две последние составляют суммарную реакцию *R* дороги на колесо, лежащую в плоскости дороги.

В фазе силового восстановления на колесо с осью в сборе действуют (см. рисунок, скорость движения АТС постоянна):

– M_x – момент сопротивления повороту (момент от касательной реакции дороги на колесо *x*);

– $M_и$ – инерционный момент управляемого колеса с осью;

– $M_р$ – момент от усилия в гидроцилиндре поперечной рулевой тяги;

– $M_{ст}$ – стабилизирующий момент.

Тогда уравнение всех действующих на колесо силовых факторов относительно центра поворота O_1 будет иметь вид:

$$M_x + M_и - M_р - M_{ст} = 0. \qquad (2)$$

Ввиду небольшой величины углов отклонения управляемых колес от оптимальных значений влияние стабилизирующего момента на процесс регулирования схождения можно не учитывать.

Тогда уравнение (2) упростится:

$$M_x + M_и - M_р = 0. \qquad (3)$$

Момент M_x определяется по выражению:

$$M_x = x \cdot a = Z_к \cdot \psi \cdot a, \qquad (4)$$

где x – касательная реакция дороги на колесо;

a – расстояние от центра поворота до средней плоскости управляемого колеса;

$Z_к$ – нормальная реакция дороги на колесо:

$$Z_к = \left(0{,}5G_1 + G_к\right) m_{p1},$$

здесь: G_1 – вес АТС, приходящийся на управляемую ось; $G_к$ – вес управляемого колеса; m_{p1} – коэффициент перераспределения нормальных реакций;

ψ – коэффициент суммарного дорожного сопротивления: $\psi = f + i$, где i – уклон дороги, а f – коэффициент сопротивления качению, который может быть определен по выражению:

$$f = f_0 \cdot (1+\nu^2/20\,000),$$

где ν – скорость движения АТС; f_0 – коэффициент, зависящий от дорожного покрытия.

Полагая, что масса управляемого колеса с осью сосредоточена на этой оси в средней плоскости колеса, инерционный момент может быть определен как

$$M_и = I_к \cdot \varepsilon_1, \qquad (5)$$

где ε_1 – угловое ускорение управляемого колеса с осью относительно центра поворота O_1 в фазе силового восстановления; $I_к$ – момент инерции колеса с осью в сборе, который определяется как

$$I_к = m_к \cdot a^2, \qquad (6)$$

где $m_к$ – масса управляемого колеса с осью в сборе.

Момент от восстановительного усилия в исполнительном механизме от давления на поршень рабочей жидкости будет равен:

$$M_р = P \cdot b, \qquad (7)$$

где b – расстояние от оси поперечной тяги до центра поворота управляемого колеса с осью; P – усилие, создаваемое исполнительным механизмом в поперечной рулевой тяге:

$$P = p \cdot \frac{\pi \cdot d_ц^2}{4}, \qquad (8)$$

здесь: p – давление рабочей жидкости в системе; $d_ц$ – рабочий диаметр гидроцилиндра исполнительного механизма.

Подставив выражения (4), (5) и (7) в уравнение (3), получим:

$$x \cdot a + m_к \cdot a^2 \cdot \varepsilon_1 - P \cdot b = 0. \qquad (9)$$

Решая его, находим угловое ускорение управляемого колеса с осью относительно центра его поворота O_1 в фазе силового восстановления:

$$\varepsilon_1 = \frac{P \cdot b - x \cdot a}{m_к \cdot a^2}. \qquad (10)$$

Имея угловое ускорение ε_1, *можно* определить угол δ_p, на который должно повернуться управляемое колесо АТС в фазе силового восстановления:

$$\delta_p = \frac{\varepsilon_1 \cdot t_1^2}{2}, \qquad (11)$$

где t_1 – время поворота управляемого колеса с осью в первой фазе.

Для определения угловой скорости поворота управляемого колеса с осью в конце фазы силового восстановления продифференцируем выражение угла поворота в этой фазе по углу и по времени:

$$\frac{d \cdot \delta_p}{d \cdot t} = \frac{2\varepsilon_1 \cdot t_1}{2},$$

откуда $\omega_0 = \varepsilon_1 \cdot t_1$, где ω_0 – угловая скорость колеса с осью относительно O_1 в момент окончания действия гидроцилиндра.

Отсюда время фазы силового восстановления и угол δ_p, на который должно повернуться управляемое колесо в этой фазе:

$$t_1 = \frac{\omega_0}{\varepsilon_1}, \qquad (12)$$

$$\delta_p = \frac{\omega_0^2}{2\varepsilon_1}. \qquad (13)$$

В фазе инерционного дорегулирования на управляемое колесо с осью действует момент от касательной реакции дороги на колесо и инерционный момент от колеса и связанных с ним деталей. Тогда уравнение (3) примет вид:

$$M_x - M_u = 0. \qquad (14)$$

Подставив в уравнение (14) выражения (4–6), получим:

$$x \cdot a - m_к \cdot a^2 \cdot \varepsilon_2 = 0, \qquad (15)$$

откуда найдем угловое замедление управляемого колеса с осью в фазе инерционного дорегулирования:

$$\varepsilon_2 = \frac{x}{m_к \cdot a}. \qquad (16)$$

Угловая скорость управляемого колеса с осью в фазе инерционного дорегулирования определяется как

$$\omega = \omega_0 - \varepsilon_2 \cdot t. \qquad (17)$$

Угловая скорость управляемого колеса во второй фазе в момент конца восстановления правильного положения управляемого колеса должна быть равна нулю. Приравняв выражение (17) к нулю, определим время инерционного дорегулирования:

$$t_2 = \frac{\omega_0}{\varepsilon_2}. \qquad (18)$$

С учетом этого угол, на который поворачивается управляемое колесо с осью в фазе инерционного дорегулирования, составит:

$$\delta_u = \frac{\omega_0^2}{2\varepsilon_2}. \qquad (19)$$

Тогда угол отклонения схождения управляемого колеса от оптимального будет равен:

$$\delta = \delta_c + \delta_u = \frac{\omega_0^2}{2\varepsilon_1} + \frac{\omega_0^2}{2\varepsilon_2}. \qquad (20)$$

Отсюда определим угловую скорость управляемого колеса с осью (относительно O_1) в момент окончания силовой и начала инерционной фазы восстановления правильного схождения управляемых колес:

$$\omega_0 = \sqrt{\frac{2 \cdot \delta \cdot \varepsilon_1 \cdot \varepsilon_2}{\varepsilon_1 + \varepsilon_2}}. \qquad (21)$$

С учетом выражений (10) и (16) ускорений ε_1 и ε_2 управляемого колеса с осью, соответственно, в первой и второй фазах восстановления схождения управляемых колес АТС, окончательное выражение угловой скорости управляемого колеса с осью относительно центра поворота O_1 в момент конца первой и начала второй фаз примет вид:

$$\omega_0 = \sqrt{\frac{2\delta \cdot \frac{P \cdot b - x \cdot a}{m_к \cdot a^2} \cdot \frac{x}{m_к \cdot a}}{\frac{P \cdot b - x \cdot a}{m_к \cdot a^2} + \frac{x \cdot a}{m_к \cdot a}}} =$$

$$= \sqrt{2\delta \cdot \frac{(P \cdot b - x \cdot a) \cdot x}{P \cdot b \cdot m_к \cdot a}}. \qquad (22)$$

Имея угол δ отклонения схождения управляемого колеса от оптимального, а также необходимые параметры состояния АТС, можно определить угловую скорость управляемого колеса с осью ω_0 и время t_u (или угол δ_u), за которое нужно прекратить силовое воздействие исполнительного механизма для восстановления правильного схождения системы, которое будет равно времени фазы инерционного дорегулирования.

Полученные теоретические зависимости позволяют определить рабочие параметры системы для непрерывного автоматического регулирования схождения управляемых колес АТС с учетом инерционности ее элементов и обеспечить высокую точность регулирования схождения управляемых колес АТС в процессе движения.

Библиографический список

1. Рассоха В.И. Обоснование оптимальной конструкции датчикового узла системы регулирования схождения управляемых колес автотранспортных средств в движении // Вестник МАДИ (ГТУ). – 2009. – № 4.

2. Рассоха В.И. Разработка системы для непрерывного регулирования схождения управляемых колес автотранспортных средств в движении / В.И. Рассоха, Е.В. Бондаренко, В.Т. Исайчев // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2008. – № 2.

3. Рассоха В.И. Система активного регулирования схождения: место, задачи и реализации в проблеме ресурсосбережения автомобильных шин // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2009. – № 2.

4. Рассоха В.И. Устройство контроля и регулирования схождения управляемых колес АТС в процессе движения / В.И. Рассоха, В.Т. Исайчев, Е.В. Бондаренко // Автомобильная промышленность. – 2009. – № 5.

R

XII МЕЖВУЗОВСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ И УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

18–19 мая 2011 года прошла уже ставшая традиционной XII Межвузовская научно-практическая конференция студенческой и учащейся молодежи Магаданской области, в которой приняли участие около 255 студентов и школьников учебных заведений начального и высшего профессионального образования, общеобразовательных школ г. Магадана и области. Северо-Восточный государственный университет, Магаданский филиал Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, Магаданский институт экономики Санкт-Петербургской академии управления и экономики, Российский государственный гуманитарный университет (филиал в г. Магадане), Медицинский колледж Департамента здравоохранения администрации Магаданской области, Магаданский филиал Современной гуманитарной академии, Магаданский политехнический техникум, МБОУ «Гимназия (английская)», «Лицей (эколого-биологический)», «Гимназия № 24», «Гимназия № 30», СОШ № 29, СОШ пос. Сеймчан – вот перечень учебных заведений, активно принимавших участие в конференции.

Конференция проводилась в рамках реализации Постановления администрации Магаданской области от 03.12.2009 г. № 608-па «Об областной целевой программе «Молодежь Магаданской области» на 2010–2013 годы». Учредителями конференции являлись Управление по делам молодежи администрации Магаданской области и Совет молодых ученых и специалистов Магаданской области.

Открытые конференции проходило в актовом зале Северо-Восточного государственного университета. В ходе пленарного заседания с приветственными словами выступили представители органов власти: губернатор Магаданской области, кандидат экономических наук Н.Н. Дудов; мэр г. Магадана В.П. Печеный; председатель областной Думы А.П. Александров; заместитель губернатора Магаданской области, кандидат философских наук, председатель оргкомитета конференции В.Н. Соболева; начальник Управления по делам молодежи администрации Магаданской области Д.А. Павлик; представители академической науки – проректор по научной работе СВГУ, доктор педагогических наук, профессор О.А. Леонова; а также ученый секретарь конференции – кандидат педагогических наук, доцент И.Г. Ноговицына.

Было предоставлено право открывать конференцию и молодым ученым нашего региона. С напутственными словами выступил А.В. Ямборко – председатель Совета молодых ученых и специалистов Магаданской области, заместитель председателя конференции; Д. Просяник – студент филологического факультета группы РЛА-71 Северо-Восточного государственного университета.

Для качественной работы конференции были созданы экспертные советы, в компетенцию которых входила комплексная оценка предъявляемых докладов и выступлений, были разработаны критерии такой оценки. В состав экспертов входили 69 представителей науки и практики, из них: 7 – докторов наук и 26 – кандидатов наук; 26 – представители практической деятельности и 43 – представители академической науки.

По итогам работы конференции 19 студентов были отмечены дипломами и памятными призами за особые успехи в научно-исследовательской работе, из них 12 – студенты Северо-Восточного государственного университета: А.В. Таракановский (науч. рук. Н.Н. Некрутенко), Ю.В. Хомутинина (науч. рук. А.Н. Самойлова), Ю.И. Шкурей и И.Р. Файзрахманов (науч. рук. С.М. Сергеев), А.А. Клюйкова (науч. рук. А.В. Вторушина), Н.Н. Гурьянов (науч. рук. А.А. Орехов), А.В. Караблин (науч. рук. К.Я. Гиберт), М.А. Дутова (науч. рук. Е.А. Широкова), Е.С. Аталыкова (науч. рук. В.И. Пинковский), Е.В. Стойда (науч. рук. О.Н. Евсюкова), Д.И. Кузнецов (науч. рук. И.Ю. Кузнецов), Е.П. Васильева (науч. рук. О.Ф. Поспелова).

Еще 24 доклада были отмечены как лучшие на секциях; 60 студентов и школьников получили рекомендации экспертов для публикации результатов своих исследований.

***И.Г. Ноговицына*,**
кандидат педагогических наук, доцент,
руководитель НИРС СВГУ,
ученый секретарь конференции

ИНФОРМАЦИЯ О ПРОВЕДЕНИИ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ (ЗАОЧНОЙ) КОНФЕРЕНЦИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АВТОТРАНСПОРТНОГО КОМПЛЕКСА» 29–30 НОЯБРЯ 2010 г.

На конференцию «Проблемы и перспективы развития автотранспортного комплекса» было заявлено 99 докладов от 150 участников.

Большая часть участников – известные ученые и исследователи в области технических наук. Среди них Сильянов Валентин Васильевич, д-р техн. наук, профессор Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ); Спирин Иосиф Васильевич, д-р техн. наук, профессор, гл. научный сотрудник НИИАТ (ОАО «Научно-исследовательский институт автомобильного транспорта», г. Москва); Трофименко Юрий Васильевич, д-р техн. наук, профессор Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ), кафедра техносферной безопасности; Якунин Николай Николаевич, д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой автомобильного транспорта Оренбургского государственного университета, Бузулукский гуманитарно-технологический институт (филиал Оренбургского государственного университета), кафедра технической эксплуатации и ремонта автомобилей; Басаргин Владимир Данилович, д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой ТЭРА Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск); Потеха Валентин Леонидович, д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой «Машиноведение и техническая эксплуатация автомобилей» Гродненского государственного университета им. Я. Купалы, кафедра «Машиноведение и техническая эксплуатация автомобилей» и др.

По заявленной тематике конференции было сформировано 8 секций:

1. Современные проблемы развития автотранспортного комплекса.
2. Экономическое и правовое регулирование деятельности автотранспортной отрасли.
3. Новые технологии, оборудование, процессы и материалы в автомобилестроении.
4. Современные направления организации дорожного движения автомобильного транспорта.
5. Исследование и усовершенствование рабочих процессов агрегатов и систем транспортных средств.
6. разработка и совершенствование процессов эксплуатации, технического обслуживания и ремонта автомобилей.
7. Информационные технологии на автотранспорте.
8. Экологические проблемы и производственная безопасность.

По результатам конференции « Проблемы и перспективы развития автотранспортного комплекса» издательством Северо-Восточного государственного университета был издан сборник материалов общим объемом 28,84 печатных листа.

И.А. Якубович,
доктор технических наук, доцент
заведующая кафедрой
автомобильного транспорта СВГУ

РЕФЕРАТЫ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ВЫПУСКЕ

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

Психологическое содержание трудовой деятельности / Н.В. Бондарчук // Вестник СВГУ. – 2011. – Вып. 16. – С. 10. – Библиогр.: с. 12 (16 назв.).

Изложены основные аспекты психологического понимания трудовой деятельности. Обозначена основная задача психологического изучения трудовой деятельности. Описаны основные объективные и субъективные параметры трудовой деятельности. Дано определение понятия «психологическое содержание трудовой деятельности».

Ключевые слова: труд, субъект труда, трудовая деятельность, психологическое содержание трудовой деятельности.

The given article presents principal aspects of psychological interpretation of labor activity. Designated the main task of the psychological study of labor activity. Describes the main objective and subjective parameters of labor activity. Given the definition of «*psychological contents of labor activity*».

Key words: work, the subject of work, labor activity, the psychologic maintenance of labor activity.

УДК 159.9

Эффект Барнума: исследование восприятия испытуемыми личностных описаний с различной социальной желательностью в зависимости от типа применяемой методики / В.В. Калита, А.С. Гайдай // Вестник СВГУ. – 2011. – Вып. 16. – С. 12. – Библиогр.: с. 18 (6 назв.).

Настоящее исследование является попыткой верификации эффекта Барнума и некоторых из его предполагаемых причин на русскоязычной выборке.

Ключевые слова: восприятие личности, личностные описания, обобщенные описания, социальная желательность.

The present study is an attempt to verify the Barnum effect, and some of its assumptive causes, on the Russian-speaking sample.

Key words: perception of the person, the personal descriptions, the generalized descriptions, social desirability.

УДК 159.9

Эмпирический анализ индивидуальных различий в эмоциональном зрительном поиске / В.В. Овсянникова // Вестник СВГУ. – 2011. – Вып. 16. – С. 19. – Библиогр.: с. 22–23 (11 назв.).

Описаны результаты экспериментального исследования при эмоциональном зрительном поиске по показателям времени реакции и точности обнаружения целевого стимула. Получены достоверные гендерные различия по точности обнаружения целевого стимула.

Ключевые слова: индивидуальные различия, зрительный поиск, эмоциональная экспрессия, точность обнаружения, время реакции.

Results of an experimental research are described by emotional visual search in indicators of time of reaction and accuracy of detection of target stimulus. Authentic gender distinctions on accuracy of detection of target stimulus are received.

Key words: individual distinctions, visual search, an emotional expression, accuracy of detection, reaction time.

УДК 159.9

Проблема эргономического проектирования профессионального образа жизни специалистов, работающих в режиме вахтового, сезонного, полевого и сменного графика / В.П. Серкин // Вестник СВГУ. – 2011. – Вып. 16. – С. 23. – Библиогр.: с. 30–31 (20 назв.).

Ставится проблема необходимости эргономического описания и проектирования профессионально специфичного образа жизни для тех специалистов, деятельность которых невозможна без организации особого образа жизни. Приведены примеры, перечислены факторы и параметры описания профессионально специфичного образа жизни.

Ключевые слова: эргономика, образ жизни, образ мира, профессионал.

In article the problem of necessity of the ergonomic description and designing of professionally specific way of life for those specialists which activity is impossible without the organization of a special way of life is put. Examples are resulted, factors and parameters of the description of professionally specific way of life are listed.

Key words: ergonomics, a way of life, an image of the world, the professional.

УДК 159.9

Временна́я форма процессов и профессионального опыта / Ю.К. Стрелков // Вестник СВГУ. – 2011. – Вып. 16. – С. 31. – Библиогр.: с. 45 (33 назв.).

Временна́я форма процессов и профессионального опыта представлена в сознании субъекта. Для синхронизации действий с процессами в окружающем мире человек опирается на структуры опыта и на антиципацию, используя наличную информацию. В основе разработок автора использованы исследования труда людей, управляющих транспортными средствами.

Ключевые слова: человек, гуманитарная парадигма, процесс, время, структуры опыта, временна́я форма, длительность, труд, синхронизация, деятельность, сознание.

Temporal form of processes and expertize is presented in consciousness of the subject. For synchronization of actions with processes in world around, the person leans against structures of experience and on anticipation, using the cash information. In a basis workings out of the author researches of work of the people operating vehicles are used.

Key words: the person, a humanitarian paradigm, process, time, experience structures, temporal form, duration, work, synchronization, activity, consciousness.

УДК 159.9

Оценка представителей разнотипных профессий потребителями труда / Ю.Е. Якунина // Вестник СВГУ. – 2011. – Вып. 16. – С. 46. – Библиогр.: с. 52 (14 назв.).

Изложены результаты исследования критериев, используемых потребителями труда для оценки профессиональной деятельности представителей различных типов профессий, показано качественное разнообразие критериальных систем потребителей, отличия их оценки от оценки других субъектов оценивания профессиональной деятельности.

Ключевые слова: оценка эффективности, критерии оценки, профессиональная деятельность, субъекты оценивания, потребители.

The paper presents results of a study of criteria used by consumers to assess professional activities from different types of professions. The author shows a qualitative diversity of criterion systems used by consumers , the differences between scores from consumers and the other subjects of the evaluation of professional activity.

Key words : an efficiency estimation, criteria of an estimation, professional work, subjects of estimation, consumers.

ПЕДАГОГИКА

УДК 37. 02., 371

Теория решения изобретательских задач – технология творчества / Л.С. Давыдова // Вестник СВГУ. – 2011. – Вып. 16. – С. 54. – Библиогр.: с. 61 (7 назв.).

Раскрыты некоторые особенности развития интеллектуальной культуры, личности; дано обоснование необходимости реализации принципа проблемности в образовании, ориентирования современной педагогики на формирование у обучающихся качеств творческой личности.

Педагог рассматривается не как источник информации, а организатор «мыследеятельности». Используя теорию решения изобретательских задач (ТРИЗ) он помогает учиться и разрешать противоречия, начиная с дошкольного возраста.

Ключевые слова: проблемная ситуация, проблемное обучение, противоречие, ТРИЗ.

Some peculiarities of the development of intellectual culture of personality are revealed. The author grounds the necessity of the problematic principle realization in education and of the orientation of modern pedagogics on the formation of a creative personality's characteristics in students.

The teacher is viewed not as a source of information but as an organizer of thinking activity. Using the theory of inventive tasks making (TRIZ) the teacher helps to study and to cope with contradictions, starting with the preschool age.

Key words: problematic situation, problematic education, contradiction, TRIZ.

УДК 14.09

Духовное наследие Иннокентия (Вениаминова) как социокультурное явление / В.В. Тукиш // Вестник СВГУ. – 2011. – Вып. 16. – С. 61. – Библиогр.: с. 66 (8 назв.).

Раскрыта социокультурная обстановка в России конца XVIII–XIX вв., нашедшая отражение в духовном наследии святителя Иннокентия (Вениаминова) митрополита Московского и Коломенского.

Ключевые слова: социокультурная обстановка, духовное наследие.

In the article the author reveals social and cultural situation in Russia of the end of XVIII–XIX centuries as reflected in cultural heritage by priest Innokenty (Veniaminov) Moscow and Kolomensky metropolitan.

Key words: social and cultural atmosphere**,** cultural heritage.

ЛИНГВИСТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-193.3

Сонет как жанр: некоторые исторические и теоретические аспекты / Н.В. Вороневская // Вестник СВГУ. – 2011. – Вып. 16. – С. 68. – Библиогр.: с. 72–73 (22 назв.).

Статья посвящена краткому рассмотрению некоторых исторических и теоретических аспектов сонета как жанра, представленных в работах отечественных и зарубежных исследователей сонета.

Ключевые слова: сонет, происхождение сонета, признаки сонета, типы сонета.

The article is devoted to the brief study of some historical and theoretical aspects of a sonnet as a genre presented in the works of Russian and foreign researchers of a sonnet.

Key words: sonnet, the origin of the sonnet, features of the sonnet, sonnet's types.

УДК 801.55

Место слова *личность* в категории одушевленности/неодушевленности / О.Н. Евсюкова // Вестник СВГУ. – 2011. – Вып. 16. – С. 73. – Библиогр.: с. 78–79 (12 назв.).

Рассматривается вопрос об особенностях реализации категории одушевленности / неодушевленности у многозначного слова *личность*.

Ключевые слова: имя существительное, морфологическая категория, одушевленность, неодушевленность.

The suggested article deals with the peculiarities of the realization of the category of animation/ inanimation of the polysemantic word *person*.

Key words: noun, morphological category, animation, inanimation.

УДК 82-1.-9

Картель как жанр французской поэзии XVI–XVIII веков / В.И. Пинковский // Вестник СВГУ. – 2011. – Вып. 16. – С. 79. – Библиогр.: с. 83 (16 назв.).

Рассматривается поэтика и историческая судьба картеля, жанра французской поэзии XVI–XVIII веков. Большая часть художественных и теоретических текстов, используемых в данной работе, не переводилась на русский язык и не изучалась в отечественной науке.

Ключевые слова: французская поэзия XVI–XVIII веков, придворная культура, балет-маскарад, картель как элемент маскарада и как самостоятельный жанр.

In the scientific article the poetics and historical destiny of cartel, a genre of the French poetry of 16–18 centuries is considered (examined). The most part of the art and theoretical texts used in clause (article) was not translated on Russian and not studied (investigated) in a domestic science.

Key words: French poetry XVI–XVIII of centuries, court culture, ballet a-masquerade, cartel as an element of a masquerade and as an independent genre.

УДК 82-31

Лирическое начало в прозе А. Бирюкова / М.И. Райзман // Вестник СВГУ. – 2011. – Вып. 16. – С. 83. – Библиогр.: с. 89 (15 назв.).

Статья посвящена анализу роли лирического начала в прозе А. Бирюкова, проясняющего отношение автора к героям. Лирический герой во многом близок автору, но авторская позиция глубже, мудрее. Автор вводит себя в круг героев, его незримое участие в действии вносит лирическое начало в произведении. Для стиля А. Бирюкова характерно сочетание юмора и иронии и скрупулезное следование приметам быта.

Ключевые слова: необитаемый, остров, время, самоописание, бытописательство, юмор, ирония, интонация, рецензия, пространство.

The article is devoted to the analysis of the lyric source role in A. Biryukov's prose, which explains author's attitude towards the characters. Lyric protagonist is close to the author in many aspects but author's position is much deeper and wiser. The author includes himself into the number of protagonists, his unfailing presence in the action brings lyric basis to the work. Combination of humour and irony and careful following to the signs of life are characteristic for A. Biryukov's style.

Key words: uninhabited, island, time, self-description, life-writing, humour, irony, intonation, review, distance.

УДК 801.3

Из истории названий кораблей Охотской флотилии («Алексей, Божий человек») / А.И. Семёнов // Вестник СВГУ. – 2011. – Вып. 16. – С. 89. – Библиогр.: с. 92 (12 назв.).

Комментируется версия происхождения названия одного из кораблей Охотской флотилии, которую предложил Ю.С. Крючков в своей книге «Имя на борту».

Ключевые слова: региональная ономастика, названия кораблей, флотилия Охотского порта.

The article comments on the version of the origin of the name of one of the ships of the Okhotsk Flotilla, which was suggested by Y.S. Kryuchkov in his book «The name on the board».

Key words: regional onomastics, ship names, fleet of the port Okhotsk.

УДК 82(091)

Путевые повести Н. Балаева в контексте традиций лирико-документальной прозы Северо-Востока России / М.А. Юрина // Вестник СВГУ. – 2011. – Вып. 16. – С. 93. – Библиогр.: с. 95 (2 назв.).

Рассматривается проблема усвоения ведущих традиций лирико-документальной прозы Северо-Востока России в творчестве Н.П. Балаева. На основании сопоставительного анализа также выявляется и своеобразие творческой манеры писателя. Материалы работы могут быть полезными для преподавателей, студентов, школьников, изучающих историю литературы региона.

Ключевые слова: документальная проза, путевая повесть, литературные традиции, экспозиция, сюжет, романтический пафос, творческая индивидуальность.

In the article the author analyses the ways how N. Balaev accepts main traditions of the Russian North-East lyric-documentary prose. Using the comparative analysis the author reveals peculiarities of Balaev“s manner of writing. The article“s material can be useful for teachers, students and pupils learning Russian literature of the North-East region.

Key words: documentary short fiction, travel story, literary tradition, exposition, plot, romantic pathos, creative individuality.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334.2

Потребление продуктов питания в контексте социологической теории: к попытке систематизации основных концепций / А.В. Вторушина // Вестник СВГУ. – 2011. – Вып. 16. – С. 98. – Библиогр.: с. 102 (19 назв.).

Предпринимается попытка систематизировать имеющиеся в социологической теории концепции потребления продуктов питания. Взгляды социологов современности и прошлого разделены на группы, каждая из которых делает акцент на определенной стороне потребительских практик, например, на связи питания с классовой структурой общества, его социокультурной средой, здоровым образом жизни и т. д.

Ключевые слова: потребление, продукты питания, потребительские практики, образ жизни, культура питания, здоровый образ жизни, феноменологический подход, интеракционистско-ролевой подход, повседневность.

In this article the author has tried to systematize the conceptions of food consumption in the sociological theory. The views of sociologists of the contemporary and of the past are divided into groups, each of them stress on the certain aspect of consumption practices. For example, the links between nourishment and the class structure of society, its sociocultural environment, the healthy mode of life and so on.

Key words: the consumption, food, consumption practices, the mode of life, a culture of nourishment, the healthy mode of life, phenomenological approach, interactional approach, everyday life.

УДК 639.223.5

Многолетняя изменчивость размерного состава и соотношения полов нерестового североохотоморского минтая / О.В. Прикоки, А.А. Смирнов // Вестник СВГУ. – 2011. – Вып. 16. – С. 104. – Библиогр.: с. 108 (14 назв.).

На основе материалов, собранных в 1983–2010 гг., рассматриваются некоторые черты биологии минтая северной части Охотского моря. Приведена краткая биологическая характеристика размерных показателей минтая, а также соотношения полов.

Ключевые слова: минтай, Охотское море, длина тела.

On the basis of the materials collected in 1983–2010, some lines of biology of a pollack of northern part of Sea of Okhotsk are considered. The short biological characteristic of length indicators of a pollack and a parity of floors is resulted.

Key words: pollack, Sea of Okhotsk, length of body.

УДК 631.4

Почвенно-растительные комплексы государственного природного заповедника «Магаданский» / А.А. Пугачёв, Е.А. Тихменев // Вестник СВГУ. – 2011. – Вып. 16. – С. 108. – Библиогр.: с. 113 (8 назв.).

Рассматриваются особенности почвенно-растительных комплексов государственного природного заповедника «Магаданский». Излагаются сведения по физико-химическим свойствам почвенного покрова, дается характеристика наиболее широко распространенных типов почв заповедной территории.

Ключевые слова: почвы, свойства, гумус, растительность, почвенный раствор, вечная мерзлота.

Features of structure of soil-vegetative complexes of natural reserve «Magadan» are considered. The data on physical and chemical properties of soils is stated, the analytical characteristic of the most widespread types of soils of a zone of distribution of a long-term frozen ground is resulted.

Key words: soil, properties, gumus, *vegetation*, soil solution, permafrost.

УДК 597.553.2:575.174

О временной стабильности популяционно-генетической структуры желтопёрой камбалы *Limanda aspera*, Тауйской губы, Охотское море / С.П. Пустовойт, Р.Р. Юсупов // Вестник СВГУ. – 2011. – Вып. 16. – С. 113. – Библиогр.: с. 115–116 (21 назв.).

Оценена временная устойчивость генетических параметров популяции желтопёрой камбалы (*Limanda aspera*), отловленной в бухте Гертнера, Тауйская губа, северная часть Охотского моря. Не обнаружено временной гетерогенности аллельных частот в выборках, собранных в период с 2008–2010 гг. Проведенное популяционно-генетическое исследование желтопёрой камбалы позволяет предполагать наличие в исследованной локальности единой популяции.

Ключевые слова: желтопёрая камбала, временная стабильность, Охотское море.

We estimate temporal stability of genetic parameters of population of yellowfin sole (Limanda aspera), which catched in Taui Bay, northern part of the Sea of Okhotsk. We don't detect temporal heterogeneity of allelic frequencies in samples collected on period 2008–2010. We assume presence uniform population inhabited in these region.

Key words: yellowfin sole, temporal stability, the Sea of Okhotsk.

УДК 338:61

Здоровый образ жизни как условие устойчивого развития экономики государства / Т.А. Асотова // Вестник СВГУ. – 2011. – Вып. 16. – С. 118. – Библиогр.: с. 123 (6 назв.).

Определен механизм воздействия общественного здоровья на российскую экономику. В результате анализа дается оценка экономических потерь от таких негативных явлений, как пьянство и алкоголизм, табакокурение и наркомания, являющихся основными факторами снижения продолжительности жизни россиян. Указаны пути решения двуединой задачи по повышению продолжительности жизни, с одной стороны, и снижению огромных экономических потерь – с другой; определено воздействие физической культуры и спорта на экономический рост.

Делается акцент на необходимость принимать здоровье как условие устойчивого развития государства.

Ключевые слова: профилактическая направленность здравоохранения, физическое здоровье нации, экономические и социальные потери, продолжительность жизни, смертность, интенсивный экономический рост, конкурентоспособность рабочей силы, навыки здорового образа жизни.

The mechanism of the society health influence on the Russian economics is determined in the article. In the course of analysis the author gives evaluation of economical losses resulting from such negative notions as alcoholism, smoking and drug usage which are considered to be the main factors of the Russians' lifetime shortening. The ways of solving one-in-two task aimed at prolonging the lifetime on the one hand and reduction of great economical losses on the other hand are shown. The author determines the influence of physical culture and sport on the economical growth.

The emphasis is made on the necessity of viewing health as condition for stable development of the state.

Key words: preventive orientation of health care, physical health of the nation, economical and social losses, lifetime, death rate, intensive economical growth, competitiveness of the work force, skills of healthy way of life.

УДК 330.45+639.2(571.65)

Статистические методы исследования жизненного цикла рыбной отрасли Магаданской области / Л.А. Голикова // Вестник СВГУ. – 2011. – Вып. 16. – С. 123. – Библиогр.: с. 128 (7 назв.).

Рассматривается «жизненный цикл» рыбной отрасли Магаданской области за длительный период. Дается качественный анализ и количественное описание с использованием логистических кривых. Для прогноза развития отрасли используется метод стратегических ограничений и сценарный подход с учетом «пределов насыщения» и возможных бифуркаций («качественных скачков»).

Ключевые слова: жизненный цикл, отрасль, логистические кривые, динамический ряд, прогноз, сценарий.

In article is considered «life cycle of» fish branch Magadanskoy area for long period. The qualitative analysis and quantitative description are Given with use logistics crooked. For forecast of the development to branches is used method of the strategic restrictions and scenarious approach with account «limit of the saturation» and possible bifurcation («qualitative horse race»).

Key words: life cycle, branch, logistics curves, dynamic row, forecast, scenario.

УДК 911.3:316 (571.56)

Экономико-географическое положение как ресурс особого рода при развитии хозяйства слабоосвоенных территорий (на примере Якутии) / М.Ю. Присяжный // Вестник СВГУ. – 2011. – Вып. 16. – С. 129. – Библиогр.: с. 132–133 (11 назв.).

Рассматриваются историко-географические факторы воздействия ресурсов положения на развитие крупного региона Циркумполярного Севера – Республики Саха (Якутия). Анализируются различные периоды освоения территории, а также современные возможности для Якутии в связи с изменением подходов к оценке экономико-географического положения (ЭГП).

Ключевые слова: ЭГП, ресурсы положения, Якутия.

The article deals with historical and geographical factors, the impact of resources on the development of large region of the Circumpolar North – Sakha Republic (Yakutia). The various periods of development of the territory, as well as advanced features for Yakutia due to changes in approaches to assessing the economic and geographical location (EGL).

Key words: EGL, resources of location, Yakutia.

СТРОИТЕЛЬСТВО. ТРАНСПОРТ

УДК 629.1.02:629.11.012.5

Повышение точности работы системы регулирования схождения управляемых колес автотранспортных средств в движении / В.И. Рассоха, В.Т. Исайчев // Вестник СВГУ. – 2011. – Вып. 16. – С. 136. – Библиогр.: с. 139 (4 назв.).

Получены выражения, учитывающие инерционность элементов системы непрерывного регулирования схождения управляемых колес автотранспортного средства в процессе движения, использование которых при настройке системы позволяет повысить точность регулирования.

Ключевые слова: автотранспортное средство; схождение управляемых колес; система регулирования; точность; инерционность.

The authors got the expressions, which consider the inertness of the elements of the system of continuous control of the convergence of the controlled wheels of motor transport means in the process of motion, which use with tuning of system makes it possible to increase the accuracy of regulation.

Key words: motor transport means; the convergence of the controlled wheels; control system; accuracy; inertness.

ТРУДЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В 2011 г.

АННОТИРОВАННЫЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Труды, изданные в издательстве СВГУ

ВЕСТНИК Северо-Восточного государственного университета / Сев.-Вост. гос. ун-т ; [редкол.: Е.М. Кокорев, А.И. Широков (гл. ред.) и др.]. – Магадан : СВГУ, 2011. – Вып. 15. – 195 с.

В пятнадцатом выпуске «Вестника» опубликованы работы преподавателей университета по лингвистике, литературоведению, педагогике, психологии. Сборник содержит статьи по естественным и общественным наукам, геологии, экологии и медицине. Представлены отчеты о XVIII научной конференции аспирантов, соискателей и молодых ученых «Идеи, гипотезы, поиск…». Дана краткая информация о научно-практической конференции «Университеты России в диалоге со временем», прошедшей в СВГУ с участием коллег из Германии, Японии, США. В номере также приведены сведения о защите сотрудниками университета диссертаций в 2011 г. Появилась новая рубрика – «Книги, вышедшие в издательстве СВГУ».

Вестник адресован преподавателям высших учебных заведений, аспирантам и студентам.

ВЕСТНИК Северо-Восточного государственного университета / Сев.-Вост. гос. ун-т ; [редкол.: А.И. Широков, Е.М. Кокорев (гл. ред.) и др.]. – Магадан : СВГУ, 2011. – Вып. 15. Спецвыпуск. – 228 с.

В спецвыпуск вошли доклады, подготовленные учеными СВГУ для Четвертых научных чтений. Цель чтений – подвести промежуточные итоги научной деятельности кафедр. Значительная часть предложенных работ посвящена проблемам педагогики высшей школы. В целом, тематика предложенных работ позволяет представить, насколько широк круг научных интересов преподавателей СВГУ: от проблем транспортного планирования и организации дорожного движения в Магадане до методов литературоведческого исследования в вузе и феномена студенческой науки.

Выпуск предназначен широкому кругу читателей: преподавателям, учителям, студентам, специалистам в различных областях знаний.

ИДЕИ, гипотезы, поиск… : [сб. ст. по материалам науч. конф. аспирантов, соискателей и молодых исследователей] / Сев.-Вост. гос. ун-т. – Магадан : СВГУ, 2011. – Вып. 18. – 142 с.

Ежегодно, начиная с 1994 года, в университете проводятся конференции аспирантов и молодых ученых «Идеи, гипотезы, поиск...». Данный сборник включает материалы 18-й научной конференции по различным направлениям исследований: педагогика, общественно-экономические науки, физико-математические и технические дисциплины, биология, науки о Земле, этнология и археология.

Издание рассчитано на преподавателей высших учебных заведений, аспирантов и студентов.

ИЗДАНИЯ Северо-Восточного государственного университета (2006–2010) : библиогр. указ. / Сев.-Вост. гос. ун-т, Науч.-техн. б-ка ; [сост. Т.Ю. Ашхацава]. – Магадан : СВГУ, 2011. – 138 с.

Данное библиографическое пособие является продолжением «Изданий Северного международного университета…», информируя об изданиях с 2006 по 2010 год. Включены публикации трудов преподавателей и молодых исследователей, сборники статей, тезисы докладов, представленных на научных конференциях. Вспомогательный аппарат содержит алфавитные указатели авторов и изданий-победителей конкурсов, хронологический указатель конференций и указатель внутренних нормативно-правовых документов СВГУ. На 15 Дальневосточной выставке-ярмарке «Печатный двор–2011» пособие стало дипломантом конкурса «Лучшее краеведческое издание».

Для профессорско-преподавательского состава, научных работников, аспирантов и студентов.

ВЕСЕЛЯЕВА Т.Ю. Аналитическая геометрия и линейная алгебра : учеб. пособие / Т.Ю. Веселяева, И.Л. Вдовенко ; Сев.-Вост. гос. ун-т. – Магадан : СВГУ, 2011. – 128 с.

В пособии представлено полное изложение теоретического материала по темам: аналитическая геометрия на плоскости и в пространстве, векторная и линейная алгебра. Автор придерживается принципа преемственности между школьной и вузовской математикой, поэтому изложение теоретического материала, вначале приближенное к школьному, обобщается по мере усвоения студентами и усложняется. Понятия и методы линейной алгебры мотивированы геометрическими задачами. Задания для практических занятий дифференцированы по трем уровням сложности, что позволяет каждому студенту находиться в «зоне ближайшего развития».

Позволяя индивидуализировать обучение, пособие предназначено для студентов любой специальности.

ВЕСЕЛЯЕВА Т.Ю. Развитие мышления учащихся средствами математики : монография / Т.Ю. Веселяева ; Сев.-Вост. гос. ун-т. – Магадан : СВГУ, 2011. – 111 с.

Монография посвящена актуальной проблеме: «Целью математического образования… должно быть прежде всего развитие». Опираясь на теорию деятельности, теорию мышления, теорию поэтапного формирования умственных действий и понятий, автор предлагает искать пути совершенствования математического образования не только в математике, но и в психологии. Способы интеллектуального развития средствами математики представлены конкретными методическими разработками в форме, доступной для воспроизведения на уроках.

Книга адресована преподавателям математики, методистам, студентам.

КОРОТКОВА Е.П. Дифференциальное и интегральное исчисление функции одной переменной : учеб.-метод. пособие / Е.П. Короткова ; Сев.-Вост. гос. ун-т. – Магадан : СВГУ, 2011. – 40 с.

Современный экономист должен на высоком уровне владеть методами математического анализа, иметь развитый экономико-математический стиль мышления. Научить студентов использовать математический аппарат при решении экономических задач, интерпретировав некоторые математические понятия – задача данного пособия. Кроме задач с экономическим содержанием, предложены индивидуальные задания.

Для студентов экономических специальностей.

МАГАСУМОВ Г.С. Основания геометрия : учеб. пособие / Г.С. Магасумов ; Сев.-Вост. гос. ун-т. – Магадан : СВГУ, 2011. – 101 с.

Автор продолжает обобщение своего многолетнего опыта преподавания. В данном пособии рассматриваются такие важнейшие понятия как аксиоматика; обоснование евклидовой геометрии (по А.В. Погорелову, Г. Вейлю, Д. Гильберту); через исторический обзор развития геометрических представлений дается выход на геометрию Н.И. Лобачевского. Занятия предваряются необходимыми теоретическими сведениями и практическими рекомендациями. Пособие содержит задачи, список рекомендуемой литературы.

Учебное пособие рассчитано на математиков третьего года обучения.

ПЕРЕВЕРЗЕВА В.В. Решение задач по генетике : учеб.-метод. пособие / В.В. Переверзева ; Сев.-Вост. гос. ун-т, Ин-т биол. проблем Севера ДВО РАН. – Магадан : СВГУ, 2011. – 64 с.

Прежде чем предложить вниманию студентов задачи, автор в теоретическом очерке кратко излагает основные понятия классической и популяционной генетики. Задачи с примерами пошагового решения представлены в разделах, которые соответствуют разделам теоретической части пособия: менделевское расщепление, отклонения от менделевского расщепления, генетическая структура популяций.

Издание предназначено студентам, обучающимся по специальности «Биология», может быть использовано в школах с углубленным изучением предметов естественнонаучного цикла.

СМИРНОВ А.А. Производственная практика студентов по ихтиологии и гидробиологии : метод. рекомендации для студентов фак. естеств. наук и математики по специальности «Биология» / А.А. Смирнов ; Сев.-Вост. гос. ун-т. – Магадан : СВГУ, 2011. – 41 с.

Производственная практика связывает теоретическое обучение и будущую профессиональную деятельность студентов, помогает приобрести необходимые умения и навыки при работе в полевых условиях. Задача данной производственной практики – углубить знания об особенностях биологии основных видов рыб и беспозвоночных, обитающих в северной части Охотского моря, овладеть основными методиками применяемыми в биологических исследованиях.

Для студентов-биологов.

ТИХМЕНЕВ Е.А. Пищевые и лекарственные растения флоры Магаданской области : учеб.-метод. пособие / Е.А. Тихменев, С.А. Частухина ; Ин-т биол. проблем Севера ДВО РАН, Сев.-Вост. гос. ун-т. – Магадан : СВГУ, 2011. – 105 с. : цв. ил.

Флора Магаданской области мало изучена с фармакологической точки зрения, поэтому можно утверждать, что данное пособие претендует на научную новизну. Практические рекомендации по заготовке и использованию почти 70 видов растений, включая низшие, предваряют методические основы изучения пищевых и лекарственных видов различных систематических групп флоры. Особую ценность пособию придают цветные иллюстрации, сопровождающие каждое описание. Книга содержит подробный практический компонент, например, лечебные свойства настоя, способ приготовления приправ, салата из иван-чая

Издание будет представлять интерес не только для биологов, но и для многих читателей-магаданцев.

Евгений Александрович **ТИХМЕНЕВ** : к 65-летию со дня рождения : биобиблиогр. указ. / Сев.-Вост. гос. ун-т, Науч.-техн. б-ка ; [сост. Т.Ю. Ашхацава]. – Магадан : СВГУ, 2011. – 39 с.

Указатель посвящен Е.А. Тихменеву, профессору кафедры биологии и химии СВГУ, кандидату биологических наук, доценту, заведующему лабораторией геоботаники Института биологических проблем Севера, и включает краткую автобиографию, хронологический указатель его работ, литературу о жизни и деятельности.

Издание адресовано биологам, экологам, преподавателям биологии, студентам, аспирантам.

ЩЕГЛОВА С.Н. Интегралы по фигуре : учеб. пособие / С.Н. Щеглова ; Сев.-Вост. гос. ун-т. – Магадан : СВГУ, 2011. – 120 с.

Учебное пособие посвящено одному из наиболее сложных разделов высшей математики – интегральному исчислению функций многих переменных. Тема сложна в изучении и решении прикладных задач, особенно для студентов технического профиля. Основной теоретический материал представлен нетрадиционно, авторский подход к изложению и группировке материала, методам решения задач прошел практическую проверку при преподавании высшей математики студентам политехнического института.

Рекомендовано Дальневосточным региональным учебно-методическим центром для студентов, обучающихся по специальностям «Автомобили и автомобильное хозяйство», «Прикладная геология».

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ. ЭКОНОМИКА

АСОТОВА Т.А. Экономика : учеб.-метод. пособие / Т.А. Асотова, Н.А. Козловский ; Сев.-Вост. гос. ун-т. – Магадан : СВГУ, 2011. – 103 с.

Первый раздел пособия содержит объем и распределение часов, перечень тем, список вопросов для подготовки к семинарам, основные термины и понятия по курсу «Основы экономической теории», второй и третий – по курсам «Микроэкономика» и «Макроэкономика», четвертый представляет «Переходную экономику». Две последние темы дополнены кратким содержанием.

Для студентов вузов неэкономических специальностей.

НАПОЛЬСКИЙ Г.М. Основы технологического проектирования станций технического обслуживания автомобилей : учеб. пособие / Г.М. Напольский, И.А. Якубович ; Сев.-Вост. гос. ун-т, Моск. автомобил.-дорож. гос. техн. ун-т. – Магадан : СВГУ, 2011. – 86 с.

В книге приведены рекомендации по содержанию, оформлению и графической части курсового проекта. Рассматривается производственно-техническая база предприятий автосервиса, организация и технология работ на СТО, технологический расчет и планировка городских станций технического обслуживания, а также оценка эффективности проектных решений.

Допущено УМО вузов РФ по образованию в области транспортных машин и транспортно-технологических комплексов в качестве учебного пособия для студентов вузов.

ПРОБЛЕМЫ и перспективы развития автотранспортного комплекса : материалы I Всерос. науч.-практ. (заоч.) конф. с междунар. участием, [Магадан], 29–30 нояб. 2010 г. / Сев.-Вост. гос. ун-т ; [под общ. ред. И.А. Якубович]. – Магадан : СВГУ, 2011. – 300 с.

Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Проблемы и перспективы развития автотранспортного комплекса» посвящена 50-летию Северо-Восточного государственного университета. Материалы, вошедшие в сборник, охватывают широкий круг вопросов, в обсуждении которых приняли участие специалисты из Москвы, Екатеринбурга, Перми, Гродно, Хабаровска, Саратова, Еревана и других крупных городов России и СНГ. Наибольший отклик среди докладчиков вызвали темы: экономическое и правовое регулирование деятельности автотранспортной отрасли; организация дорожного движения; агрегаты и системы транспортных средств; совершенствование процессов эксплуатации, технического обслуживания и ремонта автомобилей; экологические проблемы и производственная безопасность.

Сборник представляет несомненный интерес для преподавателей, студентов, широкого круга специалистов в области автотранспортного комплекса.

САЛМИН В.В. Основы расчета транспортных энергетических установок : курсовое проектирование : учеб. пособие / В.В. Салмин, И.А. Якубович, Б.Ю. Давыденко ; Сев.-Вост. гос. ун-т, Пензен. гос. ун-т архитектуры и стр-ва. – Магадан : СВГУ, 2011. – 135 с.

В учебном пособии приведены методические указания по расчету транспортных энергетических установок на примере автотракторных двигателей внутреннего сгорания, показана последовательность построения диаграмм скоростных и регуляторных характеристик двигателей, рассмотрены методы расчетов основных систем и конструктивных элементов ДВС. Тематика курсовых проектов связана с основами проектирования новых и модернизацией существующих энергетический установок.

Допущено УМО вузов РФ по образованию в области транспортных машин и транспортно-технологических комплексов для студентов вузов.

СЕРГЕЕВ С.М. Промышленное и гражданское строительство. Конструкции из дерева и пластмасс : лаб. практикум / С.М. Сергеев ; Сев.-Вост. гос. ун-т. – Магадан : СВГУ, 2011. – 34 с. : ил.

С помощью лабораторных работ, представленных в данном практикуме, студенты учатся применять на практике методы испытания конструкций, измерения различных физических величин, а также сравнивать теоретические выкладки с результатами реальных опытов. Дано подробное описание хода выполнения работ, теоретическое обоснование.

Практикум предназначен для студентов строительных специальностей очной и заочной форм обучения.

СЕРГЕЕВ С.М. Промышленное и гражданское строительство. Материаловедение. Технология конструкционных материалов : лаб. практикум / С.М. Сергеев ; Сев.-Вост. гос. ун-т. – Магадан : СВГУ, 2011. – 77 с. : ил.

Основная задача курса – дать студентам возможность на практике оценить свойства строительных материалов, аргументировать выбор той или иной конструкции в зависимости от условий ее эксплуатации, максимально эффективно использовать материалы при возведении зданий и сооружений. Предложено полное описание лабораторных работ.

Для студентов, обучающихся по строительным специальностям.

ТЁПЛАЯ Н.А. Лабораторный практикум по программам Microsoft Office : учеб. пособие / Н.А. Тёплая ; Сев.-Вост. гос. ун-т. – Магадан : СВГУ, 2011. – 99 с. : ил.

Практическая реализация комплексного использования возможностей информационных технологий в учебном процессе, в данном случае, достигнута за счет разработки и применения многофункционального образовательного практикума. В нем рассматриваются вопросы от ввода текста до создания веб-сайта, способствующие формированию и закреплению знаний у студента любого направления подготовки. Теория сопровождается подробным описанием выполнения заданий, контрольными вопросами.

Рекомендовано Дальневосточным региональным учебно-методическим центром в качестве учебного пособия. Может быть использовано для самостоятельной подготовки пользователями персональных компьютеров.

ЯКУБОВИЧ И.А. Организация и проведение практик студентов, обучающихся по специальности 190701 «Организация перевозок и управление на транспорте (автомобильном)» : программа и метод. указания / И.А. Якубович, Д.А. Пантин ; Сев.-Вост. гос. ун-т. – Магадан : СВГУ, 2011. – 45 с.

В программе производственной практики рассмотрены: понятие практики, ее цели, задачи, содержание, структура, порядок организации, оформление отчетной документации, требования к знаниям, которые должны быть приобретены или закреплены студентами 1–5 курсов.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

БРОДКИН М.С. История государства и права зарубежных стран : учеб.-метод. пособие / М.С. Бродкин ; Сев.-Вост. гос. ун-т. – Магадан : СВГУ, 2011. – 102 с.

История государства и права зарубежных стран тесно связана с рядом общественных и юридических дисциплин, таких как философия, политология, история от Древнего мира до наших дней, теория государства и права, конституционное право зарубежных стран и др. Хронологический и тематический объем курса предполагает максимально четкую структуру аудиторных и самостоятельных занятий студентов. Содержание дисциплины разбито на модули, к ним предлагаются контрольные и экзаменационные вопросы, рекомендуемые информационные источники и методические основы изучения дисциплины.

Адресовано студентам юридического факультета первого года обучения.

БРОДКИН М.С. История отечественного государства и права : учеб.-метод. пособие / М.С. Бродкин, А.И. Широков ; Сев.-Вост. гос. ун-т. – Магадан : СВГУ, 2011. – 80 с.

Изучение государственных и правовых институтов России в динамике их исторического развития, формирование целостного представления о возникновении, становлении законодательной системы Российского государства – так можно сформулировать цель курса. Для систематизации работы студентов по изучению этого базового курса в пособии предлагается рабочая программа, педагогические измерительные материалы, учебно-методическое обеспечение дисциплины.

Рассчитано на студентов очного и заочного отделения юридического факультета.

КАРЕВА Л.А. Английский язык для юристов : учеб.-метод. пособие / Л.А. Карева ; Сев.-Вост. гос. ун-т. – Магадан : СВГУ, 2011. – 302 с.

Вузовский курс иностранного языка для юристов носит коммуникативно-ориентированный и профессионально направленный характер. Итогом должно стать использование иностранного языка в производственной и научной деятельности, для самообразования. Пособие предлагает, кроме грамматической составляющей, обучающие тексты, лексический минимум и материалы для развития навыков устной речи по правовым дисциплинам.

Рекомендовано Дальневосточным региональным учебно-методическим центром для студентов, обучающихся по направлению «Юриспруденция».

БУЛАТ ОКУДЖАВА. Опыты молодых : материалы науч.-практ. конф. молодых ученых, Переделкино, 12 апр. 2008 г. / Регион. обществ. фонд Булата Окуджавы, Гос. Дом-музей Булата Окуджавы, Сев.-Вост. гос. ун-т ; [сост., ред., библиогр. Е.А. Семёнова]. – М. ; Магадан : СВГУ, 2011. – Вып. 4. – 83 с.

Сборник содержит исследования молодых специалистов, аспирантов, студентов, о прозе и поэзии Б.Ш. Окуджавы, месте, которое занимает его творчество в контексте современной культуры. В книгу также вошло исследование С.С. Бойко, посвященное эволюции персонажа в произведениях Мастера.

Для специалистов по истории русской литературы, всех, кому интересно творчество Б.Ш. Окуджавы.

ПЕДАГОГИКА. ПСИХОЛОГИЯ

КАПАЕВА А.Е. Современные средства контроля и оценивания результатов обучения иностранному языку : учеб.-метод. пособие / А.Е. Капаева ; Сев.-Вост. гос. ун-т. – Магадан : СВГУ, 2011. – 79 с.

Принципиальной особенностью пособия являются задания в виде таблиц, позволяющие визуально систематизировать учебный материал. Практические задания предполагают практическое применение знаний, формирование способа решения профессиональных задач, творческое конструирование. Включение в задания текстов, освещающих концепции современных зарубежных методистов, позволяет пополнить словарный запас и методические компетенции.

Рекомендовано Дальневосточным региональным учебно-методическим центром для студентов специальности «Иностранный язык».

НАЧАЛЬНОЕ образование : сб. ст. преподавателей каф. теории и методики нач. образования / Сев.-Вост. гос. ун-т ; [отв. ред. В.А. Лебединцева]. – Магадан : СВГУ, 2011. – Вып. 3. – 50 с.

В статьях раскрываются проблемы методического сопровождения подготовки учителей начальных классов; даются рекомендации по использованию активных методов обучения в начальной школе; рассматриваются вопросы методики преподавания русского языка и математики, основ психологии и музыкальной грамоты.

Материалы сборника могут использовать студенты специальности «Педагогика и методика начального образования», учителя начальных классов.

ФРОЛОВА О.Л. Детская практическая психология : учеб.-метод. пособие / О.Л. Фролова ; Сев.-Вост. гос. ун-т. – Магадан : СВГУ, 2011. – 70 с.

Пособие включает в себя: учебную программу с развернутым описанием тем, входящих в три основных модуля; методические рекомендации студентам по выполнению обязательных и творческих работ; перечень основной и дополнительной литературы, глоссарий. Учебные и методические материалы прошли многолетнюю апробацию в работе автора со студентами психологического факультета.

Адресовано студентам очной и заочной форм обучения по специальности «Дошкольная педагогика и психология».

Труды, изданные в других издательствах

ЯКУНИНА Ю.Е. Критерии и параметры психологической оценки профессиональной деятельности / Ю.Е. Якунина. – Магадан : Кордис, 2011. – 144 с.

Представлена авторская комплексная модель оценки профессиональной деятельности, основанная на сочетании таких важных характеристик как процессуальность, социальность, субъектность. Приведены результаты эмпирических исследований субъективных критериев оценки профессиональной деятельности в разнотипных профессиях, различных временных масштабах. Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта Российского гуманитарного научного фонда.

Монография представляет несомненный интерес для психологов, работников кадровых и управленческих структур.

Составитель ***И.В. Григорьева***

СПИСОК АСПИРАНТОВ И СОТРУДНИКОВ, ЗАЩИТИВШИХ ДИССЕРТАЦИИ В 2011 г.

Докторские диссертации

Савченко Татьяна Александровна	Тема:	Взаимодействие семьи и школы в отечественной педагогике II половины XVIII–конца XIX веков как социокультурное явление

Кандидатские диссертации

Белый Михаил Николаевич	Тема:	Видовой состав, особенности распределения водорослей-макрофитов в северной части Охотского моря и их значение как нерестового субстрата в районах размножения сельди
Могучева Алевтина Витальевна	Тема:	Методика профессионально-прикладной физической подготовки студентов-геологов
Склейнис Виктор Александрович	Тема:	Специфика развития образа мира в разнотипных профессиях
Ковынева Елена Александровна	Тема:	Поэзия Э.М. Ремарка в русских переводах (историко-филологические, лингвистические и переводоведческие проблемы)
Сычева Анастасия Валерьевна	Тема:	Поэзия Б. Окуджавы в переводах на английский язык (исторические, лингвопереводоведческие и типологические аспекты)

Дорогие коллеги!

Приглашаем Вас к сотрудничеству.

Информация о научном журнале
«Вестник Северо-Восточного государственного университета»

ISSN 1990-9500

Научный журнал «Вестник Северо-Восточного государственного университета» издается с 2003 года. Периодичность издания — два раза в год. Средний объем — 10—11 печатных листов. С 2009 года он включен в Объединенный каталог (подписной индекс 42085), с 2010 года — в базу данных РИНЦ (российский индекс научного цитирования) в рамках Федеральной целевой научно-технической программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки и техники» на 2007—2012 годы Министерства образования и науки РФ в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

В «Вестнике Северо-Восточного государственного университета» публикуются научные статьи по следующим направлениям:

- Философия. Социология. Право. Политология.
- История. Археология.
- Лингвистика и литературоведение.
- Педагогика. Психология.
- Экономика и управление.
- Математика. Информатика. Физика.
- Геология. Горное дело.
- Строительство. Транспорт.
- Биология. Экология. Медицина.

Все статьи проходят рецензирование.

В структуру научного журнала входят также рубрики: приглашение к дискуссии (научные доклады, материалы круглых столов и др.); научная жизнь, рецензии, научные встречи, молодая наука (научно-исследовательская деятельность студентов, аспирантов, соискателей, молодых ученых), анонсы издательства учебной литературы и учебно-методических пособий для студентов, юбилеи и юбилейные даты.

Как опубликовать статью?

1. Отправьте статью и сведения об авторе (одним файлом) по адресу **nauka@svgu.ru.** В письме укажите требуемое количество экземпляров журнала. При получении материалов, ответственный секретарь в течение 2 дней отправляет по адресу автора письмо «Материалы получены». Авторам, отправившим материалы по электронной почте и не получившим подтверждения их получения, необходимо **продублировать заявку.**
2. В течение 5—10 дней редколлегия рецензирует Вашу статью.
3. Если статья прошла рецензирование, мы отправим Вам информацию о сроках выхода очередного выпуска и условия и реквизиты для оплаты публикации с учетом стоимости пересылки печатного экземпляра. Отсканированные квитанции об оплате необходимо отправить по адресу **nauka@svgu.ru.**
4. После выхода журнала мы отправим Вам авторский экземпляр (при получении квитанции). Если Вы хотите получить печатные экземпляры журнала дополнительно, мы отправим то количество экземпляров журнала, которое Вы заказали.

Порядок представления и правила оформления статей в «Вестник Северо-Восточного государственного университета»

Для публикации принимаются статьи, содержащие результаты актуальных фундаментальных, прикладных научных исследований, исследований по проблемам социально-экономического развития регионов, научно-методические работы.

1. Статья и сведения об авторах представляются в электронном виде одним файлом, названным фамилией автора (соавторов), в формате RTF (в редакторе Microsoft Word 2003) с приложением распечатанного варианта в одном экземпляре и на электронном носителе:
   - шрифт Times New Roman, 14 пт;
   - интервал 2;
   - поля: верхнее — 2 см, нижнее — 2 см, левое — 3 см, правое — 1 см;
   - страницы должны быть пронумерованы вручную;
   - формат бумаги А-4;
   - название статьи пишется по центру заглавными буквами и выделяется полужирным шрифтом;
   - абзацный отступ — 1,5 см, выравнивание текста по ширине.
2. Объем статьи вместе с рисунками, фотографиями, таблицами, ссылками, библиографическим списком не более 12 страниц (не более 25 000 знаков, включая пробелы).
3. Рисунки, должны быть выполнены четко в черно-белом варианте на белой бумаге указанного формата, не превышая размеров текстового поля. Рисунки могут быть выполнены вручную (черной тушью) или при помощи программных средств (отдельными файлами), сканера. Обязательна (при наличии более одного) нумерация рисунков (в формате Рис. 1, далее идет название рисунка, название начинается с прописной буквы).

   Таблицы в тексте оформляются по аналогии с рисунками (в формате Таблица 1, далее идет название таблицы, название начинается с прописной буквы).

   Фотографии принимаются в черно-белом варианте, предпочтительно в электронном варианте. Обязательна (при наличии более одной) нумерация фотографий (в формате Рис. 1, далее идет тема (объект фотоснимка), вид изображения (слово фотография), имя (инициалы) и фамилия фотографа, дата фотоснимка, место съемки.

   Сканированные изображения (рисунки, фотографии) представляются отдельными файлами, в формате JPG
4. Формулы должны быть набраны в редакторе формул Microsoft Word 2003. Обязательна (при наличии более одной) нумерация формул в формате: (1).

От текста рисунки, таблицы, фотографии, формулы отделяются одной строкой сверху и снизу.

5. В начале статьи помещаются УДК, название статьи, Ф.И.О. автора (соавторов), город, аннотация объемом 5—6 строк, ключевые слова. Все эти данные предоставляются также на английском языке (см. образец).
6. Библиографический список приводится в конце статьи. Источники располагаются в алфавитном порядке. Библиографический список оформляется в соответствии с действующим ГОСТом. Также *желательно* предоставить библиографический список на анг-лийском языке после русской версии.
7. Ссылки в тексте на цитируемую литературу указывают на порядковый номер источника в квадратных скобках, например [1, с. 12].
8. Статья подписывается автором (соавторами) с фразой «статья публикуется впервые» и датой.

9. В одном выпуске журнала допускается опубликование не более одной статьи автора и одной статьи в соавторстве.
10. Публикация статей аспирантов осуществляется бесплатно.
11. В конце статьи указываются сведения об авторе (соавторах) — фамилия, имя, отчество автора (соавторов) полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, служебный и домашний телефоны, домашний адрес, адрес электронной почты. Также *желательно* предоставить эти данные на английском языке после русской версии.
12. Качество публикуемых статей контролируется редколлегией, в состав которой входят ведущие ученые ФГБОУ ВПО «СВГУ», Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института ДВО РАН, других вузов и научных учреждений.

Материалы, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются. Ранее опубликованные работы не принимаются.

Адрес редакции: 685000, Россия, г. Магадан, ул. Портовая, 13, Северо-Восточный государственный университет, издательство учебной литературы и учебно-методических пособий для студентов.

Контактный тел. (8-4132) 63-05-77

Тел./факс - (8-4132) 63-01-78

Электронная почта: nauka@svgu.ru

Ответственный секретарь: кандидат педагогических наук, доцент Шкатова Елена Александровна.

НАДЕЕМСЯ НА ПЛОДОТВОРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО!

Образец оформления статьи

УДК

«ДИАЛОГ» НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ… (название статьи)

Иванов И. И.

г. Магадан

Аннотация (5—6 строк) на русском языке.
Ключевые слова:

«DIALOGUE» OF NATIONAL AND CULTURAL TRADITIONS…

Ivanov I. I.

Magadan

Annotation...

Key words:...

Текст статьи

Библиографический список

1.

Статья публикуется впервые 01.03.2010 г.

Bibliographic list (желательно)

1.

Article is published for the first time: 01.03.2010.

Сведения об авторе.

Information about the author (желательно)

Бродкин Максим Сергеевич

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Учебно-методическое пособие

Основная образовательная программа по дисциплине «История государства и права зарубежных стран» формируется на основе федерального компонента дисциплины государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования, утвержденная Министерством образования РФ.

Настоящее учебно-методическое пособие по курсу «История государства и права зарубежных стран» имеет своей направленностью применение теоретического положения права и государства к ретроспективному анализу конкретных исторических правовых и государственных феноменов и институтов в мировой истории. Также важнейшей целью комплекса является организация аудиторной и самостоятельной работы студентов очной и заочной форм обучения.

Фролова Ольга Леонидовна

ДЕТСКАЯ ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Учебно-методическое пособие

Учебно-методическое пособие составлено в соответствии с содержанием и требованиями Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (ГОС ВПО) специальности 050703.65 «Дошкольная педагогика и психология» по дисциплине «Детская практическая психология».

Данное пособие включает: учебную программу дисциплины с подробным и развернутым описанием основных вопросов тем модулей для каждого вида занятия, предусмотренного учебным планом; методические рекомендации студентам по освоению дисциплины и выполнению рефератов, курсовых, самостоятельных творческих работ; перечень рекомендуемых информационных источников основной и дополнительной литературы; измерительные материалы для осуществления контроля знаний и подготовки к экзамену по дисциплине.

Разработанный материал может быть использован преподавателями при подготовке и проведении различных видов занятий по данной дисциплине, а также студентами очной и заочной форм обучения для самостоятельной работы.

Сергеев Сергей Михайлович

ПРОМЫШЛЕННОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО. МАТЕРИАЛОВЕДЕНИЕ. ТЕХНОЛОГИЯ КОНСТРУКЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ

Лабораторный практикум

Лабораторный практикум содержит подробное описание хода выполнения работ, теоретическое обоснование и порядок оформления результатов экспериментов. Предназначен для студентов строительных специальностей очной и заочной форм обучения.

Сергеев Сергей Михайлович

ПРОМЫШЛЕННОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО. КОНСТРУКЦИИ ИЗ ДЕРЕВА И ПЛАСТМАСС

Лабораторный практикум

Лабораторный практикум содержит подробное описание хода выполнения работ, теоретическое обоснование и порядок оформления результатов экспериментов. Предназначен для студентов строительных специальностей очной и заочной форм обучения.

Тёплая Наила Алигасановна

ЛАБОРАТОНЫЙ ПРАКТИКУМ ПО ПРОГРАММАМ MICROSOFT OFFICE

Учебное пособие

Пособие предназначено для применения на лабораторных занятиях студентами технических и педагогических специальностей, содержит множество заданий, а также теоретическое объяснение их выполнения, поэтому может быть использовано для самостоятельной работы студентов очного и заочного обучения, а также для широкого круга пользователей персональных компьютеров при самостоятельном освоении возможностей средств информационно-коммуникационных технологий.

Короткова Елена Петровна

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЕ И ИНТЕГРАЛЬНОЕ ИСЧИСЛЕНИЕ ФУНКЦИИ ОДНОЙ ПЕРЕМЕННОЙ

Учебно-методическое пособие

В пособии представлены опорные сведения и задачи по дифференциальному и интегральному исчислению функции одной переменной, задачи с экономическим содержанием, индивидуальные задания. Предназначено для студентов экономических специальностей Северо-Восточного государственного университета.

Веселяева Татьяна Юрьевна,
Вдовенко Ирина Леонидовна

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОМЕТРИЯ И ЛИНЕЙНАЯ АЛГЕБРА

Учебное пособие

В учебном пособии «Аналитическая геометрия и линейная алгебра» представлено полное изложение теоретического материала курса и комплекс заданий, как теоретических, так и практических, дифференцированных по трем уровням сложности. Пособие может быть использовано студентами любой специальности.

Напольский Георгий Михайлович,
Якубович Ирина Анатольевна

ОСНОВЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ СТАНЦИЙ ТЕХНИЧЕСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ЛЕГКОВЫХ АВТОМОБИЛЕЙ

Учебное пособие

В учебном пособии рассмотрены производственно-техническая база предприятий автосервиса, классификация СТО, вопросы организации и технологии работ на станциях обслуживания, методика технологического расчета СТО легковых автомобилей, принципы разработки и примеры планировочных решений СТО, а также оценка эффективности проектных решений. В пособии приведены рекомендации по структуре, содержанию и оформлению расчетно-пояснительной записки и графической части курсового проекта.

Учебное пособие предназначено для студентов специальности 190603 (230100) «Сервис транспортных и технологических машин и оборудования (автомобильный транспорт)», изучающих дисциплину «Производственно-техническая инфраструктура предприятий автомобильного сервиса» и выполняющих по ней курсовой проект, и для студентов специальности 190601 (150200) «Автомобили и автомобильное хозяйство», изучающих дисциплину «Проектирование предприятий автомобильного транспорта».

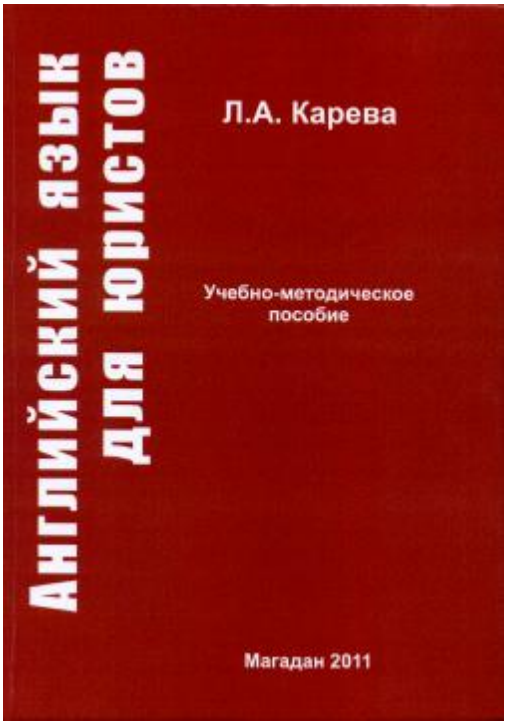
Щеглова Светлана Николаевна

ИНТЕГРАЛЫ ПО ФИГУРЕ

Учебное пособие

В учебном пособии представлен основной теоретический материал, подробно рассмотрены примеры, демонстрирующие методы решения задач, предложены в 20 вариантах задания для самостоятельной работы студентов. Показано и рассмотрено множество приложений в примерах решения геометрических и физических задач. В названиях параграфов приведены заголовки разделов, которые в совокупности образуют программу дисциплины «Математика» на технических специальностях и являются базой вопросов для тестовых и экзаменационных заданий.

Пособие предназначено для студентов, обучающихся по специальностям 190601 «Автомобили и автомобильное хозяйство», 130301 «Геологическая съемка, поиски и разведка».



Карева Людмила Александровна

ЯНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ ЮРИСТОВ

Учебно-методическое пособие

Учебно-методическое пособие предназначено для студентов очной и заочной форм обучения. Данное пособие может быть использовано для аудиторной и самостоятельной работы студентов по изучаемой специальности. Цель данного пособия – последовательное обучение студентов грамматике и правовой лексике на основе современных материалов, адаптированных для студентов-юристов, развитие у студентов навыков ознакомительного чтения с охватом общего содержания текстов по специальности, навыков устной речи и обогащение словарного запаса в рамках выбранной специальности. Пособие имеет единую структуру: грамматический комментарий упражнений, задания, лексический минимум и материалы для развития навыков устной речи.

Бродкин Максим Сергеевич,
Широков Анатолий Иванович

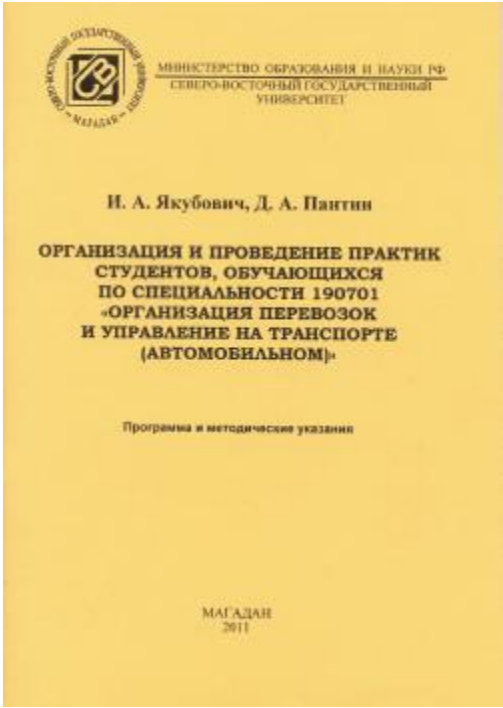
ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Учебно-методическое пособие

Основная образовательная программа по дисциплине «История отечественного государства и права» формируется на основе федерального компонента дисциплины государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования, утвержденного Министерством образования РФ.

Пособие имеет своей направленностью применение теоретического положения права и государства к ретроспективному анализу конкретных исторических правовых и государственных феноменов и институтов. Основная цель – организация аудиторной и самостоятельной работы студентов очной и заочной форм обучения.

Пособие включает рабочую программу дисциплины, рейтинг-план, педагогические измерительные материалы, учебно-методическое обеспечение дисциплины.



Якубович Ирина Анатольевна,
Пантин Денис Андреевич

ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ ПРАКТИК СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 190701 «ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРЕВОЗОК И УПРАВЛЕНИЕ НА ТРАНСПОРТЕ (АВТОМОБИЛЬНОМ)»

Программа и методические указания

В программе практик изложены цели, задачи и требования к знаниям, которые должны быть приобретены или закреплены в период практик студентами 1–5-го курсов, обучающихся по специальности 190701 «Организация перевозок и управление на транспорте (автомобильном)». Программа практик может быть ориентирована для бакалавров, обучающихся по направлению подготовки 190700 «Технология транспортных процессов».

Веселяева Татьяна Юрьевна

РАЗВИТИЕ МЫШЛЕНИЯ УЧАЩИХСЯ СРЕДСТВАМИ МАТЕМАТИКИ

Монография

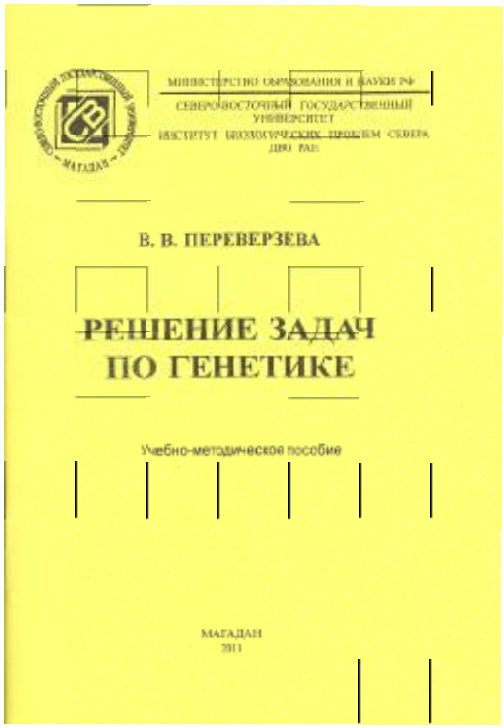
В монографии, посвященной актуальной проблеме, имеющей многовековую историю, с опорой на теорию деятельности, теорию мышления, теорию поэтапного формирования умственных действий и понятий П.Я. Гальперина дано психологическое обоснование предлагаемых инноваций, представлены конкретные методические разработки в форме, доступной для воспроизведения и использования в современной практике обучения математике.

Смирнов Андрей Анатольевич

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА СТУДЕНТОВ ПО ИХТИОЛОГИИ И ГИДРОБИОЛОГИИ

Методические рекомендации для студентов факультета естественных наук и математики по специальности «Биология»

В методическом пособии содержатся рекомендации и указания к проведению производственной практики по ихтиологии и гидробиологии. Предназначено для студентов факультета естественных наук и математики, обучающихся по специальности «Биология».

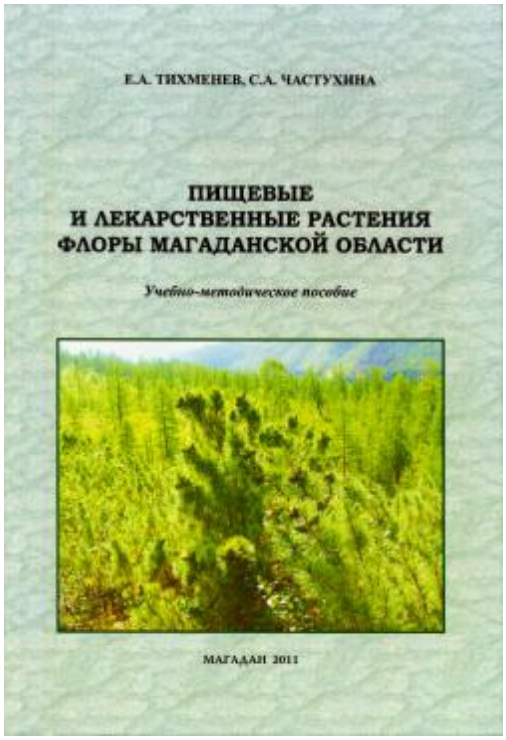


Переверзева Виктория Владимировна

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ ПО ГЕНЕТИКЕ

Учебно-методическое пособие

Учебно-методическое пособие «Решение задач по генетике» состоит из теоретического очерка, включающего в себя изложение основных понятий классической и популяционной генетики, необходимых для решения типовых задач по различным разделам генетики и способов решения этих задач. Решения задач представлены в разделах которые соответствуют разделам теоретической части пособия: менделевское расщепление; отклонения от менделевского расщепления – плейотропное действие гена, пенетрантность гена, взаимодействие неаллельных генов, пол и наследование признаков – наследование признаков сцепленных зависимых от пола и наследование признаков при нерасхождении Х-хромосом; генетическая структура популяций.



Тихменев Евгений Александрович, Частухина Светлана Александровна

ПИЩЕВЫЕ И ЛЕКАРСТВЕННЫЕ РАСТЕНИЯ ФЛОРЫ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Учебно-методическое пособие

В пособии излагаются методические основы изучения пищевых и лекарственных видов различных систематических групп естественной флоры Крайнего Северо-Востока России, приводятся рекомендации по изучению, заготовке и практическому использованию дикорастущих растений, описываются способы применения 70 видов низших и высших растений.

Пособие предназначено для студентов, преподавателей колледжей и кафедр биологического профиля высших учебных заведений, специалистов природоохранных и лесохозяйственных организаций.

Салмин Владимир Васильевич,
Якубович Ирина Анатольевна,
Давыденко Борис Юрьевич

ОСНОВЫ РАСЧЕТА ТРАНСПОРТНЫХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК: КУРСОВОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ

Учебное пособие

В учебном пособии приведены методические указания по расчету транспортных энергетических установок на примере автотракторных двигателей внутреннего сгорания, показана последовательность построения диаграмм скоростных и регуляторных характеристик двигателей, рассмотрены методы расчетов основных систем и конструктивных элементов ДВС автотракторных двигателей.

Учебное пособие предназначено для бакалавров по направлению подготовки 190600 «Эксплуатация транспортно-технологических машин и комплексов» при выполнении курсового проекта по дисциплине «Силовые установки», а также дипломного проекта.

Составитель: Малеваный Юрий Викторович

ЭЛЕКТРОТЕХНИКА И ОСНОВЫ ЭЛЕКТРОНИКИ

Методические указания

Данное пособие представляет собой сборник методических указаний к лабораторным работам. Составлен в соответствии с рабочей программой по дисциплине «Электротехника и основы электроники» и государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования «Требования ГОС к обязательному минимуму содержания основной образовательной программы» по специальностям: 130301.65 «Геологическая съемка, поиски и разведка полезных скопаемых», 190701.65 «Организация перевозок и управление на транспорте»; 130403.65 «Открытые горыне работы»; 270102.65 «Промышленное и гражданское строительство».

Асотова Татьяна Александровна	старший преподаватель кафедры экономики СВГУ, г. Магадан
Бондарчук Наталья Васильевна	кандидат психологических наук; доцент кафедры социального управления и гуманитарных наук Магаданского института экономики Санкт-Петербургского университета управления и экономики, г. Магадан
Вороневская Наталья Викторовна	кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка СВГУ, г. Магадан
Вторушина Анна Владимировна	старший преподаватель кафедры социологии и политологии СВГУ, г. Магадан
Гайдай Антон Сергеевич	аспирант Морского государственного университета им. Г.И. Невельского, г. Владивосток
Голикова Лидия Анатольевна	доцент кафедры экономики СВГУ, г. Магадан
Давыдова Людмила Сергеевна	кандидат педагогических наук, доцент; доцент кафедры педагогики и психологии начального обучения и дошкольного воспитания СВГУ, г. Магадан
Евсюкова Оксана Николаевна	кандидат филологических наук; доцент кафедры русского языка СВГУ, г. Магадан
Исайчев Владимир Тимофеевич	кандидат технических наук, доцент; доцент кафедры автомобилей и безопасности движения ФГБОУ ВПО «Оренбургского государственного университета», г. Оренбург
Калита Виталий Владимирович	кандидат психологических наук; профессор кафедры психологии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток
Овсянникова Виктория Владимировна	кандидат психологических наук; доцент кафедры общей психологии РГГУ, г. Магадан
Пинковский Виталий Иванович	доктор филологических наук, доцент; заведующий кафедрой литературы СВГУ, г. Магадан
Присяжный Михаил Юрьевич	заведующий кафедрой североведения, Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (Якутский госуниверситет), г. Якутск
Прикоки Олег Валерьевич	и.о. заведующего лабораторией морских промысловых рыб ФГУП «Магаданского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии», г. Магадан
Пугачёв Алексей Александрович	доктор биологических наук; ведущий научный сотрудник Института биологических проблем Севера ДВО РАН, г. Магадан

Пустовойт Сергей Павлович	кандидат биологических наук; доцент кафедры биологии и химии факультета естественных наук и математики СВГУ, старший научный сотрудник лаборатории популяционной генетики Института биологических проблем Севера ДВО РАН, г. Магадан
Райзман Михаил Исумурович	кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры литературы СВГУ, г. Магадан
Рассоха Владимир Иванович	доктор технических наук, доцент; заведующий кафедрой автомобилей и безопасности движения ФГБОУ ВПО «Оренбургского государственного университета», г. Оренбург
Семёнов Алексей Иванович	кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры русского языка СВГУ, г. Магадан
Серкин Владимир Павлович	доктор психологических наук, профессор; профессор кафедры организационной психологии НИУ ВШЭ (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»), г. Москва
Смирнов Андрей Анатольевич	кандидат биологических наук; доцент кафедры биологии и химии факультета естественных наук и математики; зам. директора ФГУП «Магаданского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии», г. Магадан
Стрелков Юрий Константинович	доктор психологических наук, профессор; зав. кафедрой психологии труда и инженерной психологии факультета психологии МГУ, г. Москва
Тихменев Евгений Александрович	кандидат биологических наук, доцент; профессор кафедры биологии и химии СВГУ, заведующий лабораторией геоботаники Института биологических проблем Севера ДВО РАН, г. Магадан
Тукиш Виктория Александровна	кандидат педагогических наук; доцент кафедры педагогики и психологии начального обучения и дошкольного воспитания СВГУ, г. Магадан
Юрина Марина Анатольевна	кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры литературы СВГУ, г. Магадан
Юсупов Равиль Рашидович	кандидат биологических наук; ведущий научный сотрудник лаборатории морских промысловых рыб ФГУП «Магаданского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии», г. Магадан
Якунина Юлия Евгеньевна	кандидат психологических наук, доцент; декан социально-гуманитарного факультета СВГУ, г. Магадан.

Научное издание

Вестник Северо-Восточного государственного университета

Выпуск 16

Ответственный за выпуск *Козенко К.П.*
Редактор *Гарипов А.А.*
Технический редактор *Крюкова И.К.*
Компьютерная верстка *Славолюбова И.В.*

Подписано к печати 25.11.2011 г.
Формат 70×108/16. Объем 12,91 усл.-печ. л. Гарнитура *Arial Cyr.*
Тираж 200 экз.

Северо-Восточный государственный университет, 685000, Магадан, ул. Портовая, 13.